

Ольга Четверская
(Хельга Озерная)

Сценока,
что делать?

Ольга Васильевна Чемерская

Синеока, что делать?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70629307

SelfPub; 2024

Аннотация

Степан вместе со своей семьёй выезжает на рыбалку. В дымке утреннего тумана он видит красивую девушку. Идёт за ней и попадает в мир Фейри. Сам Степан считает себя жертвой обольстительной Синеоки, потому что через год получает от неё подарочек – младенца в корзинке. А через восемь лет обнаруживает, что кроме сына в мире фей растет ещё и дочь! На этом сюрпризы не заканчиваются. Жена его Лиля, оказывается посланницей Синеоки. Но самое главное испытание ждёт всех впереди. В один прекрасный день Степан понимает, что миру фей грозит опасность... На месте Лисьего Бора, пристанища берегинь (как они себя называют), власти собираются построить химкомбинат...

Содержание

Девять лет спустя	17
Химкомбинат	26
План	39
Поездка в город	54
Колос Шмель	64
Спонтанная магия	81
Неожиданные встречи	88
Лиана	105
Иннокентий	113
Чёртов Лисий Бор	127
Синеока, что делать?	136
Секрет Синеоки	147
Лешак	157
Запирающее заклятье	163
В доме моём тепло...	170
Сирена	175
Мечь Лианы	182
Было бы счастье...	188
Другая Синеока	196
Визит Басилевса	205
Магический узел	212
Ясень	215
Плохой Ясень, хороший Ясень	223

Нападение	231
Догадка Лиана	239
Дракон	253
Волкодлак	257
Новый план!	274
Девять месяцев спустя...	281

Ольга Чемерская

Синеока, что делать?

Начало

Степан давно уже мечтал съездить на рыбалку. Как в старые времена, собраться всем вместе: братьям двоюродным, троюродным, (седьмая вода на киселе), дядьям с женами и детишками, старикам. Семья большая, родственников жуть сколько. Иногда это прямо скажем – напрягает. А иногда душа так ноет, так тоскует по всем, что мочи нет! Чатились с мужиками на эту тему почти ежедневно. Но всё мимо. Дела у всех, дела... А недавно сеструха его, Васька, Василиса, значит, вышла замуж, и батя приказал срочно вводить зятя в семью. Приобщать, стало быть, родственничка к семейным традициям.

– Рыбалка в нашей семейной банде – дело серьёзное. Служит для консолидации и укрепления семейных ценностей. У нас на рыбалку все обязаны ходить, если есть решение семейного совета, то дядья, зятя, братья, их жены и чада все обязаны быть как штык! Не боись! Вольёшься, как по маслу! – убеждал Степан Аркадия.

– Я на рыбалке так-то ни разу не был. И желания особого не испытываю, – ломался зятёк.

– Ты что в самом деле? Сказано же – как штык! Не был? Так получишь новый опыт. Ещё и понравится, глядишь, –

хлопнул его по спине Степан.

– Знаю по слухам, что ваши жены от этой рыбалки не в восторге.

– Чьи? Моя так очень.

– Ты разве не холостяк?

– Моя воображаемая. Я свободолюбивый, потому и холостяк.

Семейные узы есть семейные узы. Собрались и поехали.

Было у Боровковых секретное место для рыбалки. О нём мало кто знал: чудное лесное озеро в окружении соснового бора, уходящего макушками в небо. Водичка в озере чистейшая, дно песочком белым покрыто, бережок пологий, с пляжиком – отдых получался просто исключительный.

Погода радовала приятным теплом, нежная июньская зелень тешила взгляд, травы наливались цветом и источали терпкий пряный аромат. В синем небе над озером резвились стайки мелких птиц. Кузнечики трещали наперебой... Благодарь земная!

Поставили палатки, соорудили костерок, вскипятили чайник. Искупались в небольшом, прозрачном, как слеза монашки, озерке, да вокруг костерка уселись ужин готовить, похлёбку да кашу, как полагается, из топора и все такое. За суетой быстро вечер наступил. Глазом моргнуть не успели.

– А как слажено работают. Загляденье! – Степан, развалившись на надувном матрасе, смотрел и нарадоваться не мог, вдыхая подкопченный аромат «топора» и глотая холо-

стяжкие слюнки. Настоящую домашнюю похлёбку ему доводилось есть редко. Чаще сухомяткой перебивался.

– Степан! А ты чего халявишь? Иди хоть червей накопай, что ли? Я тебе свой прикорм не дам. Или вон лук покроши.

Лук крошить не улыбалось, и Степан, размякший на тёплом солнышке, решил прогуляться в прохладном тенистом лесу. Копать червей он тоже был морально не готов:

– Ну его! Дядька больше грозитя, а потом всё равно разрешит руку запустить в свою жестянку. Но сделать вид, что я трудолюбивый семейный муравей нужно.

Посмеиваясь Степан поднялся, переваливаясь с боку на бок, как медведь после долгой зимовки и, выискивая газами тропку и тихонечко насвистывая, шагнул в лес.

– Благодать! Птички поют, цветочки цветут... – зевнул он и вдох получился затяжной, как прыжок с парашютом... Степан даже закашлялся. Кто-кто, а он понимал толк в отдыхе, получая истинное наслаждение от природы.

В кустах что-то мелькнуло, и редкие кроны молодых осин, вздрогнув, затрепыхались многочисленными монетками буроватых листьев. Степан оглянулся: никого. И только, тоненьким колокольчиком зазвенел, отдаваясь эхом по округе, весёлый девичий смех. По коже Степана побежали мурашки, быстро покрывая от макушки до пят. В памяти мелькнули эпизоды самых жутких фильмов ужасов, что довелось когда-то посмотреть.

Снова шорох травы позади. Он, заплетаясь в папоротни-

ке, быстро повернулся на девяносто градусов, потом на сто восемьдесят. И снова никого. Только песня. Зазвучала так близко, словно транслировалась напрямую в голову...

Мы завьём венки

Мы на все святки...

Мы на все святки

На все празднички...

Степана бросило в жар. В голове будто частокол вырос, мыслям сквозь него не пробиться! Завертелся по сторонам запаниковал: кто? где? куда бежать? куда идти? Побежал сквозь чащобу, не разбирая дороги, под тихое и протяжное:

Мы завьём венки

На все празднички...

На Духовные,

На Духовные...

На венковые.

Сколько времени прошло? Наверное, самую малость. Никто Степана не хватился, и когда он выбежал на поляну с дикими от страха глазами, родичи только молча подвинулись, освобождая ему место у костра. Похлёбка да каша как раз подошли, и семья устроилась поудобнее бок о бок. Животы набивать, а потом под гитару лясы точить, прихлёбывая кто чаёк, а кто и что покрепче, топором закусывая. Как обычай требовал. Затем, собственно, все и собрались. Степан, немного придя в себя, взял в руки гитару и, дергая струны, затянул песню про любовь, известную ещё со студенческих

времен. Чувственную, хватающую за душу, про юношеские порывы и мечты...

Аркадий, зятёк новоиспеченный, глядя на него, решил, что у парня явно какая-то печальная история «за спиной». Так проникновенно звучали слова, брови поднимались, выстраиваясь домиком, а глаза во всполохах костра покрывались блестящей влагой.

Как только женщины разбрелись по палаткам детей спать укладывать, разговоры среди мужиков пошли соответствующие: о бабах. Степан сразу вспомнил свою бывшую. Это с ней он пересмотрел столько ужастиков, что до сих пор иногда вздрагивал по ночам. Расставались тоже под звуки хоррора. Попкорн не поделили. И вообще поводов было и без того. Взять хотя бы дружков её – готов. Ну зачем ему всё это?

Рыбалку запланировали на утро.

– Всё, мужики, давай спатеньки! Иначе самый лов пропустим. Подъём в четыре, – строго сказал отец. А отца слушаться нужно.

Туман на заре стоял густой и тёплый, как парное молоко. Видно было только ноги. Туман клубился над озером, расстилаясь над водой. «Значит, жара днём будет», – вспомнил приметку Степан. Сверчки трещали, а поплавки с гулким эхом булькали, опускаясь и всплывая. Вот только рыба не цеплялась. Дёрнешь удочку, а на крючке ничего!

Мужики стояли вдоль берега поодаль друг от друга так, что едва можно было различить соседа в тумане. Крайним, у

зарослей камыша пристроился Стёпка. Эдакий увалень. Белобрысый, румяный, пышный, но не толстый – настоящий русский богатырь. Бог не обидел.

В небе бледным пятном висел призрак полной луны. Невыспавшийся Степан клевал носом. Когда голова падала на грудь в дрёме, он походил на младенца, которому мамка спать раньше времени не даёт: растерянным и томным. Решил воткнуть удочку в берег и искупаться в озере, скинуть болезненную дремоту. Снял рубаху, сапоги, штаны и по скользкому местами глинистому берегу медленно спустился в воду. Водичка освежала. Была чуть прохладнее воздуха. Но только чуть.

Степан оттолкнулся от дна и поплыл. Озеро напоминало по форме надкушенный бублик. Бублик наоборот. Берега скрывал камыш, росший почти на всём протяжении внешней стороны бублика, а в центре на полуострове расположились старые кряжистые ивы. Густые их кроны полоскали в водах озера свои длинные затейливые шевелюры, напоминающие волосы русалок с вплетенными в них водорослями и цветами. Они красиво отражались в воде, сверкающей в редких лучах восходящего солнца, иногда прорывающихся сквозь полотно тумана. Туманная взвесь при этом тоже слегка поблескивала.

– Ух ты! Волшебство, да и только, – шепнул Степан, и получилось что-то типа: буль-буль, буль. Вода чуть не хлынула в рот. Он поплыл дальше и вдруг увидел впереди изящ-

ную головку девушки. Её белокурые волосы веером распластались по воде, вздрагивая в такт движениям. Она плыла метрах в десяти от Степана, плавно раздвигая воду руками.

Вскоре незнакомка повернула к берегу, и он увидел её чудесный профиль. Медленно поднимаясь из воды, волнуяще обнажалось белое гибкое тело. Девушка слегка повернула голову и хитро посмотрела на Степана. Её губы зашевелились:

«Мы завьём венки... мы на все святки... мы на все святки».

Звук также как накануне не лился в уши, а возникал где-то в извилинах его мозга... и повторялся... повторялся.

Степан смотрел как замороженный и даже грести перестал, взглядом ловя слова, слетающие с её полных розовых губ. Он занырнул, чтоб сбросить морок, а когда вынырнул, услышал, как она тихо засмеялась звонким задорным голоском, накидывая поверх нагого тела длинный полупрозрачный наряд, словно сшитый из тумана.

– Степан, пойдём... Степан! Пошли со мной... идём... не отставай, – толи говорила, толи телепатически транслировала она, бросая на парня взгляды, один призывнее другого.

И Степан, как послушный щенок, вышел на берег и, осторожно ступая босыми ногами, последовал за ней. Она шла, временами оборачиваясь, лукаво поглядывая и одаривая завораживающей, соблазнительной улыбкой. Словно играя. Волосы серебристым водопадом спускались с плеч, подсвечиваемые таинственным светом блуждающих огней, мерца-

ющих в воздухе тут и там. Всё расплывалось перед глазами у Стёпы, только она оставалась чётким ориентиром в окружающем его волшебстве.

«Приворожила, ведьма проклятая», – вертелось у Степана в голове. При этом всё существо его трепетало от одного лишь брошенного красавицей взгляда.

Они вышли на небольшую поляну, и незнакомка, наконец, подошла непозволительно близко, взяв Степана за руку.

– Здесь мой дом... Иди за мной... Стёпушка...

Приподняв одну из прядей плакучей ивы, она провела его в слабоосвещённый грот. Грот плавно переходил в мерцающую золотистыми отблесками пещеру, из которой расходились в разные стороны коридоры, соединяющие её с чередой других залов. С потолков свисали тонкие занавеси, кристаллы светильников маячили в нишах. Незнакомка, как центр мироздания, вырисовывалась чётко. Остальной мир вибрировал, плыл мутным отражением в воде...

«Фея? Неужто фея?»

Фея, это волшебное создание продолжала держать его за руку и вести всё дальше сквозь извилистую анфиладу залов. За каждым поворотом его встречали восторженные лукавые взгляды. Девушки хихикали, глядя на него, и смущенно прятались за полупрозрачными занавесями. Наконец его чаровница остановилась. Он понял, что находится в спальне с большой круглой кроватью посередине. Одним движением руки прекрасная незнакомка толкнула его на ложе, и Степан

провалился в мягкую, словно облако, перину.

Щурясь, Стёпа посмотрел на свою коварную обольстительницу.

В комнату караваном потянулись девушки с блюдами, полными фруктов, ягод, припудренных сладких десертов, напитков. Степана, как важную вип-персону, или младенца несмышлёного, кормили с рук, поили, а насытив, внезапно исчезли. Осталась лишь она – его чаровница.

Голова клонилась ко сну.

«Спать нельзя. Нет. Не спи, Стёпка! Всё это колдовство, и фея в любой момент может превратиться в безобразную ведьму. Как пить дать!» – бродили в его голове беспорядочные мысли.

Фея смотрела улыбаясь. Видно, её забавляла эта неистовая борьба. Степан моргнул, и вот синие глаза совсем близко. Руки скользнули по бедрам. Степан напрягся. Обычно инициативной стороной был он...

Время текло медленно, нега, словно мёд, разливалась по телу, а фея всё не отпускала. Он впадал в небытие, просыпался и снова растворялся в неге. Иногда сознание прояснялось, и молодой человек, набравшись духу, поднимался, решаясь сбежать. Плутал анфиладами комнат в поисках выхода, но снова оказывался в спальне с круглой кроватью.

– Разве здесь ты ни в раю? – слышался в голове голос си-неокой красавицы. – Что ещё для счастья надо?

– Свободы... Я воли своей не чувствую...

Озёрная фея только смеялась на это, продолжая манить, вставая на пути к свободе. Опьяненный, пошатываясь, он шёл на звуки её чарующего голоса не в силах сопротивляться.

– Отпусти меня. Отпусти! Чувствую, изведёшь ты меня. Выпьешь до дна и выкинешь, как ненужную игрушку на болото... Отпусти.

– Хитрый ты, Степан. Сам же пришёл. А теперь отпусти.

– Отпусти. Позабавилась и хватит. Сил моих нет.

– Хорошо. В шахматы играть со мной будешь? Обыграешь – отпущу.

– В шахматы? А что, думаешь, не сумею? Играем!

Несколько раз Стёпан был близок к тому, чтобы поставить мат. Но фея невероятным образом выигрывала. И снова вела на ложе.

Так за игрой прошло ещё несколько дней. По крайней мере, так казалось Степану. Словно здесь в бессмысленном, но приятном препровождении пролетают дни его жизни, недели, а может, даже месяцы.

Вскрылась тайна шахматного мастерства феи совершенно случайно. Он заметил, что шахматы перемещались по доске, сами меняя положение. Почему Степан раньше этого не замечал, понятно: в голове по-прежнему стоял туман. Почему заметил сейчас? Может, чары феи ослабли? Может, отвлеклась она и не успела затуманить его разум? Только открытие

это Степана сильно взбудоражило:

– Нет уж! – подскочил Степан. – Ты обманываешь меня, колдовка!

– Поймал? – засмеялась она весело. – Каюсь! Поймал ты меня, Стёпушка. Не думала, что так глупо получится. Ладно, отпускаю тебя. Иди.

Степан встал и пошёл, качаясь на ходу. Долго он бродил из залы в залу, где смешливые феи, хихикая, наблюдали за его бесконечным блужданием. И тут услышал издали гулкое:

– Степан! Степан!.. Отзовись. Ау! Где ты! Стёпка!

Степан ухватился за голос, как за тонкую нить Ариадны, пошёл, и вскоре оказался на поляне перед пещерой. Сил уже не оставалось, сон сморил, и он, упав лицом в ароматную землянику, уснул.

В сознание парень пришёл только через три дня. Вокруг, плотным кольцом сгрудившись, стояли родственники.

– Наконец-то! Мы тебя сутки искали.

– Ты слышишь меня? Что-нибудь слышишь?

– Ну, ты дал... – эхом разносилось по больничной палате. А Степан смотрел на них и улыбался. Он решил никому ничего не рассказывать. «Блуждающие огни, вот и всё! Заблудился». Всё равно никто ему не поверит.

Прошел почти год. Степану начало казаться, что все произошедшее с ним прошлым летом было сном, мороком, бредом сумасшедшего. Но однажды ранним апрельским утром, в его дверь позвонили.

– Иду! Иду! Сейчас. Открываю, – кричал он, по дороге натягивая штаны. Повернул ключ и распахнул настежь дверь. Никого. Лишь на пороге стояла корзинка, а в ней лежал крохотный пузатый младенец.

– Что... что происходит?

Стёпа внёс корзинку с младенцем в дом и заметил в детских пеленках записку. На ней витиеватым красивым почерком зелёными чернилами было написано:

«Это твой сын, Степан. Твоя плоть и кровь. Плод нашей любви. Назови его Лавром. Лавруша – звучит мило, поверь. Девочку я оставила себе. Всё по справедливости. Для мальчиков место в миру.

Твоя фея».

Девять лет спустя

Степан стоял с удочкой по щиколотку в воде на том же месте что и десять лет назад. Столько времени прошло... Как давно это было. Вспоминал, и сердечко ёкало. Испытание не из лёгких. Нормальные люди, к таким испытаниям непривычные. Особенно, если потом нечаянно для себя становишься отцом. Он прислушивался и вздрагивал от малейшего плеска воды или шуршания травы на берегу. Места здесь глухие, и, глядя на озеро, он знал, что с тех пор вряд ли что-то изменилось, и где-то неподалёку, скрываясь среди буйной листвы, прекрасные лесные феи подыскивают себе очередную жертву из простачков. Только вот родственничков от поездки в любимое место он отговорить не мог.

Сына он всё-таки назвал Лавром. С одной стороны, желание матери... с другой... ничего почему-то в голову не шло. Просто заклинило на Лавре! Так и бесило: почему Лавр? Из вредности захотел назвать по-другому и не мог. Все имена звучали по сравнению с Лавром нелепо!

Сначала их было двое: Степан и Лавр. Долгое время о ребёнке никто не знал. Степану не хватало фантазии придумать достойную историю, чтобы мама с папой не раскусили ложь. А родственники? Что начнётся... Но ребёнка он всё же зарегистрировал и дал имя после долгих уговоров няни. Ли-

лия, позвонившая в его дверь пару часов спустя, после того, как на пороге появился малыш, оказалась в его доме совсем не случайно...

– Добрый день, я по объявлению! – сказала она, глядя на ошарашенного Степана. Он всё ещё не мог отойти от шока отцовства.

– Что за объявление?

– Домработницу искали?.. В квартире убираться, – с неловкой улыбкой ответила незнакомка.

– Нет.

– Плеханова два, квартира сорок?

– Это за углом. Мы относимся к Лебедева, – объяснил Степан и резко повернулся: за его спиной послышался громкий детский плач. Сперва робкий, но уже через секунду проснувшийся в одиночестве малыш голосил так, как сотня колоколов в воскресный день на колокольне. Хотелось заткнуть уши и бежать.

– А вы того... с детьми умеете? Ну, это... – вдруг очнулся от собственных мыслей Степан, в панике сообразив, что перед ним стоит девушка, которая потенциально может справиться не только с уборкой. Он уже боялся того, кто голосит в его прежде тихой холостяцкой берлоге.

– Я как-то очень некстати стал отцом, если вы понимаете. И понятия не имею, что делать с ребёнком. Я вам заплачу! Вы можете поработать няней?.. Умоляю! Станьте моей няней?

Девушка звонко засмеялась.

– Бррр! Конечно же, я имел в виду его няней, – поправил себя Стёпа и указал пальцем в глубину квартиры.

– Ну, давайте посмотрим, – согласилась девушка. – Меня зовут Лилия.

– Меня просто: Степан!

Лилия засмеялась в кулачок. С любопытством осматриваясь в новом для себя пространстве, прошла в комнату с малышом. Увидев ребёнка, лежавшего в корзинке, она тут же подбежала и вынула его из пелёнок.

– Нужны чистые пелёнки, ползунки или памперсы. Я помою этого карапуза. А вы приготовьте полотенце и освободите стол для пеленания. Да! Ребёнок не может спать в корзине!

– Но у меня нет ничего!

– Как нет!

Лилия стала оглядываться по сторонам и тут же увидела в углу комнаты глубокое квадратное кресло с подлокотниками.

– Вот. Вот здесь он может временно спать.

Девушка ловко взяла младенчика под живот и, засунув под кран с тёплой водой, ловко обмыла его со всех сторон. В воздухе ещё носился слабый запах детских «какулек», но ребёнок был чист и доволен, как ангел. Стёпкино полотенце, белое как снег, ещё совсем новое, ему очень шло. Что папашу совершенно не радовало. Он понимал, что совсем ско-

ро этот предмет превратится в непрезентабельную детскую тряпку и весь лоск холостяцкой квартиры с её стерильностью и минимализмом улетит ко всем чертям. Жизнь его превратится в ад!

– Вот она – цена блаженства!

Лиля, накидав для Стёпы список покупок, отправила молодого папашу в магазин и аптеку, а сама положила ребёнка в кресло, развернув его открытой стороной к стене, и побежала на кухню разведать, как обстоят дела с продуктами.

– А ещё молока, масла, хлеба... продукты купить нужно! – крикнула она, обнаружив, что в холодильнике шаром покати.

Степан что-то буркнул, типа: здрасти, приехали! Но конкретизировать свои претензии не стал. Испугался, видимо, что так удачно подвернувшаяся няня сбежит, так не начав свой трудовой подвиг, из-за его неуместной жадности и меркантильности.

Лиле и правда очень хотелось выпить чаю с дороги и перекусить. Она только что сошла с автобуса и ещё ничего не ела. Мама буквально вытолкала её за порог со словами: «На месте поешь!»

Вот она и на месте. Произошло всё именно так, как она и сказала. Это же мама! Без магии не обошлось, иначе как могло всё пройти настолько гладко? И ребёнка принял, и Лилю моментально в оборот взял, не выясняя, кто она и откуда взялась именно в тот момент, когда ему понадобилась по-

мощь!

Стёпа посмотрел на воду: поплавок мелко подрагивал. Он дёрнул удочку, и в воздух взвилась тонкая леска с... мелкой рыбёшкой на крючке.

...Вот так всё и произошло. С тех пор Лиля жила с ними. Общие проблемы и проживание бок о бок, естественно, закончилось так, как и должно было закончиться: спустя год они поженились.

Лилия всегда казалась Степану девушкой несколько со странностями. «Но зато красивая. И вообще... милая, добрая, заботливая. И наивная, как дитя... Только за это ей можно простить чёртов срач... когда она творит свои дизайнерские штучки. Но потом она убирается», – выдохнул он и поёжился. «А как Лавра прикрывает, буквально телом! У ребёнка всё из рук валится. Предметы летают. Учителя постоянно жалуются на плохое поведение, вызывают родителей в школу. Ходит, конечно же, Лилия».

Много раз Степан настаивал, чтобы ребёнок называл её мамой, но она ни в какую: «Ни мама я ему. Так будет не хорошо», – упиралась Лилия и называла Лаврушу братишкой. Он её соответственно – Лилия. Однажды прямо перед началом учебного года Степан с Лилей даже поссорились. Лавру пришла пора идти в школу, и Степан переживал, что жену отца сынишка на глазах у всех станет звать Лилей. Лишние сплетни, пересуды, но Лилия поставила себя жестко: или расстаёмся или... Они разругались и сутки не разговаривали.

Больше Степан не выдержал.

Лавр вообще не понимал, в чём причина спора. Ему хватало любви и заботы. Совершенно без разницы, как назвать Лилю, главное, чтобы она была рядом. Мама? Он слышал, что так бывает. Мало ли... С детства ему было страшно спрашивать отца, что приключилось с мамой. Вдруг отцу станет больно?..

...Рыба клевала, но сосредоточится на рыбалке Степан не мог. Он чувствовал: вот-вот что-то произойдёт. Вдруг стало очень тихо. Ни плеска воды, ни песен сверчков не стало слышно. И только невдалеке, на поляне, где в палатке спал Лавр и Лиля, что-то неожиданно звякнуло.

– Котелок?

Почти сразу он услышал звонкий девчоночий смех. Прерывистый, словно во время игры в догонялки.

Степан приподнялся и, хватаясь за кустики мяты, стал взбираться по сухому глинистому склону. В воздух поднялся терпкий пряный аромат, а глаза тут же уловили движение. Он увидел девушек и девочек в цветочных венках, весело снующих босиком среди палаток и рюкзаков. Лагерь посапывая спал глубоким сном.

Протирая глаза, из палатки на четвереньках вылез Лавр и, вылавливая глазами из хоровода Лилю, попытался окликнуть её, но она никак не реагировала, резвясь, словно лесная нимфа в кругу подруг.

– Если задуматься, то всё так и есть. Теперь всё по-настоящему сходится, – шептал себе под нос Степан. – Появилась неожиданно, влюбила в себя и Лаврушу братишкой зовёт...

К палатке подбежала девчужка и подала Лавру руку. Они были очень похожи друг на друга, как однойцевые близнецы. «Огошеньки! Неужто, я многодетный отец? Она одна или ещё в нашем колхозе прибудет?» – удивился Степан.

Девочка взяла Лавра за руку и повела в сторону леса, что-то рассказывая. У самой кромки на поваленном дереве сидела Она. Его прекрасная фея.

Степан тут же забеспокоился за сына, и, ни секунды не мешкая, спотыкаясь о кочки, направился к ней.

– Ну вот и свиделись, Лавруша. Сыночек, – сказала «фея» и распахнула Лавру свои объятия. Мальчик, не раздумывая, подбежал и обнял её. К ним присоединилась и девчужка, забравшись матери на колени.

– Лавруша, а ты с нами останешься или снова к людям уйдешь? – поинтересовалась девочка. Лавр вопросительно глянул на отца.

– А папа разрешит?

– Папа не разрешит! – грозно ответил запыхавшийся Степан.

– Степан, что сердитый такой? Виолку испугал, – она указала глазами на дочку.

– Пап, Виолка утверждает, что она моя сестрёнка. Это правда?

Степан нагнулся к девочке, глядя ей в глаза.

– Иди-ка ко мне, – он протянул к ней руки, и Виолка смело шагнула вперёд. Лавр засмеялся. Он совсем не ревновал. Даже когда увидел на лице Степана слёзы умиления.

– Как тебе моя старшая дочка Лилия? – пристально посмотрела «фея» на Степана. Степан не хотел показаться дураком и сделал вид, что давно обо всём догадался.

– Не идеал.

– Ой ли! Мои дочери все как одна идеальны. Вот только незадача: всё чаще девочки-берегини рождаются без волшебства. Раньше это было б просто невозможно, а сейчас пять моих дочерей живут в мире людей. Те крохи волшебства, с которыми они рождаются, не могут защитить их, спрятать в магическом мире. А знаешь, Степан? Лилия сообщила мне очень хорошую новость: Лавр проявляет способности к магии!

– Неправда.

– Правда, любимый, – пропела Лилечка, подкравшись к нему сзади. – Ты дома редко бываешь, а я знаю про Лаврушу всё!

– Так вот! Не взыщи. Заберу я его у тебя!

– Эх ты какая шустрая! Взять, потом отнять для тебя, как нечего делать. А кто сказал, что я отдам?

– Стёпушка, Лавр не сразу от нас уйдёт. Только когда ему шестнадцать исполнится. А я тебе ещё ребеночка рожу. Хочешь?

На лице Степана мелькнула улыбка. Но он спрятал её и снова стал ни на шутку серьёзным:

– В шестнадцать он уже сам решать будет. Да, сынок?

– А то! Мама, а можно к тебе в гости приходиться по воскресеньям?

– Я буду рада тебя видеть всегда. Если папа согласится брать тебя с собой на рыбалку?

– Пап!

– Поговорим дома, – ответил ему Степан и стал оглядываться. У реки зашевелились тени. – Похоже, родичи очнулись?

– Нам пора, сынок, – сказала лесная берегиня поцеловав Лавра и Лилию на прощанье. Берегини превратились в тени и растаяли в ночной мгле.

– До встречии, – звучали слова, словно колокольчик вдали.

Степан обнял Лавра и Лилию словно боясь, что и они растают вместе с утренним туманом и зашагал к палаткам, загадочно улыбаясь своим мыслям.

Химкомбинат

Лилия ворвалась в дом, задыхаясь, скинула туфли, разлетевшиеся в разные стороны по коридору и шаря глазами, в поисках Степана, закричала:

– Стёпа! Стёпушка! Ты дома? Где ты? Где ты прячешься? – обшарила комнату сына, кухню, заглянула в спальню и вдруг услышала шум воды в ванной. Степан должен быть дома. Она точно это знала. Буквально два часа назад они созванивались, и он предупреждал, что к четырём вернётся домой, если ей что-то будет нужно.

Лиля бежала домой так, что асфальт плавился под подошвами её миниатюрных босоножек. Переодеться, перекусить и лететь дальше на объект, чтобы вредный заказчик видел, как она усердно работает, сопровождая каждый этап проекта, от и до.

На самом деле и правда не мешало лишний раз убедиться, что рабочие правильно устанавливают камни и арки в «Японском» садике.

– Стёпа! – она распахнула шторку душевой кабинки и почувствовала, как тёплые капли душа, накрыли её и, мягко барабаня по телу, заструились бурными потоками в декольте и устремлялись дальше: сквозь пояс на юбке в трусики... стекая по ногам на пол. – Тёпленькая пошла...

– Понимаю... Что с тобой?

– Выходи! Срочные новости! – на ходу скидывая мокрые вещи и вытираясь стянутым со змеевика полотенцем, кинула Лиля и исчезла, подпрыгивая на одной ноге.

Когда он зашёл в спальню, она переворачивала содержимое шкафа в поисках рубашки:

– Ну где же она?

– Не эта?

– Чёрт! Вернусь, приберу. Чес слово, обещаю.

– Надеюсь на это. Не стоит подавать плохой пример ребёнку. Что ты хотела сказать? Вломилась, как необузданная дикарка на званый обед.

– В Лисьем Бору хотят строить химзавод. Узнала сегодня в архитектурно-проектном бюро. И даже карту застройки видела! Обсуждали, насколько далеко от Земляничного озера нужно отнести территорию завода. Так вот, главный инженер утверждал, что озеро – вещь, просто необходимая для химзавода и может сгодиться для тестирования очистной системы. Представляешь? Они что, хотят, чтобы берегини тестировали сточные воды?

– Ты уверена?

– Можешь на этот счёт переговорить с братом. Откуда, думаешь, я узнала? Он в команде проектировщиков. Но выбор территории от него не зависит никак! Позвал меня в свой офис чаю попить. Пока чай пила, слушала о чём они говорят. А потом, когда они расходиться начали, заглянула в карту. Меня чуть Кондратий не хватил!

– И что теперь?

– Завтра же поедem к Синеоке! Без неё этот вопрос никак не решить. Она в первую очередь должна узнать!

Стёпа с Лилей уже давно планировали отпуск, да работа не отпускала. Частные конторы не охочи давать сотрудникам время на отдых: «Пока ты отдыхаешь, денежки – туту!» – говорил Лиле Семён, который взял её без опыта работы и научил всему с нуля сам, пока их компания ещё только выходила на рынок ландшафтного дизайна и состояла всего из трех... двух человек плюс Лиля. Степан уговорил одноклассника взять её. Уверял, что Лиля разбирается в цветах и травах лучше, чем кто-либо. И не ошибся. А как же ещё? Она же лесная нимфа! Пусть без магии, но всё же!

– Сгоняем на выходные? Вы с Лаврушей на рыбалку, а я старые времена вспомню. У Семёна я уже отпросилась. Тебя, я думаю, отпустят без проблем? Как никак ты не среди недели отпрашиваешься, а на субботу и воскресенье.

– Хорошо. Сейчас буду звонить. Ты во сколько вернёшься? Мы планировали вместе фильм посмотреть.

– Какой уж тут фильм! Сердце не на месте! А вообще до места часа три. Контролирую проект в коттеджном посёлке за аэропортом. Час туда, час обратно, час там. Не меньше, думаю. Нужно показать заказчику, что всё под контролем. Бригада целиком из узбеков...

Стёпа хмыкнул:

– Узбеки узбекам рознь. На кого нападёшь.

Сам он предпочитал работать с проверенными людьми. В большинстве своём узбеки трудолюбивы и аккуратны.

Лиля переделалась и вместе со Стёпой перекусила ещё вчера приготовленной холодной говядиной со свежими овощами. Крошить салат было некогда, и она просто порезала овощи дольками: помидорки, огурчики, свежую капустку, красиво бросила между ними салат и курчавые листья сельдерея.

– В животе как раз салат получится, – усмехнулась она, жуя.

– Лентяйка! А гарнир где?

– Гарнир хлеб! Те же углеводы, – она развела руки в стороны в немом вопросе, засунула последний листик салата в рот и заторопилась к выходу. – Помой, пожалуйста, тарелку... – крикнула Лиля и дверь за ней захлопнулась.

Через час домой вернулся Лавр.

– Я дома, – промычал он, входя и бросая вперёд объёмистую спортивную сумку. Сумка прокатилась по ламинату и достигла открытой двери кабинета Степана. Уловив боковым зрением, движущийся предмет, папаша оторвался от бумаг и, взирая на сумку, наконец-то сообразил, что сын вернулся с тренировки. Иногда, глубоко уйдя в работу, он не обращал внимание на внешние раздражители и нужно было хорошо постараться, чтобы тебя услышали и увидели.

Лавр заглянул в кабинет, если так можно было назвать тесное помещение два на два метра, отвоёванное у спальни. Ради него пришлось отказаться от гардеробной.

– Пап, умоляю, давай сменим мне имя! Ну не могу я!

– Греческое имя. Чем тебе не нравится. Его выбрала мама.

– А ещё мама хотела, чтоб я Нарциссом был, помнишь?

– Не помню. Нарцисс не русское имя. Больше как арабское, что ли? Нарцисс-Наргис. Певец такой был Пьер-Нарцисс. Шоколадный заяц... ха-х. К тому же это имя нарицательное. Неа, точно не вариант. А Лавр звучит вполне мужественно. По-христиански.

– Ага! По-христиански! Мужественный, говоришь? Как лавровый лист. Мужественней некуда. Только почему-то меня все Лаврушкой зовут.

– Ну так Лиля тебя тоже Лаврушкой зовёт. В чём разница?

– Ни в чём! Из её уст это звучит по-другому. К тому же она говорит не Лаврушка, а Лаврушенька. А иногда «Лав»! Секёшь?

– Ай лав ю-ю-ю, – затянул Степан. – Секу! И как же ты хочешь называться? Учти, имя должно быть растительным.

– Но я же не растение!

– Так мама желает, понимаешь! Давай посмотреть в интернете. Лавр, Милий, Орен?..

– Что это? Люди совсем с ума посходили!

– Флореан?

– Я же не кентавр из Гарри Поттера!

– Джуниперро?..

– Издеваешься?

– А что? Как корабль назовёшь, так он и поплывёт! Вот глянь, «Витольд». Что значит «Лесной Властитель»! Польское. Или Вуди... как Вуди Аллен.

– Нет. Иностранное имя я не хочу. Звучит кринжово.

– Дуб? Ха-ха. Дуб – русское имя!

– Дуб? Пап?..

– Олесь? Аналог Олеси?

– Всё, всё! Достал. Я по-ня-л! А типа, как у тебя ничего нет? Почему «Степан» можно, а «Максим» нельзя?

– Степаном меня моя любимая мамочка назвала. Хотя я тоже её об этом не просил! Оно случайным образом обозначает «венок». Надеюсь, цветочный, а не погребальный... Поэтому меня твоя мама и выбрала. Кстати, Лавр. Завтра едем к маме. Собирай вещи. На два дня!

– Ура-а-а-а-а!!!!

Лисий Бор занимал почти десять квадратных километров и являлся до сих пор одним из самых необследованных кусочков европейской территории России. Этот факт играл на руку как нельзя лучше. В Лисьем Бору спасалось от цивилизации огромное количество всякой живности. Только на первый взгляд в лесу тихо. А потуши костёр, нажми стоп на проигрывателе и начни засыпать, как мир разразится сума-

шедшими звуками дикой природы.

Знакомое озеро в виде надкушенного с одной стороны бублика сверкало в лучах полуденного солнца, как начищенный пятак. Или Лилькина парадная блузка с пайетками, вернее будет. Старая ива посередине островка стояла, как и прежде, столетиями полоща длинные тонкие пряди, в зелёных прозрачных водах озера. Густой камыш. Местами плавали белые, невероятно крупные кувшинки на воде, ничем не уступающие египетским или индийским по красоте. Стрекотание кузнечиков... Рай земной!

Степан глубоко вдохнул аромат пряных трав, расправил плечи, поднял руки над головой, потянулся и прокричал Тарзаном во всю мощь своего молодецкого голоса. Этот призыв не мог остаться незамеченным у жителей Лисьего бора. Стайки птиц вспорхнули, кузнечики притихли, но всего на мгновенье, а потом лес взорвался целым хором разномастных голосов.

Послышался плеск воды. И также как десять лет назад, Степан увидел её, королеву берегинь Синеоку. Самую красивую и загадочную женщину на всём белом свете.

Степан называл её феей или нимфой, как приучила масскультура. Как и других берегинь, живущих в лесу под покровом собственных чар. Сколько же имён придумали им люди! И не упомнишь все разом! И вилами называли, и юдами, и наядами, и русалками. А в последнее время всё больше нимфам да лесными эльфами. Времена меняются, меняются и

названия.

А сами они величают себя берегинями. Всё потому, что лес берегут. Восстанавливают утраченные виды растений, животных спасают от вымирания. Следят за круговоротом времён года. Слишком мало их в природе. Слишком много людей развелось за последние столетия. Вытесняют они с насиженных мест всё живое: и животных, и редкую травку-муравку и даже их – берегинь. Путают зиму с осенью, весну с летом, подогревая землю городами и километрами теплоцентралей.

– Много чего пропало с лица земли, будто никогда и не было. Видно, и нам время пришло, – грустно улыбнулась Синеока, выставив перед Степаном красивую белую ножку. А кожа-то просто чистый фарфор! В крови у неё жеманство и соблазнение.

– Давай... те, только вот без этого... – Степан мягко отодвинул рукой потрясающей красоты колено и принял серьёзный вид. – Нужно не глазки строить, а думать, как защитить Лисий Бор от строительства химкомбината. Синеока! Ты самая старая здесь и самая мудрая! Думай!

– Я старая?! Вот ещё!

– Ты же из первых! Придумай что-нибудь, – сказала Лиля.

– Да, я из первых, но... всё когда-нибудь кончается. Даже магия и та становится слабее. Всё меньше младенцев рожда-

ется, наделённых чарами.

– Мама, не думала я, что ты сдашься без боя. Посмотри на себя! Откуда такая вселенская печаль? – удивилась Лиля.

– После строительства трассы в пяти километрах отсюда, покоя нет уже год. Шумно. И люди стали слишком часто навещаться. Мусор в бору вываливают прямо с грузовиков!

– А если собрать в кулак всю магию и самим выйти к людям? – озарило Степана.

– Как это? А главное, зачем?!

– Наколдуйте здесь деревню. Эко-поселение, – развивал свою мысль Степан.

– Эко?

– Экологическое, значит. Исключительно из природных материалов. Продукты натуральные. Никакой химии, машин и полиэтиленовой упаковки. Откройте производство ну... чего вы можете производить?

– У нас в озере жемчужная ферма! – вмешалась молоденькая берегиня по имени Иви. Она подошла с серебряным подносом, на котором стояли потрясающей красоты фарфоровые чашки.

– Вот чашки эти у вас откель? – спросил Степан. – В магазине покупаете?

– Тоже сами делают. По старинной технологии. Здесь недалеко есть гора с чудеснейшей белой глиной. Ну, плюс чары, само собой, – ответила за берегиню Лиля. – Стёп! Документы нужны. Кому интересно эко-поселение на госу-

дарственной земле. Снесут и бровью не поведут!

– А документики наколдуете! А мы потом задним числом их зарежим. Тоже с помощью магии.

– Стоп! Стоп! Стоп! О каком колдовстве, собственно, идёт речь? – вскипела Синеока.

– О вашем! – удивился Степан.

– Мы колдовать не умеем. Колдовство – это только людям присущее занятие. Их сотворили последними на Земле вот и изгаляются кто на что горазд. Понахватались у всех понемногу. Кто имел дар, естественно. Тот дар передался людям от браков с магическими существами. Человеки сами по себе не маги! Так, одно название. Мы с ними хоть и одним миром мазаны, но владем магией изначальной, природной! Наша магия больше чары, чем колдовство. Очаровывать, морок навести, показать то, чего на самом деле нет, и спрятать от глаз то, что есть. Магия только та, что нужна нам для жизни. Животворящая.

– Ну вот вы и покажете им документ животворящий, которого на самом деле нет. Он, как ни крути, для жизни нужен! Наведёте чары, чтобы заполучить его настоящий, и тогда никто вас и тронуть не посмеет. Только нужно поторапливаться. Быстрее лаптями шевелить, – перевернув всё с ног на голову, свёл воедино Степан. Легко у него получилось на словах-то!

– А кто нам ваше ЭКО строить будет?

– Чары.

– Нет! Можно шалаш превратить в терем с помощью чар. А построить нельзя! – выпалила Синеока, сложив руки на груди.

– Нельзя, так нельзя. А есть у вас золотишко?

– Что?!

– Деньги. Золото. Камни. Тот же самый жемчуг. Чтобы со строителями расплатиться можно было.

– Лаванда! Принеси ларец, – махнула рукой Синеока.

Юная берегиня принесла небольшой, но достаточно увесистый ларец. Отрыла, и Степан присвистнул.

– Ого! Это всё или ещё есть?

– Хм! А что это ты так заинтересовался?

– Я так-то не спец. Не могу в деньгах оценить, на сколько потянет ваше имущество.

– Достаточно будет. Сколько нужно, столько и добудем.

– Ну... красава! Лиль, объясни мне, глупцу, почему мы с тобой вкальываем двадцать четыре на семь? А нельзя просто с мамки алименты взыскать и жить припеваючи?

– Взыщи, а я посмотрю, как ты будешь надрываться, перетаскивая в машину сундуки. Синеока, а помнишь, у нас были золотые монеты... дарики, помниться?

– Шустрая какая! Есть и дарики. Куда им деться? Чует моё сердце, что скоро твой Степка нас по миру пустит. Всё это: алмазы, жемчуга, самоцветы – я тысячами собираю!

– А можно поинтересоваться, зачем? – удивленно тараша

глаза, спросил Степан.

Синеока на минуту задумалась, играя на публику глазами. Жеманно водила обнаженными плечиками, вдыхая и выдыхая воздух, словно собираясь что-то сказать, пока не выпрямилась, сурово взглянув на него, и не ответила:

– Положено так! Какие же мы хозяева земли, если нет у нас ничего за душой! Все лесные богатства должны пасть у наших ног... – уверенно и властно произнесла Синеока, кого-то сильно напомнив Степану. Аж мурашки по телу побежали. Вот ить, Галадриэль!

– Кстати, вот это тоже может сильно пригодиться, – добавил Степан, показывая на богатые украшения берегинь, служившие им одеждой. Берегини при этом переглянулись, пряча украшения под маленькими ладошками. – И это, – он окинул взглядом стены с рясыными жилами жёлтого сверкающего металла.

– Это? Это «золото дураков». Горная порода пронизана жилами пирита и марказита. А больше всего здесь слюды – всё это ничего не стоит, если не грести экскаватором, конечно.

– Жемчуг то настоящий?

– Жемчуг настоящий.

– Слава богам! Я уж подумал, грешным делом, что все ваши богатства – пшик! Жемчуг сегодня мало кто носит. Не жалейте. Моде сегодняшней не соответствует. Придётся привыкать... попроще одеваться. Вопрос только... где я всё

это продам...

– погоди! Жемчужные украшения можно использовать для тематических фотосессий! Чем не заработок? Это сейчас очень модно, – вставила Лилия.

– Так! Так! Что мы сейчас обсуждаем? Как нам зарабатывать на жизнь? Или как сохранить Лисий Бор? Мы не особо нуждаемся в деньгах! – непонимающе спросила Синеока.

– Это для прикрытия. Не может целая деревня существовать в полном отрыве от общества и ничем не заниматься. Мы должны показать всем, на что деревня существует. На что вы все здесь существуете. И что стоит всё это очень дорого!

– Кому показать? – всё ещё не понимала Синеока.

– В первую очередь тому, кто претендует на землю. Он должен увидеть здесь развитое земледелие, домашнее хозяйство и производство, приносящее прибыль. Если землю захотят выкупить – это должна быть просто неподъёмная сумма! Только тогда вас, возможно, оставят в покое.

План

Степан с Лилей в сопровождении прелестной нимфетки откинули ветви плакучей ивы и нырнули в сводчатый грот, плавно переходящий в целый каскад пещер, больше похожих на дворец, нежели на то, чем нам представляются подземные тайные убежища. Потолок источал таинственный свет: голубой, зеленый, желтый, розовый... с него свисали паруса тонких тканей, подобно шифону, вздувающиеся при каждом мимолетном движении воздуха. Сказочное королевство, ни дать не взять!

Стёпа прошёл в просторную залу и, бросив на пол два клетчатых баула, развернул карту, застелив ею массивный, полированного камня журнальный столик. Такие он видел только в «Зимнем» три года назад, будучи проездом в Питере. Синеока уже ждала его, властно взирая сверху вниз. Так что иногда он чувствовал себя её подданным... Может, он преувеличивал свои ощущения? Она, как не крути: королева! Владычица мор... лесная! От этого знания просто так не уйти. Довлеет.

Синеока наклонилась над картой, всматриваясь в мелкие непонятные знаки, начертанные линии, зубчатые контуры овалов, пунктирные штрихи и цветные пятна.

– Вот это Лисий Бор, – Степан обвёл указательным пальцем большой массив:

– Видишь... те ёлки, изображения деревьев? Двойная линия – это шоссе. Двойные штрихи – луга. Вот это проселочная дорога, та самая, по которой мы приехали к озеру. А вот и озеро. Двойная линия с направлениями движения – ручьи. Или речки. Есть такие в Лисьем Бору?

– Да, есть. Овсянка. Мы зовём реку Овсянкой. А ручьёв – считано-несчитано!

– Точно! Тут и подписано «Овсянка». Вот это овраги, родники... Карта достаточно подробная. Кто-то неплохо сделал свою работу. Где границы вашего царства-государства? Можешь сориентироваться?

– Мне кажется, примерно так, – вмешалась Лиля, обводя границу Лисьего Бора карандашом.

– погоди. Не спеши, – одёрнула дочь Синеока и пристальнее всмотрелась в карту. Волосы упали на столик, и цветы на изящной головке берегини уткнулись Степану в висок. Он почувствовал тёплый аромат её волос. Аромат поля, нагретого солнцем, источающего неповторимый запах полевых цветов, земли, смешанный с горечью тысячелистника и таволги, с её пьянящим послевкусием.

– Дай рассмотреть поподробнее. Откуда тебе знать границы? Здесь до самой речки... вот так... так... – берегиня старательно выводила пальцем линии на карте, и они, вспыхивая зелёными искрами, светились.

– Не загорится? – Степан попытался затушить огоньки на карте. Другой у него с собой не было. Но Синеока лишь ле-

гонько шлёпнула его по руке. Сейчас она походила на маленькую девочку, увлечённо рисующую полянку, солнышко, небо... и Степан, глядя на неё, улыбнулся: «Магия какая-то», – подумал он и ближе подвинулся к Лиле, коснувшись её бедром. «Не дай Бог, ещё втюрюсь в неё... Очаровала раз, очарует и второй. Не побрезгует...»

– Этот документ называется кадастровый план. Вот это договор купли-продажи, это свидетельство о собственности. Всё это образцы. Сейчас нам нужно их заполнить. Дальнейшее зависит только от вас и от ваших чар, Синеока. Да! Вам всем нужно оформить паспорта. Придумать ФИО. Фамилию, имя и отчество. Так положено в нашем мире. Допустим: Славянинова Синеока. Славянинова – фамилия. Я придумал её от фонаря. Синеока – имя. А вот отчество дают по отцу. Лавруша у нас Степанович. Боровков Лавр Степанович. Фамилия, как правило, тоже достаётся ребёнку от отца. Но вы можете придумать её самостоятельно. Как я понимаю, никто своих отцов по имени не знает?

Столпившиеся вокруг полуголые берегини смотрели на него, как дети на деда Мороза.

– Не мешало бы вам перенять традицию носить одежду. Вот, привёз кое-что. Я не миллионер, поэтому одежда из секунд-хенда. Потом Лилия вас проконсультирует, где взять одежонку получше. Ну, или наколдуете, в конце концов! Что такое «дата рождения», вы в курсе? Она тоже нужна для получения документов. Синеоке мы оформим паспорт немед-

ленно. Она глава общины, и на неё будут оформлены все договора. Как и собственность на землю. Придётся воспользоваться услугами мошенников. Подделка документов незаконна, и нужно будет как можно быстрее получить настоящий документ.

Для этого подбивайте свой возраст под четырнадцать, двадцать и сорок пять лет. К этому возрасту получают или меняют паспорта для соответствия фото наружности, – он провёл ладонью пред лицом, показывая, о чём идёт речь. Глубоко вздохнув, Стёпа оглядел присутствующих, понимая, что возраст у всех, ну максимум... двадцать, и продолжил:

– Для вас это хороший шанс стать законопослушными гражданами страны. Документы. Их много. Пенсионное свидетельство, лицензия на осуществление предпринимательской деятельности... разрешение на строительство...

– Столько бумаг? Это невозможно!

– Возможно. В мире людей без бумажки... ты никто. Самое трудное – внести все эти документы в базы данных. А бумажки ничего не стоят без номера свидетельства, занесённого в базу данных. Нам нужно поторапливаться.

Завтра здесь будет бригада строителей из соседней области. Я договорился. Вот посмотрите, это проект коттеджного посёлка. Типовой. Определитесь, где будем ставить? Домики самые что ни на есть простецкие. Но вы можете их очаровать!

По внешнему виду Синеоки можно было понять – она

полностью дезориентирована. Ничего не понимает, и в любой момент можно ожидать от неё всплеска эмоций, которые по-человечески обозначены, как истерика.

– Мам. Как думаешь, если сделать центральную улицу больше? А твой дом чуть шикарнее остальных. Ты же глава поселения и Владычица.

– Лиля, мы не в Средневековье. Ты ещё замок феодала возведи.

– Погодите... А сколько места займет поселок? Я не могу сориентироваться, – Синеока растерянно посмотрела на Степана, ища поддержки.

– Часть деревьев придётся вырубить. Теоретически... посёлок встанет сюда... и сюда... На самом деле домики можно расположить хаотично. Например, вот здесь... войдет десять коттеджей, а остальные как-нибудь впендюрим уж, – кхыкнул он со смешливым выражением на лице. – Сколько домиков нужно... в принципе? Сколько берегинь в Лисьем Бору? В каждом домике можно поселить по две-три. Кто-то наверняка захочет остаться жить в пещерах.

– Сколько?.. Сколько... – Синеока задумалась.

– Ну вы даёте! На раз-да-три, рассчитайсь! Нужно место найти для хозяйственных построек. Если важные шишки из города понаедут, как вы продемонстрируете работу ягодных угодий, жемчужной фермы, покажете логистику?.. Я, кстати, времени не терял, за три дня весь город перепахал и нашёл точку сбыта малины... А вам нужно будет показать, где вы

храните, как сортируете, сушите... показать договора...

– А-а-ай! Помолчи! Помолчи! Я сейчас с ума сойду! – вскрикнула Синеока, прижав белые кулачки к груди. Сжавшись в комок, она словно пыталась спрятаться от всех и вся. От страшных, непонятных слов, от мысли, что совсем скоро лес и жизнь берегинь – всё кардинально измениться. До неузнаваемости!

Синеока схватилась за голову. В голове словно гудел пчелиный рой:

– А стоит ли затевать весь этот балаган? На что станет похож Лисий Бор!? Я чувствую, не к добру наша затея! Не станет ли только хуже?

– Не станет! Лисий Бор обретёт статус закрытой частной территории. Здесь вы будете делать всё то же самое, что и раньше. Только легально. Легальное волшебство! Чары под прикрытием: ЗАО «Лисий Бор». Между прочим, мы с Яриком, хакером, что согласился взломать базы данных и внести вас в Госреестр, придумали вам, Синеока, легенду, – Степана невозможно было остановить. Волосы, взлохмаченные руками, торчали, в глазах горели дикие огоньки великого комбинатора...

– Легенду? Про нас люди много легенд и сказок сочинили.

– Слушай... те, ещё одну, – Степан всё не мог понять, как ему называть Синеоку на «ты» или на «вы». – В девяностых годах в области действовала банда деда Мазая. Она была не единственная тогда и между бандами постоянно происходи-

ли разборки. Известно, что дед Мазай скупал недвижимость и землю в том числе.

– А это не тот Мазай... леший из болотного края?

– Кто знает. Любвеобильный чел. Баб имел... и детей от них тоже немало народилось. Так вот, дед Мазай прожил недолго. Порешили его братки. Да из шишек...

– Шишек?

–...С которыми он скорешился, тоже мало кто дотянул до сих благодатных времён. Но баб, и детишек своих он материально обеспечил. Никто обиженным не остался. Вот мы и решили с Яриком, что покупку Лисьего бора спишем на него. И ты, Синеока, будешь выступать в роли его дочурки, получившей землю в виде дарения.

– Фу! Какая мерзость! А нельзя попримечнее было что-то найти?

– Он кстати, на экологию никак не посягал. А вот в соседнем районе, например, один хмырь вырубил и продал в Китай 30 гектаров леса. Нам нужно, чтобы надёжно. О приличиях поговорим позднее... Синеока, у вас сутки на планировку посёлка. Лиля пока побудет здесь и подготовит всю необходимую документацию. Самое сложное будет потом, когда поедем в город регистрироваться, получать номера, справки и документы...

Лиля взяла кратковременный отпуск. Но отказаться от

контроля за объектом было нельзя, и она ежедневно отлучалась проверить, как идут работы в японском садике.

– Лиличка, мне кажется, или гальку нужно взять покрупнее? – бегая за ней по пятам, тархтела хозяйка участка. – А вот здесь поставить японский фонарь. Я уже заказала в интернет-магазине. Булыжник лучше выложить белый. А?

– Как вам, если белый булыжник мы уложим вдоль дорожки? На дорожку его класть опасно. Скользко ходить будет. Он не предназначен для дорожек.

– Мммм, – помялась женщина, борясь с желанием покапризничать, но не стала и согласно кивнула.

«Слава Богу! Есть ещё нормальные люди среди богатей...» – подумала Лиля, улыбаясь женщине в ответ. «А могла и заартачиться. Вон какая вся. В леопарде... Уже больше шестидесяти, а всё молодиться. Лицо словно маска. Косметики, наверное, тонну наложила. Брови, ниточки... Но всё же... она приятная» – рассуждала Лилия, торопясь в Лисий Бор. Там уже царил настоящий хаос! Гудели трактора, расчищая площадь под строительство, грузовики месили грязь, подвозя брус и доски для коттеджей. Всё это происходило всего в какой-то сотне метров от пещер, и берегини содрогались от страха. Только самые смелые из них, берегини мужского пола, коих было мало – магический дар передается больше по женской линии, помогали Синеоке регулировать производство работ.

К обеду Синеока даже втянулась. Лиля возвращалась в

Лисий Бор и заметила летающий вдоль трассы вертолёт.

– Как я не подумала! Стройка может привлечь внимание! И тогда проблем не оберёшься. Надеюсь, он ещё над Лисьим не был?

Лиля прибавила скорость и, несясь во весь опор, пыталась обогнать вертолёт. Подпрыгивая на каждой рытвине, она вырулила к озеру, и только тогда поняла, что вертолёт повернул в другую сторону. Остановив машину, Лиля сломя голову побежала искать Синеоку. Навстречу ей попадалось, много людей, что было совсем не характерно для такого тихого места как Лисий Бор. В первую минуту Лиля здорово растерялась, боясь спутать берегиню с человеком. В человеческой одежде берегини стали выглядеть совсем по-другому. Но, логически рассудив, решила, что женщин, а особенно девушек, среди строителей быть не могло.

– Мальва! Наконец, – увидела она знакомое лицо и облегченно вздохнула. – Мальва, над лесом в любую минуту может появиться вертолёт. Нужно установить защитный экран и спрятать от внешнего взора машины и саму стройку в целом...

– Нужно собрать всех берегинь. Я одна не смогу. Пойдём в дом.

Они спустились в пещеры, и Мальва стала собирать девушек.

– Сестрички! Нам предстоит построить защитный купол, чтобы обмануть тех людей, что летают, как птицы в небе-

сах, на своих машинах. Им незачем подсматривать за нами со стороны. Пусть думают, что в лесу ничего особенного не происходит. Пойдём! Встанем на границах Лисьего бора и наведём чары. Щебеча, берегини гурьбой выбежали к озеру.

Они чинно встали в круг, приняв серьёзный вид, взяли за руки и произнесли несколько отрывистых фраз почти нараспев. Звучание фраз чем-то напоминало гимн. Лёгкий хлопок и вот они пропали. Так быстро, что Лилия даже глазом моргнуть не успела. В воздухе остался лишь сноп золотистых искр с пьянящим запахом лабазника.

– Просто великолепно! Эффектно и эффективно!

Лилия отправилась на шум стройки посмотреть, как идут дела там. Неожиданно для неё в реликтовом лесу появилось множество троп и дорожек. Некоторые из них были даже посыпаны сосновой корой и сухими иголками. Строители топтали, а берегиням не по нутру пришлась грязь. Ни звери, ни феи таких явных троп не делают, выдавливая почву из дёрна. Вот и присыпали для порядка.

– Что может быть естественнее?! – восхитилась Лиля. – Синеока!

Домики ставили на листовенничные столбы. Решили, что так будет быстрее. Заливать бетоном или бурить винтовые сваи Синеока не позволила. «Землицу жалко да корешки...» Домики выросли уже на три, а где-то и на четыре венца. Работа шла споро.

– Мама, а возможно, как-то незаметно для строителей

ускорить процесс? Ведь сегодня они ни за что не закончат!

– Не зови меня мамой. Просто Синеока. Я уже поразмыслила, – хитро подмигнула она с азартом игрока. – Пока строители удивляются, как ловко и быстро все выходит, почесывая в затылке, Дуб и братик мой Синегор наводят чары и поднимают по несколько венцов одновременно. Мы поняли технологию возведения домов на этом этапе. Василин, Репей и Лазурь, ребята уже взялись за фундаменты к другим домам, спрятанным среди деревьев. Рубят пазы, укладывают в них брёвна. Ловко выходит! Там они используют чары во всю мощь и дело идёт быстрее. С утра меня взбесило, как долго разворачивалось строительство. Трактора перелопатили гусеницами пол леса! Кошунство! Я пару раз даже прикрикнула на прораба. Но потом сообразила, что люди быстрее и аккуратнее работать не способны. Очень тяжело, когда в ушах часами стоит шум от этих дьявольски громко жужжащих железных жуков. А сколько мужчин! Не вынесу если в Лисьем Бору они задержаться хоть на один день больше!

– Дня за три управятся же с нашей помощью? – веселясь, спросила Лиля, наблюдая, что воздух просто-таки искрится от чар. – Как только они ничего не замечают?

Синеока в ответ лишь улыбнулась.

– Я выясняю, какие этапы работы предстоят. Освоимся и решим, как ускорить процесс. Не всё сразу! Любое дело требует усердия и времени.

– Я попросила Мальву и других берегинь поставить за-

щитный купол над лесом. С вертолётов и дронов могут заметить суету, а потом выдать нам за незаконное строительство... по первое число. Пожалуйста, и наземные границы тоже проконтролируй! Лишних глаз лучше избегать.

– Ах! Ты молодец! Обязательно выставлю стражей... как я сама не догадалась! – всплеснула руками Синеока. – И всё-таки строительство... так необычно и волнительно. Я жутко переживаю! С утра, услышав шум машин, ко мне наведалься дед Емельян. Пришлось поделиться с ним планами.

– А... этому Емельяну можно доверять?

– Что ты! Конечно. Я лет так тридцать назад даже замуж за него хотела выйти. Он мне предложение сделал! До сих пор неловко, что пришлось отказать. Лесник наш человек. Кстати, это платье? Как оно на мне сидит? Емельяша глаз с меня не сводил. Неужели я так нелепо выгляжу? Человеческая одежда совершенно безвкусна. А то платье с блёстками? Можно его носить?

– В лесу? Это вечерний наряд. Оно попало в баул случайно. На вешалке было несколько платьев, и я не заметила. Люди одевают подобные вещи только на торжественные мероприятия, – сказала Лиля и захихикала, вспоминая вчерашнюю политинформацию о моде в мире людей. Тогда она показала берегиням и подиумные наряды, и платья актрис с красных дорожек, и ассортимент интернет-магазинов... Платья с красных дорожек им понравились больше.

– Уиии, – визжали девчонки-берегини от восхищения.

– Мне такое нужно! – тыкала Мальва в сверкающее блёстками бежевое платье от кутюр с богатой люневильской вышивкой и открытой спиной, затянутой шнуровкой, усыпанной жемчугами.

– И мне!

– И мне. Только белое!

– Девчонки, такое в обычном мире не носят! Только на модных показах в Париже и Милане каком-нибудь. У нас эго, здесь приветствуются скромные, простого покроя льняные платья. Можно с традиционной вышивкой в русском народном стиле.

– Скучота! Понимаю, почему все стремятся попасть на подиумы... – сказала Иви.

– А мне нравится!

– И мне, – заверещали, словно маленькие колокольчики, некоторые из берегинь, те что поскромнее.

– Ну, пожалуй, вот это я бы носила, – указала Синеока на богато вышитое платье с широким поясом и присборенными на запястьях рукавами.

– В тебе говорит Владычица. Но на самом деле, всегда можно подобрать то, что хочется именно тебе. С этим сейчас ноу проблем! Все так и делают – экспериментируют. Только вот...

– Что? Скажи ещё, что тебе не хватает денег?

– Ну, как-то... да! – смутилась девушка. – Деньги с неба не падают!

– Я придумала, что сделать. Степан сказал, что я должна открыть счёт в банке. Личный и расчетный счёт предприятия. «АО» или «ООО», или что там обычно открывают? Отнесу в банк камни и золото в зачарованном виде. А потом пусть разбираются, откуда они взялись! – засмеялась она. – Вот и все проблемы! Тогда я сама смогу купить наряд, достойный Владычицы!

– Да, конечно... – только и вымолвила Лиля. А она ведь привезла лучшее из своего гардероба, только чтоб Синеока не чувствовала себя неуютно, одевая купленные Степаном в секунд-хенде вещи.

Пока счёт не открыли, пришлось потратиться Лиле. На поверку в Лисьем Бору оказалось около двухсот берегинь и берегинов (будем величать их так). Между собой лесной народ общался, называя друг друга по именам, а в наименовании по родам не упражнялись. Мужчин в общине от силы пять-семь процентов набиралось. Поэтому-то и охотились лесные красавицы на человеческих особей... Названия для берегинов, как таковых не было. Если подумать, нет мужского эквивалента у фей и нимф. Может быть, мужчина в подобных сообществах вообще нонсенс?

Дома Лиля перевела на счёт интернет-магазина кругленькую сумму за льняные платья, штаны с рубашками и тяжело вздохнула.

– Ну что ж. Всё равно лето придётся провести в Лисьем Бору. Будем считать, что я приобрела путёвку на двоих в

«Eco-Village». Лисий Бор – не Алушта, конечно, но здесь я смогу окунуться в детство. А что может быть лучше? – она улыбнулась своим мыслям. – Отлично. Вперёд и прочь сожаления!

Поездка в город

Строители получили хорошие деньги, но Синеока пожалела, чтобы они никогда больше здесь не появлялись.

– Мужики они, конечно, работающие, но близкое расположение молоденьких женщин постоянно выбивало их из колеи. Левзея умудрилась закрутить роман на пустом месте! Не могли отодрать её от этого прохвоста! Осуждать её не могу, парень красивый... но всем ИМ на выезде из Лисьего бора пришлось удалить часть воспоминаний! Не только потому, что строительство поселка незаконное, а ещё и потому, что накануне они устроили здесь Вертеп!

– Кто устроил? Строители? А я-то грешным делом думал, что если фея не захочет, мужик не...

– Неправильно думал!

– А как оно правильно? – деликатно поинтересовался Степан.

– Никак! – разгневалась Синеока. Она была такой очаровашкой...

Степан прошёлся по поселку. Было жуть как интересно взглянуть на поселок в его законченном виде.

– Я поражен до глубины души! Дома словно век тут стояли!

И был прав. Берегини навели чары и свежее дерево на избах потемнело. Трава затянула взъерошенную тракторами

землю. То тут, то там появились островки с цветами, крыши покрывал зелёный мох, а в домиках приютилась незатейливая мебель. Очень незатейливая.

– Поедем в город, я ещё немного всего прикуплю. Эти скамьи сколотили нам любвеобильные мужики. Мастера. И я не лукавлю. Отнюдь. Нужно моих непременно обучить, чтобы свои мастера имелись. Такое возможно?

– Почему нет! Пригласим опытного столяра, чтобы проведёт парочку мастер-классов на дому. Можно даже заплатить ему... натурой.

– Степан, ты с ума сошёл! Сегодня из тебя лезут всякие мерзости, – возмутилась Лиля, бросила на стол кухонное полотенце и стала бить мужа по плечу ладошками.

– Больно! Я имел в виду рыбу! Порыбачить пока живёт тут один-два дня. Рыбалка-то здесь ого-го! Днём – мастер класс, вечером – рыбалка. Всё чин-чинарём. Кстати, а они того... смогут? – косясь на берегинов, спросил Стёпа. – Они, поди, ничего, кроме цветов, в руках отродясь не держали?

– Ты не прав! – немного остыв, снова осерчала Синеока. – Они много работают по камню. И керамика тоже их рук дело! А то, что выглядят так... Нам необязательно применять грубую физическую силу. Природа с нами заодно. Мы можем жить с ней в любви и согласии.

– Что-то в ухе свербит... с кем в любви и согласии? Аа-а с природой. Понятно. Топор режет камень, как нож масло? Вот где правда-то! А многие думают, что инопланетяне! Ла-

зером размягчают! Или ещё того хлеще!

– Не язвы, Степан! Ты знаешь, с кем дело имеешь. Я увижу Лавра?

– Каникулы начались, и он хочет летом тут у вас позависать. Можно?

– Нужно, Стёпушка. И Лилечка нам тоже может понадобиться.

– Кажется, она взяла отпуск. Да, Лилёк? – спросил он у Лили, которая бегала из комнаты в комнату хлопоча по хозяйству.

– Это просто замечательно, – сказала Владычица и, развернувшись на каблуках Лилькиных туфель, направилась к машине. Лиля в задумчивости подняла бровь.

– Часть вещей можно привезти в следующий раз, – сказала она и последовала за Синеокой. Она специально поехала со Степаном подготовить дом к приезду Лавра. Он пробудет здесь долго, и хотелось, чтобы он почувствовал себя как дома.

Если бы Степан не знал, с кем имеет дело, то, наверное, и впрямь удивился. В паспортном столе паспортистка долго рассматривала поддельный документ, шерстила картотеку под пристальным взглядом Синеоки, но в итоге попросила заполнить бланки и выдала справку на время изготовления нового документа. Только один вопрос бередил её чут-

кий женский разум:

– Вам точно сорок пять? Здесь нет никакой ошибки?

– Нет, – довольно улыбаясь, отвечала Синеока.

– Но, если вам кажется, что я выгляжу моложе, можете сами проставить год рождения. Не возражаю. Вам тоже от силы двадцать пять дашь!

– Что вы! Мне тридцать два! – засмушалась паспортистка.

– В этом возрасте все женщины одинаково милы.

– Спасибо. Но с вами никак не сравнить.

– Ещё бы... – покидая помещение, кинула ей Владычица лесов. – Мне у вас нравится! А теперь в банк!

– Что-то мне страшновато.

– Посмотри в сумку. Что ты там видишь?

Степан открыл баул и даже дышать перестал.

– Если ты видишь в нём деньги, то и все другие тоже увидят деньги и ничего более! Доверься мне, Степан, – сказала она и снова сделала непоправимую вещь: улыбнулась своей чарующей улыбкой и положила руку ему на плечо. Степан поплыл. Он не мог сопротивляться её невероятно сильным чарам. Ещё чуть-чуть, и он, как рыцарь и блистающих доспехах, вскинет берегиню на руки и понесёт, трепетно глядя в глаза, как щенок. Видела бы его Лиля. Ей бы это ох как не понравилось!.. Но, слава Богу, она продолжала курировать проект за сорок километров от сюда.

Лилечка была прекрасна, как фея, умна, дала бы фору любой из берегинь и конечно же любима. Но Степан с тех пор,

как опять увидел Синеоку, начал чувствовать непреодолимую тягу к ней и постоянно находился в состоянии невидимой борьбы с самим собой. Он чувствовал, что Лиля всё видит и понимает. И стыдился этой своей слабости.

«Почему Бог создал мужчин такими слабыми?» – каждый раз думал он, ложась спать. Всё у них с Лилей ладилось, но засыпая, Степан всё равно вспоминал ту, что его околдовала.

– Ну вот! Денежки у меня теперь есть. Виртуальных банковских карт сразу три. Идём за покупками! Где у вас здесь мебель продается и техника? Не могу же я пользоваться твоим телефоном вечно!

Они сели в машину и через пару минут уже были на стоянке гипермаркета.

Владычица не успевала закрывать рот. Всё в городе было ей интересно. Стёпа, неверно истолковав эмоции Синеоки, даже немного разочаровался: какая же это лесная фея, если ей нравится город и человеческие вещички.

– Может, вы и вовсе в город переберётесь? – спросил Степан, когда Синеока, купив полмагазина комодов, кроватей, столиков и кресел, взялась за люстры и шторы.

– Нет, что ты. Это просто невозможно! Здесь страшно! Шумно! Ужасный запах! И людей... здесь столько людей, сколько живности в нашем лесу. Но если кроты, лисы и зайцы прячутся, волков встретишь редко, основную массу птиц только слышно, но не видно! То люди... они снуют туда-сю-

да. А дороги!?! Нет! Нет! И нет!

– Таких, как ты, именуют «хики». Те тоже сидят в своей норе и не смеют из неё нос высунуть. А покупки они делают через Интернет! Синеока, ты столько всего купила... вы столько... короче!

– Не юли! Зови меня на «ты». Всё-таки ты отец моих детей. Вы же с Лилей друг к другу на «вы» не обращаетесь.

– Нет. Но в давешние времена даже в семье между собой на «вы» обращались. Среди интеллигентов...

– Кто это? Интеллигенты...

– Образованные, культурные люди...

– Аааа? Ну ничего. То в древности. Мы с вами «люди современные». Я же вижу, что тебе неловко. Для чего этот огромный розовый зверь?

– Мммм. Хотел Виолке подарить. У неё, наверное, никогда не было таких игрушек? Как-то нужно навёрстывать разрыв в наших отношениях. Я, кстати, хотел спросить: куда вы... ты енто всё впихивать будешь?

– Всё войдёт. Мы можем расширить внутренне пространство настолько, насколько нам будет необходимо, – непринуждённо ответила Синеока, явно довольная тем, что Степан проявляет заботу о дочери.

– Впихнуть невпихуемое, значит, вам раз плюнуть...

– Тебе видней, как лучше назвать...

– Через неделю второй заход! Когда паспорт будет готов, внесём данные в бумаги и понеслось.... Главное – успеть!

Впихнуть невпихуемое на самом деле оказалось сложнее, чем кажется. К вечеру машина была набита битком тряпьем и нелепыми бесполезными побрякушками. Хорошо, что большую часть мебели доставят отдельно.

– Женщины, они везде женщины, – горел Степан от негодования. Синеока везла к машине большую тележку, набитую разными разностями, а в машине места уже не было даже для шариковой ручки.

– Ну?! И как мы с этим справимся?

Синеока кокетливо улыбнулась с выражением на лице, говорящим: «знай наших!» и щелкнула пальцами. Заглянув в салон, Степан увидел внутри автомобиля огромную пещеру, наподобие той, что находилась в Лисьем Бору. Где-то в дальнем углу пещеры ютилась кучка вещей, секунду назад под завязку заполнявших салон автомобиля.

– Войдёт сколько захочу!

– А вот интересно: на грузоподъемности моей Тойоты это никак не отразится?

– Не могу сказать однозначно. Я делаю подобное впервые.

– Впервые? А если я с места сдвинуться не смогу после столь глобального шоппинга?

– Вот сегодня мы и проверим! Теоретически, если представить вместо машины олешку, то должно сработать по аналогии. Мой Одуванчик носил на себе ещё и не такие грузы.

– Одуванчик и олешек – это одно лицо?

– Да. Олень по имени Одуванчик. И любой другой из его

стада способен выдержать торбу с грузом, по-вашему ну... примерно в тонну.

– В тонну? Бедные зверюшки!

– Я не заметила, что они страдают. Синегор, Репей и другие тоже, не особо утруждаясь, переносят груз с оленей в пещеры.

– Значит, вы используете оленей?

– Я люблю прокатиться с ветерком. Девушки патрулируют лес верхом и пешим ходом. Через омуты перемещаться – многое из виду упустишь.

– Ты имеешь в виду телепорты? Слышал от Лильки.

– Что такое телепорт?

– Разрыв в пространстве, который может доставить человека из одной точки в другую.

– Люди это делают?

– Нет. Пока это сказка. Желаемая, но не существующая опция.

– Мы называем ваш телепорт омутом. В нём воздух вибрирует, как будто находишься в воде. Мы мысленно представляем себе маршрут движения и входим в омут. Несколько шагов и уже на месте!

– Думаю, если бы у нас появилась такая возможность, мы не использовали для перемещения в пространстве машины.

– Не всякий предмет можно пронести сквозь омут. Да и торопиться нам сильно некуда. А теперь я хочу увидеть, какие продукты вы покупаете для еды?

Степан завёл мотор и, обогнув парковку, остановился с другой стороны торгового центра.

– Приехали?

– Да! Как правило, в одном месте может находиться сразу несколько крупных торговых точек. Вон, смотри: там строительный магазин.

– Строительный? Это нам подходит.

Степан пожалел, что сказал это. Такой глобальный шопинг в его жизни был впервые. Они купили целый вагон разных вещей. В интерьерном отделе строительного магазина кроме прочего, Синеока купила картины, показавшиеся Степану дешевой репродукцией, светящиеся краски в баллончиках и даже цветы!

– Вот чего у вас в лесу не хватает, так это цветов! Тележка цветов! Это невероятно!

– Я впервые вижу такую красоту. Попробую вырастить.

– Все эти цветы комнатные, теплолюбивые. Растут в южных странах, где круглый год лето.

– Думаю, я смогу решить эту проблему.

– Э-хе-хе!

Гора покупок в руках Синеоки качнулась, и она расширила и без того большие глаза: высокая пирамида зависла в воздухе. Рядом с кактусом, размером с небольшого ребёнка. В непонятной позе замер и Степан. Он хотел помочь, не побоявшись грозного вида длинных колючек зелёного друга, но этого от него никто не требовал.

Синеока по одному брала замершие в воздухе вещи и складывала в маш... в пещерку. В самый её дальний угол. А Степан, стоял на шухере, глядя по сторонам, и надеялся, что никто не заинтересуется тем, как войдет в салон всё то, что пока ещё находится снаружи.

День медленно угасал. Пока они ехали по трассе, алое, как костер, солнце, пылая, садилось за горизонт.

Колос Шмель

Шмель сидел на широком пне и смотрел, как в синем бездонном море темного неба кругами летают светлячки. Он водил крючковатым пальцем в воздухе, и светлячки выписывали восьмёрки, спирали и всякие другие замысловатые каракули. Караваны светлячков громко жужжали, скрежеща крыльями. Они явно танцевали не в одиночку. Если присмотреться, можно было увидеть необычную картину: в паре со светлячками летали жужелицы.

Шмель скучал. Его работа заключалась в том, чтобы защищать пшеничное поле. Жужелица была здесь нарушителем спокойствия. Она была способна на многое, например, начисто съесть урожай. И он, почувствовав это, поднял жуков в воздух. Чтобы развеять тоску, этого оказалось мало, и Шмель решил добавить иллюминации. Насладившись представлением, он резко повернул палец в сторону поля. Сверкающая армия устремилась к пшенице. Шмель дирижировал. Основную партию теперь вели жужелицы. Их длинные серповидные мандибулы косили стройные ряды пшеницы уже не ради собственной выгоды, а согласно эскизу.

Пень завибрировал, отзываясь на его грусть, отдавая последние крохи магии своему давнему другу. Словно прощался.

– Ну зачем? – угрюмо заметил Шмель. – Всё пропало! Всё!

Ни осталось ничего и никого. Только жуки да полевые мыши. Я не знаю, сколько ещё протяну, дружище. Один ты поддерживаешь во мне жизнь. Но как только твои корни подрежут бензопилой и выкорчуют, я стану никем. Исчезну, как всё вокруг: лес, речка, семейство старого лиса, русалки и дриады. И даже Вонючка, этот противный енот и его полосатая свора.

В небе зажглась большая розовая звезда.

– Хай! Ты ещё там? Жаль, что нам не суждено...

Шмель услышал далёкий шум проезжающей машины и наострил уши.

– ...берегини справятся. Наш мир будет жить... я сделаю для этого, что могу... природа поддержит нас. Пусть придётся пропустить этот мир через себя. Но мы же... целую вечность жили бок о бок с людьми. ...магический мир сильнее, чем может показаться. Его корни так глубоки... – донеслись до него обрывки последней фразы. Машина скрылась за холмами, и чарующий голос незнакомки затих.

Шмель сорвался с места и побежал, забыв про всё: про поле, про жужелиц, которых должен был спалить, про круги на поле... Он несся со скоростью ветра. Длинные волосы его развивались на ветру, и в них, как светляки, мерцали непослушные искры. От этого волосы в темноте чем-то напоминали парящий в воздухе китайский фонарь привязанный за верёвочку к велосипеду. Босые ноги отбивали дробь мозолистыми костяшками пальцев, пятки горели огнём, но он не

сбавлял скорости, надеясь, вновь услышать голос, подаривший ему надежду.

В какой-то момент надежда ослабла. Он бежал, а голос никак не попадал на радары его чутких ушей. Он подумал было, что сбился с пути и уже бежит параллельно дороге, по которой следовал автомобиль незнакомки. Но вдруг в глаза ударил яркий свет фар и сильный удар отключил его...

– Боже мой! Синеока! Мы сбили человека, – услышал Шмель далёкий голос. Почувствовал, как его приподняли, и мягкая рука легла на лоб, а потом его коснулись губы: «Как две ароматные чернички... Это она».

– Чудик жив. Или мне кажется, или он полон магии. Нашей, лесной. Не знаю, как и почему он бросился под машину. Наши так себя не ведут. Если взглядеться в его уши и ноги – похож на лешего. Посмотри: ты видел когда-нибудь такие уши у людей? Их форма больше напоминает гриб. Лисичку там или груздь. Выбирай сам. И почти не имеют извилин. Зато здорово напоминают воронку. Он услышит за километр даже писк мыши в норе. Кстати, он ничего так. Для лешего просто красавец! А как сложен! Чудо!

– Ну, хватит. Как сложен... красавец!.. Может, он бежал за нами и подслушивал разговоры? А у леших может быть потеря памяти? Ну... от удара головой...

– Не знаю. А вот от потери магии – случается. Если его ма-

гический круг утрачен, то волшебство испаряется, как вино в кувшине, долго стоящее на солнце. На дне остаётся только осадок. Грузи бедолагу в машину. В посёлке разберёмся...

Степан нехотя запихнул Шмеля в машину и небрежно опустил на пол. Красавец леший вызывал в нём чувство досады. С одной стороны, он не должен был ревновать, а с другой... Шмель упал рядом с фаянсовым унитазом в глубине пещеры и замер, потеряв последние искры сознания.

– Ого! Вот это да! Даже унитаз! – воскликнула Лиля, заметив в салоне Тойоты пещеру, битком набитую покупками.

– Взяла на пробу. В пещерах эта вещица ни к чему, а в доме, пожалуй, лишней не будет. Нужно понять, что из всего этого действительно необходимо, а что бесполезный хлам. Нам придётся во всем быть похожими на людей! Не забывайте.

Синеока взяла в руки пластиковый контейнер с клубничкой и, открыв его, засунула в рот огромную ягодину.

– Тьфу! Мерзость какая! – тут же выплюнула Владычица.

– Говорят, её выращивают в Турции.

– Где это?

– За морем-окияном. А вернее, за двумя морями, если Азовское считать, – пояснил Степан.

– А-а-а, – из дома Синеоки, зевая, вышел Лавр. – Клубничка! Тоже хочу.

– Не смей есть эту пакость! – сердито вскрикнула Синеока и, бросив контейнер на землю, растоптала его каблуком туфли.

– Пластик разлагается от четырёхсот до семисот лет и отравляет почву, – сложив руки в замок, как бы невзначай сказал Степан.

– Леший его возьми! – выругалась Синеока и отправила контейнер напрямиком в оцинкованное ведро, только что вынутое из машины.

Лиля уже собиралась спросить: зачем оно? Но вопрос отпал сам собой.

– Мальва, золотце, дай ребёнку клубники. У нас ещё осталось немного?

– Да, Владычица, погода стоит жаркая. Клубника почти отошла. Зато малина созрела раньше обычного.

– Оставь всё это, Лилия. Завтра будет день. Тогда и рассмотрим всё как следует! – устало сказала Синеока.

В домиках горел магический свет. Где-то золотистый, где-то розовый, голубой и сиреневатый. В окошках мелькали тени.

– Как странно! Мальва, все берегини ночуют в домах?

– Почти. Многим понравился запах свежего дерева. К тому же всё новое привлекает...

– Всё новое привлекает... я просто падаю с ног. Слишком много нового свалилось на мою голову сегодня. Мальва, умоляю, позаботься о лешем. Укрой его, что ли. Замёрз-

нет, ещё чего. Ночь, кажется... будет тёплой, но всё равно... – вымучено произнесла Синеока последнюю фразу и зашла в свой терем. Лиля всё ещё сидела на веранде рядом с Лавром, таскала из туюска братика клубнику и что-то щебетала. Заметив, как довольный собой Степан провожает взглядом Виолку, она сразу переключилась на него:

– Где вы раздобыли лешего?

– Выпрыгнул на дорогу, и мы сбили его.

– Жесткач! Не знал, что лешие такие бестолковые, – жуя клубнику, подивился Лавр.

– Он, сдаётся мне, нас преследовал. Вот и не заметил, что выскочил на дорогу. Как я устал! Смертельно! Думал, усну за рулём. Всё, спать!

На веранде большого коттеджа, построенного для Синеоки и её большой семьи, почти целиком состоящей из людей, появилась Виолка.

– О! Погоди-ка, – улыбнувшись ей, сказал Степан и полез в машину. – Это тебе, моя ягодка.

– Спасибо! – сказала она, и щёчки моментально превратились в две яркие сиреневатые чернички. Обхватив большого розового медведя руками, Виолка вспыхнула от восторга, поцеловала Степана в щёку и побежала в дом.

Скинув туфли, Синеока упала на круглую кровать без сил.

– Смотри! Папа подарил! – прыгая на перину, сообщила ей Виолка.

– Я так рада, дорогая, – только и вымолвила она в ответ.

Виолка немного pokrутила мишку и, прижавшись бочком к спящей Синеоке, очень быстро уснула. Когда Степан вошёл пожелать ей спокойной ночи, она уже сопела в обе дырочки, свернувшись калачиком. Степан заботливо накрыл своих берегинь пуховым одеялом, поправил у дочки подушку и, отложив подальше в сторону розового медведя, вышел в коридор.

Лилия, наблюдая за этой сценой, тяжело вздохнула. Её он даже не обнял по приезду. Словно она Мальва или леший какой... Всего неделя прошла с тех пор, как они здесь появились, а у неё уже беспокоилось сердечко. Она и раньше опасалась оставлять Синеоку и Стёпку наедине, чувствовала, что мать ненароком будет влюблять его в себя. Суть чаровницы текла в её лесной крови, и она не видела в том ничего зазорного.

– Нужно будет с ней поговорить. Так не может продолжаться дальше. Чем дальше, тем больше вязнет в своих чувствах Степан, не понимая, что это: любовь или чары.

А по мнению Лилии, то чары и были. Откуда взяться любви? Синеока никогда никого не любила сильно. Даже к ней была несколько холодна. Её почти не интересовало, как ей живётся в мире людей? Добр ли к ней отец? Не обижает ли мачеха? Лилия утешала себя тем, что мама чувствует, что с ней всё хорошо. Следит за ней волшебным зрением, оберегает. Иногда даже ощущала на себе взгляд её небесно-синих глаз. Но чем взрослее она становилась, тем отчетливее по-

нимала: всё это она себе придумала. А мама... просто мама. Такая уж она есть.

Лилия каждое лето приезжала погостить. Среди берегинь было весело. Чудеса делали лето волшебным, а жизнь становилась светлее от осознания того, что мама ни кто-нибудь, а лесная Владычица! Синеока же испытывала дочь, стараясь каждый раз найти в ней крохи волшебства. Не находя сердилась. Переборов горечь, глотая слёзы, Лилия всё равно любила маму и гордилась тем, что она – фея! Надеялась, что однажды её обрадует.

Секрет, который хранила Лилия в сомкнутых до бела кулачках, иногда всё же вырывался наружу. Особенно в детстве! Так хотелось рассказать, похвастаться своей мамой, как это делали другие дети. Иногда она себе это позволяла, обижаясь, что сверстники ей не верят. Да и взрослые тоже.

Она часто рисовала фей, побеждала на конкурсах детских рисунков. Творения её отличались реалистичностью, точностью деталей, и чем-то неуловимо-неповторимым. Закончив художественную школу, решила учиться на дизайнера. А потом мама отправила её к Степану и Лавруше и целый год она нянчилась с ребёнком, выполняя обязанности Синеоки.

«Хорошо ей! Родила и спихнула младенца на отца. Все бы так!» – сердилась Лиля, убирая туесок и укрывая Лавра одеялом. «Возможно теперь ему нет смысла возвращаться. Нет уж! Пусть получит образование! А там сам уже решает!? Возможно, человеческая специальность теперь не помешает

в Лисьем Бору!»

Первую половину ночи Синеока спала «как убитая», прямо в одежде. Вчерашний день вымотал её, и она не замечала комаров, духоты и ночного пения птиц. Но под утро проснулась. Раньше в одежде спать ей не доводилось. Раньше и одежды-то у неё не водилось, лишь легкие почти невесомые туники. Дискомфорт от сдавливающих тело складок разбудил среди ночи. Синеока скинула с себя одежду и пошла искупаться в озере. Вернувшись, она постояла на крыльце, заметив краем глаза, как на неё пялится из Тойоты очнувшийся от небытия леший, и вернулась в кровать.

Утро выдалось тихим. Заливисто пели птицы, осторожно пробуждая лес и его обитателей. В пещерах берегини не слышали птиц... ничто не могло нарушить утренний сон. Теперь же они не были уверены, выспались они или нет?

Медленно, но верно берегини и берегини подтягивались к домику Синеоки, словно кто-то оповестил их об утренней планёрке. Потягиваясь, на крыльцо вышла Владычица. На крыльчке сидел Шмель с корзиной ягод. Синеока, облачённая в одну рубашку, села на крыльцо рядом с ним.

– Ну что там у тебя?

– Клубника, голубика, костяника...

– Рассказывай.

– Лес наш вырубали. Землю вспахали. Могучий кедр, который веками хранил в себе магию, спилили. Вот в скорости соберут урожай пшеницы и корни его подрежут, чтобы вынуть из земли нашей вовсе. Разошлись все. Я один остался. Куда податься? А тут голос твой, Владычица...

– Откуда знаешь, что я Владычица?

– Это знание в воздухе висит. Волшебством слова выписаны. Что это за место? И почему вы, подобно людям, в домах поселились?

Синеока вздохнула:

– А догадайся? На нашу землю тоже посягнуть захотели. Химический завод строить планируют. Но мы решили дать им отпор. И заявить права на Лисий Бор.

– Хотите воевать с людьми? – удивился леший.

– Хитростью взять хотим. Для этого у нас есть помощники из мира людей. Моя дочь Лилия. Она жила в людях с детства и Степан, отец Лавра. Так уж получилось, что Лиля без магии в мир пришла. А сыночку Лавру повезло. Не часто мальчики с магическим даром рождаются на свет. Я свела их вместе. Слава Богам! Такие удачные идеи приходят в голову не часто! Деревню построить они предложили. Зачаровать так, словно стоит она здесь сто лет. И неча на неё посягать! Развернём производство, чтобы показать насколько дорого им обойдётся покупка леса и всего нашего хозяйства. Покажем бумаги!.. Как думаешь, получится?

– Кто знает? Может быть, и получится. Буду держать за

вас кулачки. Сдаётся мне, что магических узлов, что не так много по миру разбросано, совсем почти не осталось. Пробовать нужно! Может, и правда бумаги помогут? Людям уже ничего не страшно. Не магия, ни драконы...

– Вспомнил! Драконов уже тыщу лет никто не видел. Всех повывели.

– Люди и повывели! Остались токма мы. Пока прячемся – живём, а выйдем на свет... и непонятно.

– А ну-ка перестань! Не хочу, чтобы ты зерно сомнения в меня заложил!

– Спросить хотел... Можно мне у вас остаться? А то не выживу ж?

– Как тебя зовут, добрый молодец? – смягчилась Синеока и и леший улыбнулся. Он и забыл уже, что молод и красив.

– Шмель. Люди мне даже фамилию придумали – Колос. Не веришь? Вот документы!

– Поздравляю тебя, Колос Шмель. Теперь ты не БМЖ, а гражданин Лисьего Бора, – ответил за мать Лавр, вдруг появившийся на крыльце. Знал, что Синеока не откажет.

Он подслушал разговор, стоя за дверью. Лешего ни каждый день увидеть можно, очень хотелось посмотреть и услышать его историю. Стоять рядом и глазеть было не очень удобно, но видя как Шмель относиться к Синеоке – как к госпоже, почувствовал и своё особенное положение. Встрял в разговор. К тому же в нём проснулся лидер. Он представлял себя ни много ни мало вождем племени... Будущим во-

ждём.

– Прописку оформить не забудь! – снисходительно добавил он. А Синеока неодобрительно подняла брови и Лавр пожал плечами, извиняясь за неуместный тон. Шмель только глазами хлопал, сдержанно улыбаясь. Часть слов из человеческого лексикона были ему незнакомы. Хоть и прожил целый год в сарае у одного мужика из деревни.

Лешего нашли в лесу и приютили жители соседнего с Заимкой села. Обросшего и полуголого, с испуганными дикими глазами – его приняли за полоумного... Шмель не возражал. Старался держаться в стороне и редко вступал в разговоры с людьми, предпочитая проводить время на свежем воздухе. Работал пастухом или сторожем на полях...

«Активничать явно не в его стиле. Может, поэтому и профукал Кедровую заимку. Будь он поагрессивнее... поизворотливей... Могу ли я его судить? Сама не знаю, как бы поступила...» – задумалась Синеока, глядя на лешего.

– Лавр прав. Ребята помогут тебе устроиться, – она указала на берегинов. Те обсуждали этапы строительства дома нового типа. Рационализаторские идеи сыпались из них, как горох из дырявого мешка.

– Степан уже проснулся? Нам нужен он и Лилия.

Синеока воззрилась на Лавра, но он только пожал плечами и посмотрел на часы. На часах было не много ни мало пять часов утра. В такое время и берегини то обычно спят, а люди в отпуске тем более...

– Может, не стоит их будить? Такая рань!

– Нужно разобрать вчерашние покупки.

– Так это и я смогу, – радостно ответил Лавр. – Если это, конечно, человеческие покупки...

Он был уверен, что покупки сделаны в городе. Потому что лежали в машине, и ещё потому, что... феи ничего не продают и не покупают. Он открыл дверь автомобиля и увидел внутри складскую пещеру.

– Ого!

– День был длинный, и я подзабыла, что для чего вы используете.

– Проще простого.

– Можно и мне? Я тоже немного могу помочь.

– Конечно, Шмель! – обрадовался Лавр. Поднимать и переносить некоторые предметы потяжелее ему самому было не с руки.

– По некоторым вещам легко догадаться, для чего они предназначены. Вот, например, это... – он достал из пластикового пакета, в котором лежали различные принадлежности для кухни, чеснокодавилку и показал её любопытной публике. Берегини собрались у машины по просьбе Синеоки посмотреть и обсудить: нужны им человеческие вещи в домах или нет. А если нужны, то какие? В толпе воцарилось молчание, и чеснокодавилка пошла по рукам.

Одна из берегинь, державшая в руках горсть ягод, экспериментируя, засыпала несколько в давилку и сомкнула руч-

ки. На её розовое платье стружкой побежал малиновый сок, и она, уронив чеснокодавилку, отпрыгнула от не как от огня.

– В принципе, она права. Но обычно в ней давят чеснок.

– Спасибо, Лавр. Чеснок мы используем крайне редко. Но мне понравилась эта вещица как таковая. Ей же можно и орехи давить?

– А то! Я давил. Но дверью выходит лучше, – засмеялся Лавр.

Первым номером по домикам растащили кастрюли, сковородки и постельное бельё. Готовые шторы в шуршащих пакетах сразу разобрали на создание платьев. Стулья, обитые жаккардом, остались у Владычицы, но она одобрила заказ от желающих ещё на двести стульев, и сорок четыре кресла.

Проснувшись, Лиля даже позавтракать не успела. Жизнь в Лисьем Бору давно бурлила, и Синеока, не спрашивая готова она или нет, немедля посадила её на заказы. С неохотой расчехлив свой рабочий ноутбук, Лиля открывала один интернет-магазин за другим. Берегиням очень понравились белые круглые столы, затейливые диванчики в стиле рококо, шторы, полосатые коврики и ковры побогаче. Но самым интересным предметом во всей этой неразберихе оказался ноутбук. В конце каждого списка «клиент» тыкал пальцем в её ноут и говорил: «И такой».

– Я запишу. Но заказывать не стану. Нужно посоветовать-

ся с Владычицей. Это не тот предмет, без которого трудно обойтись в хозяйстве. Поверьте, сейчас мы всё закажем, а потом он будет вам совершенно не нужен.

– Лиль, когда освободиться ноут? Он мне очень будет нужен, часиков так в пять, – спросил, как назло, в этот момент заявившийся Лавр. – Хочу показать пару финтов Виолке.

– Лавруша. Не стоит подсаживать её на инет, – сквозь зубы прошипела Лиля. А берегини, поставив руки в боки, посмотрели на неё угрожающе.

– Только с разрешения Владычицы!

– И здесь тоже самое! Когда кончится этот тотальный контроль! – возмутился Лавр, ища поддержки в берегинях.

– Иди, помоги маме. Наверняка ещё не всё покупки разобрали.

К Лавру подошла Виолка и подёргала за футболку:

– Я обещала, что мы покатаемся верхом. Пошли? С нами Шмель. Он не знает леса. Я покажу вам Лисий Бор.

Лавр, Виола и Шмель вышли на окраину посёлка и остановились.

– Ну?

Виолка потянула за шнурок на шее и вытянула из-под рубашки маленький серебряный рожок. Поднеся к губам, она заиграла. Рожок звучал протяжно, однотонно и призывно. Словно сам ветер обрел голос. Девочка оторвала рожок от губ, прислушалась и снова поднесла его к губам. А-а-а-ууу-уу-ку-ук, – снова запел он голосом неведомой чудесной пти-

цы.

Лавр почувствовал, как вибрирует почва под ногами, а в следующую секунду увидел, как на поляну, словно горный ручей по валунам, выбегает стадо оленей. Красивые, длинноногие, с ветвистыми рогами, они остановились, кивая головами, перебирая копытами в ожидании седоков. Фыркали и нервничали, почуяв берегинь чужаков. Виолка прошла вдоль стада, успокаивая оленей.

– Выбирайте. Но если олешка вас не примет, не настаивайте. Наверняка будет такой, которому вы придётесь по вкусу.

– По вкусу? Они что, человечинку едят?

– Что ты!

– Шучу. Знаю – олени травоядные.

Шмель нашел своего быстро и, взгромоздившись верхом, ждал решения Лавра.

– А почему у этого нет рожек? – спросил тот, подозревая, каков будет ответ. Только один олень ему поддался, и это была...

– Оленуха! Они безрогие. Не бойся, она тебя вывезет. Самки часто выбирают мужчин в седоки. Мне кажется, самцы чувствуют в тебе соперника, поэтому не даются.

– Что значит соперника?

– Мне кажется, что ты метишь на место Властелина? – кокетливо сказала Виолка.

– Она права. Когда я был молод, самцы меня тоже сторожились. Теперь я Властелин... пустоши... – грустно выдох-

нул Шмель.

– Главное же Властелин! И всё тут! Выше нос! – подбодрил его Лавр, влез на оленуху и понял, что в любой момент может свалиться – ни седла не упряжи.

– А как управлять? А держаться... за уши, что ли?

– Упряжь наколдовать нужно, – загадочно ответила ему Виола, – Ну или возьми ту, – указала она на упряжь, висевшую на изгороди.

Лавр посмотрел на Шмеля. Тот уже сидел в седле, держа в руках плетёные ёлочкой из цветных нитей широкие поводья. Похоже, был опытным седоком. Как и Виолка.

Лавр стусевался. Виолка помогла ему надеть упряжь.

– Тебе удобно? Крепко держишься за поводья? Почувствуй комфорт, то, как ты сливаешься с оленухой в единое целое и мчишься по лесу, свободный, как ветер!

Лавр закрыл глаза, вдохнул аромат леса, запах бархатистой, тёплой на ощупь оленухи, и не успела Виолка договорить до конца, как он уже летел во весь опор, петляя меж сосен...

Спонтанная магия

Когда Лиля говорила про волшебство, которое якобы спонтанно проявляется в Лавре, она имела в виду совсем другое: незаметные глазу всплески магии, которые можно было списать на «показалось». Но Лисий Бор действовал подобно реагенту в том процессе, что сейчас развивался в подростке. Гормоны, сказал бы врач. Пробуждение энергии кундалини, сказал бы адепты Сахаджи-йоги. Пубертат волшебников, инициация трансформации из человека в чародея. Именно это почувствовал Лавр, когда появился в Лисьем Бору. Лес – место силы. Он многократно ускорил процесс преобразования.

Неудивительно, что порой Лавр совершенно оказывался не готов к этим новым проявлениям волшебства. Одно неловкое движение, и вот оленуха, петляя меж сосен, неслась, не разбирая дороги. Напуганный резкими всплесками магии, Лавр управлял ею, как на бог на душу положит... Боясь врезаться в дерево, он дергал за поводья, ошарашено глядя вперёд. Виолка и Шмель кричали, давая советы, но Лавр никак не мог сосредоточиться.

Дыхание замерло, когда оленуха сделала широкий скачок и взмыла над оврагом. Лавру и думать не хотелось, насколько глубоким тот может быть. Он затаил дыхание и представил, что летит. Только паря над пропастью, он мог бы выжить.

«Ракета. Я ракета... Я лечу как ракета...» – вопил он про себя что есть мочи. И желание исполнилось как по волшебству. Оленуха действительно летела. Летела как ракета...

На миг обернувшись, Лавр увидел звёздный шлейф, расходящийся позади. Копыта выбивали искры из воздуха, а впереди маячил край оврага, неглубокого, но достаточно широкого. Приземлившись, Лавр потянул на себя поводья и остановил оленуху. Тут же рядом с ним приземлилась Виолка и Шмель.

– Ты сумасшедший!

– Я же впервые!

– Не ожидал от тебя такой прыти! – спрыгивая с оленя, крикнул Шмель, подбегая к Лавру. – Надеюсь, ты цел?

– Вроде цел. Потренироваться, конечно бы не мешало!

– Кто же думал, что ты так припустишь! – съехидничала Виолка.

– Видишь ли, его силы пробуждаются спонтанно. Потому что он появляется в Лисьем Бору не регулярно. Так? Если я правильно понимаю, он проводит здесь слишком мало времени. Надеюсь, этим летом мы исправим ситуацию, – подбодрил мальчишку Шмель. – Пройдёмся немного. Нужно отдышаться после этой бешеной гонки.

Лавр не возражал.

– А у тебя ничего такого не было? – спросил он у сестры.

– Нет, конечно.

– А когда ты почувствовала... ну, это?..

– Волшебство? Сколько себя помню. Чары были у меня всегда. Я же родилась и всегда жила в Лисьем Бору.

– Это правда, – сказал Шмель. – Лесной народ рождается с чарами, и они действуют постоянно, никуда не исчезая. Но только стоит покинуть место силы, чары иссякают. Будто тебя, как младенца от мамки отрезали. Отсекли магическую пуповину. Исчезают места силы, исчезают и волшебники. В моём лесу средоточием сил был кедр, которому тысяча лет! Когда лес срубили магические жители ещё обитали поблизости, но, когда посягнули на кедр... жизнь в нашем краю совсем утихла. Я каждый день ощущал, как уходят из меня волшебные силы. Стал иногда забывать прошлое. Память моя становилась всё короче и короче. Мне становилось страшно. Тогда я бежал к отцу-кедру. Сидел на пне как демон... ночи напролет. И когда вновь оживал, возвращался в деревню. К людям. Думал, что теперь не проживу без них, поскольку медленно становлюсь человеком. Простым смертным.

– А магики что, бессмертные?

– Нет, но живут очень долго. Другое дело, что нас мало. В старые времена, когда колония разрасталась, нас притягивало другое место силы. Оно появлялось, само собой. Из необходимости. Только вот... последние столетия и магики, как ты сказал, и мест сил ubyло. Настанет день, когда они вовсе исчезнут с лица Земли.

– Смотрите! Какая милота! – вдруг закричал Лавр и бро-

сился вперёд. Виолка и Шмель даже сообразить ничего не успели, как увидели его уже с рысёнком в руках. – Пушистик! Лапка, – тискал Лавр котёнка, не замечая, как Виолка и Шмель просто остолбенели на месте.

Прямо над ним, на кряжистой сосне сидела огромная, ощерившая клыки рысь. Она не собиралась долго разбираться, люди перед ней или магики. Она готовилась к прыжку...

Первой сорвалась с места Виолка. Следом за ней, прикрывая детей собственным телом, бросился вперёд Шмель. В одно мгновение он переместился в омут, обхватив детей руками. Лавр даже сообразить не успел, как оказался на краю посёлка, вываливаясь из портала лицом в осоку, которую жевала остолбеневшая, от неожиданности, оленуха.

– Что случилось! – подскочил на ноги Лавр.

– На тебя нацелилась рысь! Ты чуть не пострадал! – чуть не плача, выкрикнула Виолка и, оборачиваясь, посмотрела на Шмеля. Плечо лешего было разодрано, а льняная рубаха пропитана алой кровью.

– Нужно вернуть котёнка, Лавр! – только и сказал он, осторожно беря в руки шипящего котёнка рыси. – Мать его ищет. Боюсь, достанется нашим олешкам.

Его не было меньше секунды. Вернувшись, он опустил на траву рядом с Лавром и осмотрел раненое плечо: кровь уже не сочилась.

– Олешки наши дали дёру! Малыш с мамкой. Я цел. Похоже, пронесло, – весело сказал он.

– Что тут произошло? – спросила Лиля, увидав, как дети приземлились на поляне.

– Уехали на оленях, а вернулись... это кровь?

– Всё хорошо.

Шмель аккуратно снял рубаху, и все увидели его мускулистое загорелое тело с запёкшейся на ране кровью.

– Пойдём в дом. Промою хоть. Что у вас произошло?

– Лавр захотел погладить котёнка.

– Какого котёнка?

– Котёнка рыси! Вот какого, – фыркая, сказала Виолка. – Разве так можно!.. – ворчала она по дороге к коттеджу Синеоки, а Лавр виновато смотрел в землю, не смея поднять глаз.

Пока Лиля промывала рану, Синеока трепала по голове Лавра, то и дело поглядывая на героя дня:

– Это хорошо, что дети поехали с тобой. Я как чувствовала. Знала, что с таким героем они выпутаются из любой заварушки. А ты, Лавруша, не грусти. У тебя впереди вечность, чтобы стать таким же ловким и сильным, как Колос Шмель!

Шмель наслаждался похвалой елеем, льющейся из уст Владычицы. Рана давно перестала саднить, только шрам остался. Да только этих шрамов у него... Одним меньше, одним больше...

Идиллию нарушил Лавр. В его животе с утра не было ни крошки. Он очередной раз громко сглотнул, и желудок, не удовлетворенный доставленной пищей, громко заурчал.

– Да ты голодный! Пойдём, я как раз освоила кое-что из

человеческих блюд, – словно озорная девчонка сказала Синеока и, взяв за руку Виолу, повела голодную братию в дом.

Электричества в новеньких коттеджах, конечно же, не было, и когда на кухонном столе зажужжал блендер, Лавр даже удивился. Электрическая вилка валялась тут же на столе, а аппарат безмятежно работал, перетирая в смузи ягоды, оленьё молоко и что-то ещё. Последним в смузи упал листочек мяты.

– Тадам! – вскрикнула Синеока, разливая по хрустальным бокалам готовый напиток. Лиля со Степаном стояли в сторонке. Они уже позавтракали у себя в комнате, приготовив еду на газовой походной плитке.

Лавр выпил стаканчик смузи и спросил:

– А что поесть?

Он осмотрелся, но кроме корзины с ягодами больше ничего съестного не увидел.

– А ты не наелся? – смущенно спросила Владычица.

– Ммммм. Вы... долгие месяцы можете жить лишь на росе с одного единственного листа дерева гинкго или энергии Вселенной? – неуверенно произнес он, и Лиля со Степаном взорвались фееричным смехом.

– Ну почему же... а что это гинкго? – не поняв шутки, поинтересовалась Синеока.

– Да так... долго объяснять, – разочарованно сказал Лавр и повернулся к отцу.

– Пойдём, кунг фу панда! У нас остался приличный кусок

яичницы с ветчиной и петрушкой. Спасибо Синеоке. Вчера она купила столько разностей, что нам хватит на целый месяц. Холодильник бы найти?

– В пещерах я видел лёд! Нужно далеко пройти и там...

– Точно! В яблочко! Молодец, юный берегин, – похвалил сына Степан, прицелившись в него пальцевым маузером...

Неожиданные встречи

Приключений на сегодня было достаточно. Лавр растянулся на кровати, вспомнил утреннюю прогулку по лесу и тот момент, когда он на оленухе перемахнул через овраг. Тогда не было времени задумываться, но мимолётно всё равно обратил внимания на свой лёгкий малахитовый окрас. И подумал, что это отсвет лесной зелени. А вот цвет кожи Виолки бросился ему в глаза моментально. Только когда она немного успокоилась, снова стала милой розовощекой девчонкой, а не принцессой Бубль-гум. Шмель в стрессовой ситуации мгновенно приобретал полосатый пчелиный окрас. Шмель к тому же становился пушистым.

– Лиль, а что, имена у берегинь говорящие? – спросил Лавр у Лилии, когда очередной раз увидел в окно яркую иллюстрацию к своей догадке по смене цвета. Две «феечки» случайно столкнулись, и ведёрко со свежим липовым мёдом выплеснулось на одну из них. Берегиня порозовела, как небо на утренней заре. Цвет, светящийся флуоресцентный, проявился, окрасил кожу и в мгновение ока померк.

– А как ты догадался? Когда человек волнуется, то обычно краснеет, а берегини... ну, приобретают разные оттенки. Это видно уже с детства. Поэтому имя выбирают подходящее к этому нюансу личности.

– А я что, зеленею?

– Типа того. Говорят же иногда: позеленел от злости! Или: стал пунцовый как... Как что?

– Красный как рак. А пунцовый... Видимо, просто пунцовый и всё, – пожал плечами Степан.

– Наверное, наблюдали в реальности! – усмехнулась Лиля. Лавру было не до смеха.

– А я не знал! Думал, так, наобум тебя Лавром назвали. Из глупой прихоти, – усмехнулся Степан.

– И что, все будут видеть, как я реально зеленею? Там, в мире людей.

– Там... никто не заметит. Там цвет не становится настолько отчетливым. Здесь место силы. К тому же это пока такая же спонтанная реакция, как и волшебство. Её можно будет контролировать! А самое главное, способность изменять цвет необходима.

– Зачем? – пожимая плечами, удивленно спросил Лавр. Вот этого он понять не мог точно.

– Чтобы оставаться невидимыми для людей. Понимаешь? На тебя смотрят и не замечают. Ты слился с природой и всё. Будь рядом река, берёза, маковое поле... Ты благодаря управлению цветом можешь мимикрировать.

– Вроде технологии стелс?

– Вроде стелс, – улыбнулась такому сравнению Лиля. – Айда на веранду!

Они устроились в шезлонгах у круглого журнального столика. Шмель сидел на широких ступенях крыльца и неот-

рывно смотрел вдаль. В сторону оврага, за которым до самого горизонта тянулось мелколесье. Некоторое время все молчали, боясь потревожить «интимность» момента. И тоже смотрели вдаль. Только Лиля легонько раскачивала кресло-качалку, которую заняла, выскользнув на веранду первой, и, раскрыв книжку, читала. Лавр выдувал мыльные пузыри. Степан пил чай с малиновым джемом.

Метрах в двадцати от крылечка Синеока рылась в машине.

Думали: кто о чём. Шмель, похоже, о Синеоке. Степан не без злости наблюдал, как тот бросает на неё быстрые смущенные взгляды, облизывает пересохшие губы и томно вздыхает. Из машины выглядывала лишь попка сердечком и стройные ножки Синеоки.

Полюбоваться было на что, и Шмель выбрасывал одну волну флюидов за другой. В моменты неконтролируемых эмоций у лешего кроме полос появлялись ещё и... копытца. Степан незаметно подобрался к Шмелю:

– Интересно, – сказал он неожиданно и шлёпнул лешего по колену. – Лешие только меняют цвет или вовсе превращаются из людей в животных? – грубо сказал он.

– Шмель, ты снова стал полосатым и пушистым! – радостно сообщил всем Лавр. – И ещё похож чуток на зебру. Ну... в нижней её части. Рыжую зебру!

– Вот и я о том!

Шмель поджал губы и хмуро опустил глаза.

Синеока вытащила из машины какой-то рулон и, запихнув его под мышку, пошла к ним на веранду.

– Вот эти коврики мне пришлись по душе. Они такие уютные! Купим завтра ещё? – обратилась она к Степану.

– Угу, – кивнул он.

– Это, пожалуй, всё! Я сделала для себя очень важный вывод! Слишком много барахла продается в ваших магазинах. Если всё тащить в дом: в нём вздохнуть невозможно будет! Примерно девять из десяти – совершенно ненужные, бесполезные вещи. Берегини, конечно, разобрали всё подчистую, но я в следующий раз двадцать раз подумаю, прежде чем покупать что-то! Вы бездарно тратите ресурсы! Мы не используем и сотой доли того! Хотя, нужно отдать вам должное, фантазия просто бьёт ключом. И это понятно. Люди, когда появились, вынуждены были выживать. Всегда были голодны, мёрзлы, находились в опасности, не имея волшебных сил защититься. Теперь, получив преимущество, вы не можете остановиться. Не можете умерить свои аппетиты. Вы много и трудно работаете ради того, чтобы тратить заработанное на бесполезный мусор, представляющий весьма и весьма иллюзорную ценность! Вы увязли в этом... потре-би-тель-стве по самое горлышко!

– Ты права! – с грустью заметил Степан. – Всегда такое впечатление, что чего-то не хватает... Ты не знаешь, чего?

– Уверенности в завтрашнем дне! Вам кажется, что накопленный за целую жизнь багаж сможет обеспечить уверен-

ность в себе. Посмотрите на нас: нам принадлежит сама природа! Подвластна магия. Хоть нас и становится всё меньше, мы не занимаемся накопительством.

– Вам есть смысл бороться. Вы уникальны. А нам куда стремиться?

– Если к накоплению богатств, то вас ждёт неминуемая гибель.

– Почему? – вмешался в разговор Лавр.

– Потому что всегда будут существовать те, кто захочет иметь всё. Богатство – это власть, и жизнь ради богатства – это всегда война. На всех уровнях человеческой пирамиды. А страдать при этом будет природа. Природа – источник богатств, но черпать из неё бесконечно невозможно.

– Звучит как-то не весело! – вжав уши в плечи, сказал Лавр.

– Не дрейфь! Прорвёмся! Знаешь, в чём миссия таких, как ты, молодых? – подбодрил его Степан.

– Ну?

– Найти выход. Изменить существующий миропорядок, – Степан ободряюще хлопнул Лавра по спине.

– Пока у меня нет идей! А вот кушать снова очень хочется!

– Пойду готовить обед, – поднявшись, сказала Лиля.

– А я наколдую салатика, – хитро улыбнулась Синеока, щелкнув большим и средним пальцами.

Прямо к крыльцу подкатилась здоровенная колода и встала перед ней вместо стола. На следующий щелчок явилась

каменная чаша, словно сработанная первобытным человеком. Одно отличало её – идеально отполированная внутренняя поверхность.

Рука Синеоки взметнулась, и в чашу упали зелёные листья, круглые и влажные, следом в чашу посыпались ягоды брусники, мокрица(?)... как показалось Степану, упало что-то похожее на листья рябины, пара одуванчиков... пролился локальный дождь, обмывая листья от грязи. Вода выплеснулась сама собой под вальс дирижирующих рук берегини. В финале салат обрёл то, что полагается любому салату – несколько ложек масла. Масло пролилось из кувшинчика. Из всех, выше перечисленных эпизодов приготовления салата, масло с кувшинчиком оказалось самым естественным. Как бы то ни было, совершенно нормально хранить масло в кувшинчике и добавлять его в салат...

После обеда состоялась очередная ознакомительная прогулка по лесу на оленях. Синеока захотела сама лично сопровождать Лавра. К ней присоединился Степан, которого с трудом удалось устроить на олене. А Лилия просто не могла не сопровождать Стёпу. Хоть в компании других, хоть нет, она боялась оставлять его без присмотра.

Прогулка удалась на славу. Неспешно семеня ногами, олени шли по лесу, а спутники разговаривали. Шмель рассказывал про Кедровую заимку, Синеока – про Лисий Бор, Степан и Лавр разбавляли их рассказы случаями из человеческой жизни. Оказалось, что общих тем у них было больше,

чем могло показаться вначале. Синеока хвасталась редкими видами растений в лесу, животными и птицами, что здесь обитают. Лавр не догадывался, что в Лисьем Бору прячется столько живности.

– А вот и наш котёнок! Этот? – сказала Синеока, когда разномастная кавалькада достигла того самого оврага. – Мы с Дымкой друзья, но за вас я не поручусь, – сказала берегиня и воздвигла перед рысью невидимую преграду. Дымка ощерилась, задела носом непреодолимую преграду и, повернувшись к гостям спиной, принялась вылизывать своего не в меру игривого котёнка, который всякий раз пытался укунить маму за нос...

– Пришлось скрыть от неё наше приближение. Хотелось взглянуть на малышей.

– Малышей?

– Да. Их трое. Смотрите.

Три пушистых карапуза атаковали Дымку, желая получить причитающееся им по праву молоко. Мать, сдавшись, умиротворенно положила голову на подушку из сосновых иголок и расслабилась.

– Она приходит к нам, когда появляются малыши. В другое время года её встретить поблизости нереально. Так делают все обитатели Лисьего Бора. В начале лета здесь Ноев ковчег, а не лес. Все звери стараются быть предельно вежливыми друг с другом. У них сейчас сезон перемирия. Вон, посмотрите, – Синеока указала на слабое шевеление метрах

в двадцати от них.

– Что там? Я ничего не вижу!

– Мммм, мммм, – донеслось из кустов.

– Медведица с медвежонком... Здесь сейчас можно многое увидеть! Вот оно, чудо! – сказала Владычица голосом, полным такой нежности и тоски, что Степана защемило сердце. Захотелось прижать её к себе и целовать.

Олени вдруг боязливо пятились и недовольно заворчали, беспокоясь. Лавр и Степан натянули поводья, а Синеока прислушалась: звуки совсем другого характера встревожили её слух.

– Выходи! Это мой лес. Я приказываю! Выходи! Все выходите кто прячется! Или заставлю вас показаться! – Синеока прикрикнула, и звери разом метнулись в стороны.

Деревья закрипели. Лёгкий шум охватил кроны, словно порыв ветра согнул вершины – туда, потом обратно...

Стволы старых сосен треснули, раскрылись на высоту человеческого роста, и на свет показались странные существа, похожие на древесные наросты причудливых форм. Шаг за шагом они преображались, принимая форму сапиенсов и перед Синеокой склонились три девы.

– Ах! – воскликнул Шмель.

– Кто вы? Предполагаю, что вы лесавки. Откуда и зачем пожаловали?

– Наш мир исчез, и мы посмели прийти сюда. Позвольте нам остаться. Мы погибали...

– Шмель? Как я понимаю, вы знакомы?

– Верно. Некогда мы жили вместе. Они не обманывают Вас, Владычица. Наш лес исчез. А лесавки не могут жить вне деревьев. Как и мне, им предстояло или умереть, или стать людьми. Я знаю... некоторые выбрали второе.

– Раньше лесавок у нас не водилось. В нашем лесу со всеми делами управлялись берегини. Старых деревьев, способных приютить лесавок, в те времена, когда мы появились здесь ещё не было. Но коли случилось такое... я не вправе отказать. Вот и Шмеля приютил Лисий Бор. Надеюсь, места хватит всем...

– Я Осина.

– Я Липа.

– А я Кленя.

– Кленя – очень красивое имя. Судя по всему, имена образованы от тех деревьев, что служили вам колыбелью? Наши сосны и ели вас приняли с охотой?

– Мы сговорились. Не сразу, но они приняли нас, – жеманно улыбаясь, ответила совсем юная с виду Кленя.

– Не понимаю. Как вы там умещаетесь? – не удержался Лавр.

– Мы выбираем старый ствол с расщелиной. И дерево, принимая нас в своё лоно, разрешает использовать чары, – хихикнула Кленя, прикрывая ладошкой рот. – Есть ещё момент единения... Мы может с помощью чар искусственно расширять внутреннее пространство.

– А это вам... того... единение, думать не мешает? У нас, среди людей, часто говорят: «Тупой как дуб!»

– Что значит «тупой», – предчувствуя, что её хотят обидеть, переспросила Кления.

– Лавр, как тебе не стыдно! – процедил сквозь зубы Степан и как можно незаметнее толкнул его в бок.

– Значит, «недалёкий» или неумный, – довёл до конца Лавр, косясь на отца.

Лесавка тяжело вздохнула, и её маленькая грудь содрогнулась под тонкой, словно сотканной из паутины одеждой.

– Нам не приходится особо утруждаться думами. Но можно проверить, настолько ли мы глупы, как вам кажется. Ты, как я понимаю, Лавр? Это дерево!

– Не верно. Кустарник.

– Так, так... давайте не будем бодаться. Девочки, приглашаю вас на чай. После захода солнца приходите в деревню, – сказала Синеока.

– Спасибо. Скажите, это вы построили дома? Мы так испугались, когда началась стройка.

– Наш лес тоже оказался под угрозой. И мы задались целью спасти и лес, и само наше существование. Для этого придётся встретиться с людьми и доказать, что лес наш. Получится это у нас или нет... увидим позже. Как там люди говорят: «С волками жить – по-волчьи выть?!» Поэтому мы и решили построить деревню. Изучить человеческие повадки и понять: как с ними уживаться. Мои дети: Лавр, Лилия и

Степан – он просто человек, нам помогают. Не бойтесь. Пока вам и вашим деревьям ничего не угрожает.

Вечером был чай, надутые губки Клении и косые взгляды Лавра. Но, несмотря на это, встреча прошла душевно. Дети «Кедровой заимки», так назывался их погибший лес, влились в коллектив плавно, под аромат таволги, душицы, липы и малины...

– Не проводишь меня, – спросила Кления, Лавра.

– Кто бы меня проводил... Я по лесу не ходок.

– Ты же сын Синеоки? Нет?

– Я вырос в городе. Лиля поняла, что во мне есть зачатки магии, поэтому я здесь. Но леса я боюсь! И магия проявляется спонтанно. Не всегда в нужный момент. Увижу где вашего брата спросонья... Так мало не покажется!

– Давай ты меня проводишь, а я тебя?

– А ты хитрюга, я смотрю. Ну, давай...

С утра пораньше Степан и Синеока собирались в город получать паспорт. Прописка в нём была Степкина, городская. На землю в Лисьем Бору настоящий документ они пока не получили. Вернее, документик состряпали, а вот зарегистрировать его ещё только предстояло.

– А можно я с вами? – к коттеджу Синеоки подошёл

Шмель и заискивающе посмотрел на Степана.

– Шмель! Ты машину водить умеешь?

– Я? – глаза Шмеля забегали.

– Тогда придётся тебе тоже ехать, – сказал Степан, глядя на Лилию. У неё была своя машина. Частенько она не могла обойтись общественным транспортом, а кататься на такси слишком накладно. Особенно за город. Пришлось купить, – Я не смогу вернуться. У меня дела: по работе вызывают. И к Лёше заскочить нужно. Обговорить, как продвигаются дела с химкомбинатом.

Степан явно недолюбливал Шмеля. Он понимал, что через месяц его отпуск кончится, и он опять отдалится от Лисьего Бора и Синеоки. А Шмель... останется.

– Шмель, хочешь научиться водить машину? – легкая, как листок, сорвавшийся с ветки, на крыльцо выскочила Синеока. – Нам нужен будет водитель. Думаю, у тебя получится. Ты же с людьми жил! Если что, магия тебе в помощь! Сегодня мы поедём выбирать авто. Садись к Лилечке. Тебе будет полезно посетить город. И поможешь мне с покупками. А то этот увалень отказывается, – тыкая пальчиком в Степана, сказала она.

Синеока щебетала, как зяблик в жаркий день на лугу. Шмель выпадал из реальности, слушая её нежный голосок. Он знал, как действует магия берегинь, видел, как снопы волшебных искр обволакивают всё, чего коснётся взгляд её синих глаз. Это Степану невозможно тягаться с магией. Ему,

лешему, это не в новинку. Он просто хотел оставаться под чарами. Он влюбился в неё ещё в тот момент, когда сидя на умирающем пне посреди пшеничного поля услышал голос, обещающий возрождение, дающий надежду на светлое будущее. На спасение!

– Шмель! Колос Шмель!?

– Да, я согласен.

Пока они добирались до города, а это около часа или чуть меньше, Шмель не сказал ни слова. Лиля говорила, он слушал, поддакивая, и даже понимал, но говорить не хотелось. То же самое происходило и в машине Степана. Только здесь без умолку верещала Синеока, а Степан угрюмо поглядывал на неё в зеркало заднего вида.

На переднем сиденьи сидел Лавр. Он тоже вызвался помогать, к тому же ему хотелось купить подарок Клении. Безделушку, но миленькую. Чтобы она ничего особенно не значила, но напоминала о Лавре. Парень никогда не делал подарков девочкам, не считая одноклассниц, которым в классе дарили на Восьмое марта конфеты или шоколад. Однажды правда мальчишки договорились подарить цветы. Но денег хватило только на кактусы. Прямо скажем, не все девочки были в восторге!

– Хе. Клении, думаю, кактус бы понравился, – сказал он вслух.

– Слушай, парень, а ты соображаешь! И цветок, и экзотика!

Лавр вытаращил глаза. Он не ожидал, что его мысли будут услышаны.

– Мой мальчик! Я не знаю, что такое кактус, но если твой папа одобряет, то я только рада!

Мужчины хором кхыкнули, что обозначало: зреет тайный заговор!

После получения паспорта и загадочного визита к «хакеру», из которого Шмель мало что понял, они отправились в автосалон. Машины, блестящие, как майские жуки, вызвали у него восторг, смешанный со страхом. Он ходил вдоль рядов, разглядывая салоны сквозь стекло, когда неожиданно увидел её.

Лиана резко открыла дверцу, больно ударив его в лоб.

– Простите, умоляю! Я вас не заметила. Вы появились так неожиданно!

– Лиана?

– Ш... Ш...

– Да. Это я, Лиана.

– Лиана, дорогая, ну что ты решила, наконец? – сказал полный лысоватый мужчина, подойдя почти вплотную к Лиане.

«Он выглядит молодым и здоровым. Даже с лишним весом, он всё ещё не плох», – оценил мужчину Шмель и, повернувшись, направился к Синеоке. Лиана не стала его останавливать, и он услышал чарующие нотки её голоса, обращенного к мужчине:

– Эта мне нравится больше. Я довольна выбором. Берём немедленно!

Голос Лианы то удалялся, то приближался, эхом отскакивал от стен большого помещения салона, но Шмель сказал себе «нет» и не поднял головы даже тогда, когда Лиана, проходя мимо, легонько толкнула плечом Синеоку. Женщины встретились взглядами. Искра пролетела между ними, как разряд молнии. В Лиане не должно было остаться и толики магии, но, видимо, в гневе она всё ещё была на многое способна.

– Кто вы? – спросила Лиана, остановившись и взглянув на Синеоку с таким вызовом, на который только была способна разгневанная ревнивая женщина.

– Хотела бы спросить то же самое у вас! – с достоинством держа голову, спросила в ответ Синеока.

– Хм. Вам не стоит отвечать вопросом на вопрос. А то можно и...

– И?..

– Синеока, тебе не кажется, что зелёный цвет выглядит намного интереснее? В нём есть какая-то глубина, тайна. И сиденья коричневые. Натуральные цвета!

– Этот цвет не столь эффектен, как... – Синеока повернулась на голос Шмеля и быстро сделала вид, что забыла о самом существовании незнакомки, сообразив что хочет от неё леший. Шмель, казалось, понимал смысл происходящего гораздо лучше и Синеока решила ему довериться.

Незнакомка не отступала и сделала ещё одну попытку сблизиться, но Шмель ловко уводил Синеоку всё дальше и дальше от неё.

– Лиана, готово! Машину можно забрать прямо сейчас, дорогая! – окрикнул незнакомку мужчина, и та, нехотя от-вернувшись, пошла прочь.

– Шмель! Кто это?

– Это Лиана.

– Её имя я слышала прекрасно. Кто она?

– Лесавка. Одна из немногих, кто решился пойти к людям.

– И что же это такое между вами произошло?

– Мы... не сошлись во мнениях. Наше расставание было болезненным.

– А я тут причём?.. – как бы невзначай поинтересовалась она.

– Лиана всегда была ревнивицей.

– Она сама сбежала от тебя к людям. И то, что она получила... этого румяного богатыря... никто не виноват. Тем более я!

– Мне нравится этот глубокий изумрудно-зелёный цвет! Берём зелёный! – откуда не возьмись появился Лавр, при-страиваясь на сиденье машины, и Синеока сдалась. Они и без того сильно задержались в салоне.

– Зелёный так зелёный! Будет мимикрировать, как бере-гини...

Цвет «хамелеон» красиво переливался с изумрудно-зелё-

ного на красновато-рыжий...

Лиана

Лиана злилась, сама не понимая почему. Когда она ушла из Кедровой заимки, уже всё было кончено. Они с остатками лесавок, леших, житников и купалок какое-то время ютились на окраине распаханного поля, за границей магического круга. Только житнику соседство с полем нравилось, но без магии и русское поле стало не мило.

Спиленный тысячелетний кедр постепенно остывал, теряя силы и магию. Лесной народ Кедровой заимки пустился в бег. Они интуитивно определяли куда можно пойти и как далеко находится место силы. Болотник по кочкам добрался до владений берегинь и там осел. Кления с подружками, хоть и не сразу, тоже нашли себе новый дом. Но не все лесавки могли спокойно перейти в мир берегинь, да те бы всех и не приняли – слишком мало места. Кроме того, Лесавки селились в старых древесных стволах, настолько больших, чтобы укрыться и чувствовать себя уютно. А молодой сосновый лес, плотный и смолистый, плохо подходил для них. Кто-то из купалок поселился в Овсянке, на границе владений берегинь. Но Овсянка – речка маленькая. В Земляничном озёре тем же купалкам не хватало кислорода. Речная вода движется, вбирая много воздуха, а озёрная стоит колом, поэтому в Лисий Бор они не пошли.

Для многих дорога принесла гибель. Купалки и водянки

пересыхали... Пересохшие волосы – это верная смерть. Говорят, купалка, промаявшись в поисках водоёма, могла выродиться в лохматку. Дичала купалка и характер у неё становился скверный. С лохматкой людям лучше не встречаться. Она тебе и полуденница, и полуночница в одном лице. Страхолюдина, одним словом!

А лесавка от плохой жизни превращалась в лесачиху. Что не менее страшно. Лиана не хотела себе такой судьбы. Уж лучше без магии вовсе. Шмель звал её на поиски нового дома, но Лиана чувствовала, что из этой затеи ничего не выйдет и решила уйти к людям... Они поссорились. Шмель умолял. Она ничего ни хотела слушать. Он падал ей в ноги, она одёргивала его и шла дальше и дальше...

– Шмель, если ты останешься здесь – погибнешь. Нам с тобой не по пути. Я устала! Я женщина! Я не могу быть без дома, тепла и уюта. Ты мне обеспечить всего этого не можешь. Пока, Шмель!

Ей повезло. Не успела Лиана выйти на трассу, как сразу увидела огни большой чёрной машины, которая на полной скорости неслась прямо на неё. Лиана зажмурилась, но не сошла с места. Машина остановилась, и перед ней появился крупный розовощёкий богатырь. Тот самый Кеша. Иннокентий Петрович.

Девушка хорошенькая, почти не одетая... стояла перед ним беззащитная, с милым наивным личиком и глазами, полными страха и одиночества. Она так и просила: «Забери

меня отсюда. Пожалуйста!»

Кеша вернулся в машину, вынул из багажника большой белоснежный плед и, укрыв незнакомку, подтолкнул её внутрь. Он тоже был не в лучшем состоянии. Буквально полчаса назад на даче он поссорился с женой и нёсся на полной скорости в город с твёрдым желанием развестись. Когда он увидел на трассе девушку, сразу решил: она – его судьба. Он спасёт её, а она его от жуткой удушающей темноты неудачного брака. И подарит счастье.

Ничего, что ей около двадцати, а ему за сорок. Она наивная глупышка. Он прожжённый грешник. Она худенькая, как тростинка, а он... Если незнакомка пойдёт ему навстречу, то он примет новую жизнь безоговорочно. Он не извращенец. Не станет её удерживать рядом силой. Однажды его жизнь полетела под откос из-за того, что он добивался любви совсем не у той, с которой хотел бы прожить жизнь от начала и до конца. Позарился на картинку. Но часто мудрые мысли приходят только с годами.

«Менделеев тоже будучи мужчиной в годах влюбился в девушку, которой не было и двадцати! Бросил жену и детей... Почему им, великим мира сего, можно, а ему, Кеше, нельзя?» – подумал он, захлопывая дверцу машины и с любопытством разглядывая свою неожиданную гостью через стекло.

Шмель видел издали, как Лиана села в машину к толстяку

и умчалась навстречу рассвету, в далёкое далеко. Из глаза выкатилась слезинка и потекла по щеке, потерявшись в курчавой русой бороде лешего. Он знал наверняка – они больше никогда не увидятся...

– Кеша, ты сегодня на целый день? Мы так редко бываем вместе...

– Сегодня – да. А вот завтра... Не хочешь прокатиться со мной в лес?

– В лес?! – Лиана вздрогнула.

– Я же говорил, что меня назначили директором нового химкомбината? Представляешь, документация готова, проект, есть предварительные договоренности по оборудованию. И тут вышла заминка с землёй. Пустой участок леса, выделенный под строительство, вдруг ни с того ни с сего оказался чьей-то собственностью. Нужно съездить и посмотреть, вдруг получится его выкупить у владельца. Мы проверяем, кому и как он попал в собственность. Но возможность выкупа нужно тоже предусмотреть. Надеюсь, земля обойдётся в копейки.

– А что там? Деревня, дача, фермерское хозяйство?

– Для дачи слишком уж шикарно. Больше тысячи гектар. Эко-деревня «Лисий Бор». На карте так и обозначено: «Лисий Бор». Но исключительно бор. Никакой эко-деревни. Наверняка пара-другая десятков идиотов живут «чистой жиз-

ную», плетут корзины, ткнут одежду из волокон конопли. Кушают травку-ягодку и молятся Сварогу Великому.

– Ни разу не слышала о таком. Поеду!

– За год ты впервые окажешься в лесу. Не страшно?

– Я ничего не помню. Надеюсь, что лес не вызовет отрицательных эмоций. Мне даже интересно побывать там снова.

– Лисий Бор в десяти километрах от того места, где я тебя подобрал. Это далеко. А ещё от трассы километра три по колдобинам. Выдержишь? Поселок расположен в самой глубине бора. Как раз в том месте, где должен был встать химзавод. Просто слов нет! Ну ладно, солнышко, мне ещё к детям заскочить нужно. Бывшая просила проводить их на автобус в лагерь. У неё в это время фитнес! Представляешь?..

– Ты такой хороший, – искренне порадовалась Лиана, помогая одеть мужу пиджак. Кроткая жена елей для сердца мужчины.

Кеша в самом деле был хорошим человеком. Ей повезло. И документы ей сделал, и медицинские процедуры оплатил. Лиана притворилась, что потеряла память. Вернее, сказала, что ничего не помнит. В том числе, как оказалась на трассе. В полиции сделали предположение, что девушка сбежала из подпольного притона. Одежда на ней была уж больно странная. Униженная нитками речного жемчуга, ракушечником тонкая ткань, слегка прикрывающая тело, расшита золотом. Не из дешёвых.

– Богатых парней развлекали, поди... Хорошо, что она ни-

чего не помнит. Врач её осмотрел. Сказал, никаких внешних повреждений, да и внутренних тоже нет. Повезло девчонке...

У Иннокентия даже полегчало на душе. Молоденькая. Жалко. В городе, кроме квартиры, в которой проживала жена с детьми, имелась ещё пара. Жилплощадь купили в приданое детям. Пусть двойняшкам ещё по девять, но кто знает... Мужики часто живут не долго. Нужно заранее позаботиться. Детей он не обидит и временно они с Лианой могли ютиться в небольшой дочкиной двушке. Он был очень тактичен. Заботился как отец. Лиане грех было на него жаловаться. Она благодарила богов, что встретился ей именно такой человек.

Пообжившись, она начала понимать, что вполне может претендовать на большее. Но не торопилась. На первое время Кеша ей подходил. Пусть старый, но и ей уже четыреста скоро стукнет. Лиана надеялась, что, став человеком, а это неминуемо случится, уже почти случилось, она сохранит молодость. Хоть эти двадцать пусть останутся в целости и сохранности. А там... Время покажет.

Первое время она сидела дома. Изучала мир людей через экран телевизора, через вещи, одежду. Потом Кеша стал выводить её в мир. Водил по супермаркетам, называя походы шоппингом, в театр, на выставки, на приёмы... Познакомилась с соседкой, грубоватой, но очень весёлой девушкой. В городе ей начинало нравиться.

Шумно, это верно. Воздух в городе удушливый. Пища тя-

жёлая. Ела Лиана первое время ничтожно мало. «Клевала как птичка», говорил Кеша. Ну ничего. Приходилось привыкать ко всему. Люди живут, размножаются, и она сможет жить. Кеша обещал купить дачу за городом. Её, Кеша. Но пока он был слишком увлечен новым назначением. Зато, памятуя о даче, купил ей автомобиль. Потатчик. Он стремился удовлетворить все самые невероятные желания девушки. Благо их было немного и, мягко говоря, превосходили своей простотой пареную репу.

Из мира мелодрам она поняла, что люди могут быть разными. Чаще всего предают и обманывают красавчики. Любовь казалась таким прекрасным ориентиром, что хотелось броситься на поиски любимого тут же после просмотра сериала. Но страх предательства останавливал. А ещё рабство. Вдруг и правда существует рабство? Сексуальное рабство, про которое говорил тогда полицейский? «Пончик» её надежда и опора. Пока ей больше не на кого опереться. Услышав это милое словечко «пончик» из телевизора, она стала называть им Кешу. Попробовала и сами пончики... Они прибавили ей немало хлопот с килограммами. За год Лиана набрала два кило. Как она поняла, фигура лесавки была просто-таки образчиком красоты и совершенства. Стоило её сохранить, как реальный физический капитал. Лесные жители не все отличались красотой. Основная масса создавалась скорее пугать, чем радовать глаз, но стройность была дана им от природы.

Только Шмель... «Ах, этот Шмель! Как он мог быть таким аппетитным? Особенно вкусна была... его магия. А эта Синеока! Так он её назвал? Как она может так бессовестно транжирить то, что настолько ценно для меня!» – чуть не плача, топнула ножкой Лиана.

– Нужно непременно отыскать её место обитания. По манере держаться она сто процентов Владычица! Как мог Шмель так низко пасть, чтобы прислуживать ей? Ах да, он же теперь царь бога-а-тый! У него есть двор. На дворе кол. На колу мочала... Не начать ли всё с начала?..

На каком-то этапе своих размышлений Лиана вдруг решила вернуться в лес. Всё исправить! Вернуть Шмеля! Она уже сбросила шелковый халатик, тапочки, взялась натягивать юбку... и остановилась. Уйти и бросить всё? Вернуться в лес. В чужой лес и без магии? Кому она будет нужна там. Примет ли её Шмель?

– Что же это я? Я здесь потому, что не было никакого выхода...

Лиана не находила себе места. Поела борща, следом пончик. Включила телевизор и через час поняла: не помнит ничего из того, что показывали по телевизору.

Иннокентий

– С этой девкой, ты совсем забыл о детях! Она тебя словно околдовала. Ты уверена, что эта твоя Лиана не та самая библейская Лилит? Змея подколотная!

– Вот кто здесь Лилит ещё подумать нужно! Если бы не дети... Оленька, Вовка садитесь в машину. Ваша мама совсем уже все мозги подрастеряла.

– Да как ты... – чуть не задохнулась от возмущения Вера Павловна.

Психолог ей миллион раз повторял, что нельзя при детях нападать друг на друга. Это травмирует юные души и вносит окончательный разлад в отношения. Но Вера всякий раз просто не могла сдержаться. Муж ушёл от неё так неожиданно, что она до сих пор не могла поверить, понять и простить ему этот поступок. Они много раз ссорились из-за мелочей, но каждый раз после этого мирились, не доводя дело до разрыва.

Ссоры происходили чаще всего от неприятия мужем её мнения. Пусть даже «идиотского», но её! Быть мямлей и повторять за мужем всё слово в слово ей никак не хотелось. Пусть знает, что она личность! А то ишь, некоторые демонстрируют патриархальные замашки, начиная с детского возраста.

Правда, выйдя замуж, за Кешу, Вера, родила двойню и за-

была в чём был основной смысл «борьбы за права женщин». От хорошей жизни она немножко располнела. И другая проблема завладела её разумом – она толстая. Жизнь превратилась в настоящую борьбу за фигуру, и Вера временами впадала в депрессию. Стала ворчливой, ревнивой без причины, часто устраивала скандалы на пустом месте, чем сильно доставала мужа.

– Вера, я ничего не хочу от тебя слышать! – затыкая уши, вопил Иннокентий, запихивая чемоданы в багажник. – Ты получила от нашего брака всё, что хотела: квартиру, машину, возможность не работать и целыми днями шататься по салонам. Поэтому помолчи, ради Бога! Ты даже не способна детей в лагерь отправить!

Дети слушали их перепалки, хмурясь. Они выросли в этой среде, и Вера признавала, что это очень плохо сказалось на их поведении. Они переняли у родителей стиль общения, и сейчас со стороны было видно, что подросли две их маленькие копии. Они постоянно спорили и ругались, пытаясь доминировать друг над другом.

Вера сжала губы:

– Вот бы случилось так, чтоб дети не попали в капкан собственных шаблонов. Как бы хотелось для них счастливого, волшебного, лучшего мира...

Она помахала детям рукой и пошла в дом. В душе поселилась тоска. Она уже чувствовала, что одиночество подступает к ней, сжимая горло в тиски.

– Нет! Не сдаваться! Иду в салон, потом на выставку и мастер-класс!

– Ну что, вы уже готовы веселиться? – Иннокентий обратился к двойняшкам, словно ничего не произошло. Вам ещё не надоело? Каждый год в один и тот же лагерь ездите.

– Не-а! Мы уже со всеми договорились. Друзья съедутся, будем тусить, – подпрыгивая на сиденье в предчувствии встречи, ответил Вовка. Один из двойняшек.

– Вы же каждый день с кем-то в сети, с кем-то на тренировках встречаетесь. И соскучились?

– Пап, тут же каждый день! И без всяких родителей!

– Тебе вообще удивляюсь! С пацанами круглосуточно, – обращаясь к дочке, сказал Иннокентий.

– Не вы ли меня на каратэ отдали? Не хотели париться с разными кружками. Вот теперь пожинайте плоды. Все девочки на танцы или в художку. А я с парнями драться иду! Кстати, хочу с первого сентября в художку. Появилась идея стать дизайнером одежды.

– Здорово! Главное раньше времени руки-ноги не переломать на соревнованиях. А то кисточки нечем держать будет.

– Переплюнь!

– А я хочу фотик! Профессиональный. Хочу фотографом стать. Фотать красивых девушек, еду и всё такое.

– А это ещё откуда? Что за бредовые идеи? Мой сын не

может заниматься такой ерундой!

– Нормальные идеи. Знаешь, сколько хороший фотограф зарабатывает?

– Нет. Даже не интересовался никогда. И не хочу! В принципе время есть. Ещё что-нибудь в голову придёт. Я вот химик и не жалею! А в молодости тоже занимался фотографией.

– Нужно сокращать химию в жизни! Скоро от пластика откажемся, а там глядишь, и от всего остального! – скорчив умную рожицу, парировала Оля, сложив руки в узел на груди.

– Не думаю, что можно от всего отказаться. Ты моя Грета Тумберг. А шампуни? Чистящие средства, одежда?

– Одежда?

– Колготки у тебя нейлоновые. Пуховики из болоньи, поди? Голимая синтетика! А косметика? Да много чего! В лес пойди, всё что там есть, натуральное. А вот чего нет... того и не будет без химии!

– Наверняка есть какая-то альтернатива! – отмахнулась Оля.

– Никакой! Единственная альтернатива: вернуться назад! В Средневековье!

– Очень познавательно, папочка! Понимаю, почему тебя тянет в Средневековье!

– И почему?

– Там было разрешено многоженство!

– Во всём есть свои положительные и отрицательные стороны! – свернул беседу Иннокентий и всю оставшуюся часть пути молчал. Высадив детей на большой площади перед театром, он поехал искать парковочное место. Автобусы для перевозки детей уже стояли, но посадку ещё не объявили.

Иннокентий поставил машину и подошёл к детям. Они уже весело галдели в компании друзей. Оглянувшись, он увидел женщину с выбившимися из высокого хвоста волосами. Она заполошно бегала среди детей, собирая путёвки, медкарты и справки. Считая детей по головам.

– Извините, вы здесь главная? – спросил Иннокентий Петрович.

– Да. А что?

– Когда отправление? Я сильно тороплюсь.

– Когда у меня сойдутся списки. Опоздавших ждём ещё полчаса и едем. Все такие не собранные. Слава Богу, что это последний год!

– Почему последний?

– Нам сообщили, конфиденциально, конечно, что в следующем году лагерь закроют. Недалеко планируется строительство химкомбината. И мы входим в зону отчуждения.

– Да? Интересно, кто это вам сообщил. Ещё мы даже не в курсе, получится что из всей этой затеи или нет, – добавил он тихо и встал недалеко от детей.

– Лианочка, ты готова? Мы уже сильно опаздываем.

– Да. Я готова. Как тебе? – Лиана вытянулась по струнке перед Кешей в новом брючном костюме сафари и кроссовках. Он тоже оделся по-походному. В костюме для рыбалки. И выглядел похожим на Шойгу в «поле». Он особенно часто появлялся на экране, когда Кеша включал телевизор.

– Просто блеск! – прокомментировал он её прелестную фигуру, обтянутую широким поясом. – В путь! Нас будет сопровождать ещё несколько человек в форме. Не пугайся. И машина полицейского сопровождения. Кто знает, что за банда там обитает. По документам Лисий Бор принадлежит дочке одного бандюгана. Якобы он приобрел его ещё в 90-е. Известный в те годы авторитет. Ну и видимо в этом бардаке, я говорю про 90-е годы, и вышло так, что о собственности на землю мы узнали не сразу. Погуляем там. Разнюхаем обстановку. Может быть там никого и нет давно! Ха-ха. Обкурились конопля и скурвились! Хиппи...

– Скурвились?

– Или того хуже! – добавил он, не разъясняя. И захлопнул дверь.

Длинной кавалькадой машины тянулись вдоль трассы, как огромный чёрный питон. Приделай ему крылья и один в один – мифический дракон. Лиана смотрела в боковое окно и сердце колотало от нарастающей тревоги. Где-то в Лисьем Бору находился ещё один магический узел. Там магию

хранила слюдяная пещера с крупными вкраплениями горного хрусталя, скрытая в скалистом холме посреди соснового бора.

Лиана переживала: сможет ли найти его. Она удалила магическую печать, и теперь только тонкие корешки, обрывки, магические нити, ещё сохранившиеся в теле, давали о себе знать. Не более. Даже если будет возможность вернуться, такой, как прежде, она уже не станет никогда. Не слышали ещё в мире фей, чтоб кто-то возвращался после удаления магической печати.

Через час кавалькада съехала с трассы в лес. Теперь двигаться приходилось по просеке. Песчаная почва представляла собой дорогу только метров сто. Потом корни и ухабы превратили её медвежью тропу. Но по внешнему виду можно было сказать, что по ней периодически кто-то ездил.

– Ей Богу, если и жил здесь кто-то, то теперь вряд ли.

– Иннокентий Петрович! Вы уверены, что мы не ошиблись дорогой? – крикнул из следующего за ними автомобиля сопровождающий.

– Если судить по карте, то да! Видите, следы от шин? Недавно тут прошёл большегруз. Кто-то этой дорогой пользуется. Однозначно.

– Я чувствую себя Туром Хейрдалом в этой глуши! – крикнул кто-то ещё. Его голос заглушал шум двигателей.

– Когда я работал в стройотряде, мы однажды попали на строительство узкоколейки, – кричал в окно Иннокентий. –

Так нам вот так же приходилось продираться через тайгу. Было огромное желание повернуть назад! Ха-ха! Подальше от комаров и поближе к людям! Ещё то себе приключение!

Через двадцать минут сосны расступились, и кавалькада из автомашин остановилась у въезда в деревню. Иннокентий вышел из машины первым. Следом за ним потянулись остальные, осматривая деревню в приоткрытые ворота. Ворота из плотно подогнанных толстых жердей у въезда поставили недавно. Так берегини упражнялись в плотницком деле. Конструкция ворот плавала, как хлипкая лодочка на воде, когда ворота открывались и закрывались. Казалось, что жить им недолго, но магия делала их похожими на стены острога, не меньше. На одной из створок ворот красовалась строгая табличка: *«Частная собственность. Вход запрещен»*.

С корзинами и без по деревне шныряли юные амазонки. Некоторые из них остановились и тоже внимательно вглядывались в приезжих.

Лиля, сидя в кресле качалке на веранде, увидела вереницу машин ещё издалека и сразу бросилась в дом, где Синеока с Шмелем увлеченно музицировали. Шмель демонстрировал возможности свирели, а Синеока – губной гармошки.

– Синеока! Приехали!

Та сразу все поняла, хотя Лиля и не сказала кто приехал. Собралась. Тело стало прямым и жестким, взгляд – неприимым и властным. Она направилась к гостям.

– Добрый день. Что привело вас в нашу деревню, господа? – спросила Синеока, выйдя за ворота.

Иннокентий подошел к Синеоке уверенным шагом, но вдруг смутился, встретившись с ней взглядом.

– Мммм, ааа.

– Мир всяк входящему! – прервала мычание Синеока. – Мы рады вам, но... мы живём уединённо и не любим, когда нас беспокоят по пустякам.

– Я директор... будущего химкомбината. Государство выделило нам... это место под строительство сверхсовременного комплекса по производству...

– Государство выделило вам нашу землю? Лисий Бор?

– С каких это пор право частной собственности так легко оспаривается? – добавила выросшая словно из-под земли Лилия.

Сердце прыгало в её девичьей груди, как дикая лань. Она поражалась Синеоке, столь невозмутимой и уверенной в себе. Владычица... кому, если не ей, управлять сердцами и умами не магигов.

– Когда мы получали документы, никакого эко-поселения ещё в помине не существовало! Так ээээ, называется ваша деревня? Всё это... – он обвел рукой поселение. – Точно не новодел?

– Хотите взглянуть?

– Да. Хотелось бы...

Шмель стоял на широком крыльце-веранде, наблюдая за сценой у ворот, когда увидел Лиану.

Та вышла из машины и, неуверенным шагом ступая на землю берегинь, встала за спиной мужа, сверля взглядом Синеоку. Потом обвела взором больших черешневых глаз округу и увидела его.

Шмель дёрнулся, собираясь бежать, но понял, что поздно. Да и смысла особого нет. Лиана должна была понять: он был рано или поздно обязан бы примкнуть к магическому сообществу. Этому или какому-то другому... То, что она предпочла людей, отдалило их. И только от неё теперь зависело, будет она в числе друзей или станет врагом. Потерять магию тоже, что потерять честь. Честь, как и магию, вернуть практически невозможно, а потерявший честь, как правило, зол на весь мир. Он может пожелать остальным такой же участи...

Делегация прошла на территорию эко-поселения, и Синеока сразу предложила провести для гостей экскурсию.

– Наша деревня действительно придерживается законов природы. Никакой химии, только натуральные продукты. Поддерживаем здоровый образ жизни...

– А какой религии придерживаются поселяне? – спросил кто-то из делегации, подозревая общину в сектантстве.

– Никакой. Мы дети природы.

– А на какие средства существует поселение?

– Мой отец оставил приличное состояние, и я, как владелица имения, несу основное бремя расходов, к тому же мы производим и продаём немало для самообеспечения.

– И что же это? – ухмыльнулся один из полицейских, глядя на голые ноги поселянок. Обувь пока не приобретали. Не было особой необходимости.

– У нас большая плантация клубники и малины. Продаётся не хуже ягоды с юга. У нас здесь олений питомник. А это панты. В озере много рыбы. Мы её культивируем. Можно по-сидеть, половить. Платно. Выращиваем жемчуг. Вот этот, – Синеока подняла волной грудку жемчужных нитей на шее. – Шикарно, не правда ли? Кроме того, излишки ягоды мы сушим вот здесь. И добавляем в травяные сборы. Заготавливаем Иван-чай. Вы любите Иван-чай? Мы готовим его по особому рецепту. Покупайте чай марки «Лисий Бор», не пожалее! Занимаемся поставкой лечебных сборов в аптеки города и области...

Синеока запнулась, пытаясь вспомнить вызубренный текст, накиданный Лилей буквально накануне.

– Сколько людей проживает в деревне? – осматривая один из домиков изнутри, поинтересовался Иннокентий Петрович.

– Около двухсот.

– Дети?

– Детей у нас немного. Как правило, девушки здесь живут незамужние. Но... десять-пятнадцать, пожалуй, наберётся.

– Старики? – спросила пожилая женщина.

– Нет. В лесу, без всякой цивилизации, пожилым людям жить сложновато. Ни тебе телевизора, ни Интернета...

– Неужели совсем ни у кого нет телефонов и Интернета? – впервые задала вопрос Лиана.

– Есть у меня. У Шмеля. Колос Шмель занимается менеджментом. Есть у Лилии. Она живёт в городе и бывает у нас наездами, являясь неким связующим звеном между миром и деревней. Кстати, она дизайнер, фотограф. Мы мечтаем предоставить красоты деревни для модных фотосессий. Вот, пишем бизнес-план. В Лисьем Бору очень богатая флора и фауна. Животные ничего не боятся. Вот, посмотрите!

На окраине паслись олени, рядом, как ни в чём не бывало, щипала травку семья кроликов.

– А нужно и волка предоставим, и медведя...

– Для таких фотосессий нужно получить разрешение. Опасные животные должны содержаться в клетках! – резко ответил один из присутствующих, и Синеока поняла, что переборщила.

Неожиданно прямо перед ними распахнулся омут для телепортаций, и оттуда верхом на оленях выпрыгнули четыре всадницы, трубя в серебряные рожки.

– Ээээто как?

– Это... – Синеока навела на гостей чары и вереница чиновников замерла.

– Ха-х! Ха-ха-ха-ха! – из ниоткуда послышался заливи-

стый смех, и Синеока завертела головой. Из толпы грузных мужчин показалась Лиана. Удивительным образом на неё чары не подействовали. Собственно, это её и рассмешило. Обрадовало!

– Мы встречались. Так? – сказала Синеока.

– Да, в автосалоне. Около недели назад. Я Лиана. Шмель про меня вам ничего не рассказывал?

– Лиана... Почему вы ушли к людям?

– Неуместный вопрос. А вот что за цирк вы здесь устроили! Жемчужная ферма! Панты! Производство клубники... Фотосессии! Я записываюсь! Давно мечтала о фотосессии. Вот в этих жемчугах! С оленем и кроликами. Нет! Передумала! С волчком! С сереньким волчком. Он не укусит за бочок?

– Лиана! – одернул её, подошедший Шмель.

– Шмель. Милый Шмель. Ты же за меня замолвишь словечко?

– Не паясничай!

– Что ты, Шмель. Мы, конечно же, примем Лиану. Она нам как сестра... – сказала Синеока без иронии.

– Я не имею с вами ничего общего!

– Ты же не поддавалась моим чарам. Значит, всё ещё чародейка.

– Ещё немного... и последние крохи... Я человек. Человек – царь природы! – немного истерично закончила она.

– Боюсь, что скоро человеку и царствовать-то будет не над

чем...

– До этого момента пройдёт ни одна сотня лет. Меня к тому времени уже не будет.

– Так считают только люди... – грустно усмехнулся Шмель. – Почему люди ведут себя как временщики?

– Потому что они и есть временщики, – ответила Синеока. – Люди оторваны от природы. Их век короток. Они не смотрят дальше своего носа. Не будем об этом...

Владычица щёлкнула пальцами, и чиновники ожили.

– Ааааа... вы не хотите продать Лисий Бор? – помедлив, задал вопрос Иннокентий Петрович.

– У вас есть лишние пятьдесят миллиардов?

– Никакая земля не стоит таких денег!

– А моя стоит!

– А вы не планируете сдавать домики на выходные? – высунулся из толпы неприметный, но очень милый мужичок.

– Хотите провести чудесные выходные с детьми? Вот моя визитка. Я вам помогу. Наверняка у нас найдётся для вас местечко.

Спустя час делегация села на машины и укатила прочь из леса. Иннокентий, прощаясь, многозначительно посмотрел на Синеоку и обещал тщательно проверить все документы на собственность.

– Наверняка где-то напортачили. А если нет, то мы найдём лазейку, – пробурчал он себе под нос.

Чёртов Лисий Бор

Всю дорогу Лиана слушала рассуждения мужа по поводу деревни и молчала. Её бравада наверняка выглядела со стороны глупо. Но чувства, охватившие вдруг, невозможно было сдержать.

«Жемчужная ферма... о чём они только думают! Эта Си-неока... раздражает. А Шмель... менеджер среднего звена. Почему он выглядит таким довольным? Печальным, но спокойным и довольным! Словно хочет показать, что сожалеет обо мне. Ему жаль!

– ...понравилась эко-деревенька? – спросил Иннокентий.

– А? Извини я задумалась, – встрепенулась Лиана.

– Как тебе эко. Понравилась?

– Выглядит неплохо. Даже не знаю, что сказать.

– Надо с ней что-то решать! Не хотелось бы искать новое место под строительство. Жемчужная ферма! Вот чего не ожидал, так не ожидал. Фотосессии они проводить собрались... Не хочешь фотосессию?

– Я подумаю. После посещения деревни захотелось домик где-нибудь в укромном уголке с лесом, садом...

– Я обещал – значит будет!

– Ты не против, если я уже с завтрашнего дня начну приглядывать домик? Развлекусь заодно. А то мне кажется я засиделась дома.

– Буду только рад! Обходи пока стороной Лисий Бор. Не хотелось бы иметь землю вблизи химкомбината...

Лиана не могла усидеть на месте, хотелось вернуться в Лисий Бор. Она металась по квартире раздираемая сомнениями.

– Поехать или не поехать? Как отнесётся к моему приезду Шмель? Сказать, что вернулась заказать фотосессию? У меня ведь даже телефона его нет! Да, точно! Скажу, что приехала за визиткой.

Лиана быстро собралась и через час уже летела по трассе с коробкой конфет «марципан» в сумочке. Чем ещё порадовать хозяйку Лисьего Бора, или скорее подкупить, она не нашла.

День выдался на редкость приятный. Жары не было, небо заволокли тяжелые тучи, на землю и покрытую пылью листву падали редкие капли дождя. Но Лиана была уверена, что грозы сегодня не будет. Предчувствия её никогда не обманывали.

Она остановила автомобиль у ворот деревни и пошла вдоль изгороди. Накануне отметила, что сплошного забора нет. Изгородь шла от ворот метров двадцать и оканчивалась в густом подлеске. Дальше – проход был свободен.

Центральная часть посёлка имела в длину не больше ста метров и лежала как на ладони. Все остальные строения рас-

сыпались по лесу в обе стороны от центральной улицы.

Берегини сновали по деревне, увлеченные каждая своим делом. Им не было резона прятаться. Здесь все свои! А коли чужаки появятся – что из того? В деревне они заняты обычными человеческими заботами. Теперь у них производство! Собственно, лесной народ и раньше без дела не сидел. Заботясь больше о природе. На них лес, зверьё, быльё... С людьми старались не контактировать. Только куда от них денешься? Плохих, кто лесу да зверям вредил, кругами водили, да пугали. Заблудшим дорогу показывали. А берегини, наверняка водили дружбу с лесником. Лиана знала, что так всегда бывает – ведь одной болью живут. Лесники чаще всего, люди к лесу не равнодушные.

У берегинь с людьми не только деловые отношения складывались. Бывало лесные чаровницы чувствами людей играли и любовь водили. Много слышала Лиана историй о большой, но несчастной любви между человеком и магическим существом. Такой боялась, но втайне мечтала встретить любая девушка. Человек она или фея.

– Пчёлки... – довольно улыбнулась Лиана, вспоминая прошлые времена. И тут же посуровела. Теперь это не про неё... Мало им. Теперь ещё и ягоды культивировать взялись. На продажу, это просто нелепица какая-то – ухмыльнулась она.

Мимо пробежала девочка и мальчик. Мальчик смотрелся чужаком. На ногах кроссовки, короткая стрижка, но вокруг него роились искры магии.

– Вы к Шмелю? – обернувшись, крикнула ей Виолка. Она узнала вчерашнюю гостью. Лиана не нашлась что ответить, но юная берегиня и не ждала ответа. – Он в доме Синеоки. Там! – она указала на большой коттедж.

Лиана замерла на широкой дощатой мостовой, не решаясь сразу пойти в дом. Потом, повинувшись внезапному порыву, бросилась за ребятами. Дети остановились около стада оленей, которые паслись на окраине поселения. Нерешительно подошли к оленухе, с выменем, плотным, налитым тёплым молоком. Рядом с ней крутился маленький пятнистый оленёнок. В руках Виолка держала голубой кувшинчик.

– Вы, я смотрю, за молочком охотитесь? – спросила Лиана, подойдя совсем близко к оленухе. Протянула руку и почесала ей за ухом. Оленуха бродила ушами, поднимая вверх морду и подставляя шею ласкающей руке. – Как её зовут?

– Зорька. Мама попросила молока, а я никогда сама не доила. Только видела, как это делают другие берегини.

– Я миллион раз доила оленей... давай, подставляй свой кувшинчик.

Лиана присела на корточки и начала методично и нежно гладить тугие сосцы, выдавливая из них тонкие струйки молока.

– Уау! – глядя на брызжущие струи, восхитился Лавр.

– А ты чей будешь?

– Я?

– Он мой братик. Мы двойняшки!

– Я Лавр. Только я живу в городе.

– Ты берегинь? Зачаровывать умеешь?

– Я только учусь. Спонтанная магия. Я с трудом с ней управляюсь.

Лиана натянуто улыбнулась и встала. Кувшинчик был полон.

– Идём? – сказала она, кивнув в сторону коттеджа Синеоки.

—...Я боюсь, что она может нам навредить, – услышала Лиана негромкий чувственный голос Шмеля, входя в гостиную.

– Почему ты так думаешь?

– Ей не понравится, что я здесь. Рядом с тобой...

– Мама! К нам гости! – вбегая в комнату, воскликнула Виола.

Лиана была довольна произведённым эффектом. Шмель смущенно опустил глаза. Только Синеока всё также улыбалась. Она почувствовала присутствие Лианы загодя. Для Шмеля же её появление было полной неожиданностью. Его мыслями полностью владела Синеока.

– Я решила прогуляться и вот вспомнила: вы мне фотосессию обещали, а контактного номера у меня нет.

– Я думал вы тоже берегиня или как Шмель... – выпалил Лавр.

Лиана снова натянуто улыбнулась.

– Присаживайтесь. Чай с молоком? – предложила Синеока.

Лиана вытащила из сумки коробку.

– Вот! Я не с пустыми руками. У людей принято ходить в гости с подарком. Дарить сладости к чаю.

На столе появились чашки, тарелка с блинчиками, нашпигованными свежей малиной.

– Лилия с утра напекла. – сказала Синеока, указывая на блинчики, – Как тебе живётся у людей?

– Я уже привыкла.

– Синеока, а чем отличаются берегини от лесовиков? – снова вмешался Лавр, засовывая в рот блинчик. Лиану немного раздражало поведение мальчишки, но он хотя бы немного отвлекал внимание на себя.

– Мммм. Берегини стоят на ступень выше людей. Мы между людьми и богами. Мы той же породы, что люди, поэтому нам нужны дома, пища, одежда и мебель. Ты видел наши пещеры? Мы нуждаемся в физических проявлениях мира, правда не в той мере, что человек. Одежда только прикрывает тело, пища не тяжела... Многое из того, что отсутствует мы можем заменить магией. Преобразить. Зачаровать. Лесной же народ, стоит между человеком и природой. Это магический народ. Они ближе к природе. Им не нужен дом. Дерево, пень, водоём... Для них дом, и стол, и кровать... Лесовики могут преобразаться в людей, но все же, отличаются от них. У Леших, например, в естественном об-

личии, нижняя часть тулова оленя. У водяного есть хвост. Отказавшись от чар... лесной народ или дичает, или уходит к людям. Превращается в людей. Как Лиана.

– А почему так получилось? Аааа! Я вспомнил. Ваш лес был уничтожен, – с детской непосредственностью выпалил Лавр, запихивая в рот очередной блин.

– Лавруша, Виолка! Сходите прогуляйтесь. Мы хотели бы поговорить с Лианой наедине.

Дети убежали, выхватив из коробки по конфете. Лиана опять натянуто улыбнулась.

– Вот. Это телефон Лилии. Она будет заниматься фото-съемкой.

– Аааа, Шмель? Ты не дашь мне свой номер?

– Мне думается, вам не стоит часто здесь бывать, – сдержанно сказала Синеока.

– Шмель?

– Я свяжусь с тобой. Позже.

Лиана резко встала.

– Мне пора. Проводи меня! – почти приказывая, бросила она Шмелю. Обстановка накалилась. Между двумя женщинами воздух наэлектризовался, треща от магии.

– Шмель, останься!

– Нет. Я провожу. Не беспокойся.

Только они вышли на крыльцо как разразилась гроза. Небо потемнело одна за другой его озарили молнии, громыхнул гром и Шмель, следуя за Лианой, создал над головой сво-

ей бывшей, защитный экран. Она шла, не замечая крупных капель, с шумом падающих на землю.

– Погоди. Остановись! Лиана! Тебя не было целый год. Я чуть не умер, сидя на остывающем пне, как на развалинах дома. Синеока дала мне надежду... Я почувствовал, что жизнь снова просыпается в сердце. А вместе с ней... любовь!

Лиана резко остановилась, повернувшись к нему лицом. Дождь не прекращался.

– Ты знаешь, что такое любовь? Знаешь?!

Лиана занесла над ним руку с дамской сумочкой и ударила в грудь, потом снова... Шмель стерпел, но Лиана всё больше злилась и на лешего обрушился град ударов. Он несколько секунд терпел, но потом, не выдержав, инстинктивно поставил заградительный барьер, лишив Лиану защиты. Стена дождя лавиной хлынула на Лиану, скрывая слёзы, смывая косметику, сбегавшую тонкими чёрными струйками по лицу.

В сильном эмоциональном возбуждении она барабанила в хрусталь магической перегородки до тех пор, пока хватало сил. А потом ноги подкосились и Лиана села на землю в грязную лужу, которая окатила её тёмно-коричневыми каплями с ног до головы.

Шмель подошёл к ней чтобы помочь. Но она отказывалась подниматься, и тогда взвалив Лиану на плечо, он донёс её до машины, немножко подсушил с помощью чар, счищая комья грязи, прежде чем закрыть дверь и оставить её в покое. Кое-где одежда осталась в пятнах, но Лиана этого не замечала.

Сидя в машине, впав в проstration, она смотрела на стену из дождя... не двигалась. Через десять минут ливень стих, Лиана завела мотор, и развернувшись с третьей попытки на узком пяточке, уехала.

Синеока, что делать?

– Я не думал, что она вознамерится вернуть меня, – упавшим голосом сказал Шмель, подставляя руки к огню камина.

– Это ревность. Ревность свойственна людям.

– Ты так говоришь, будто магический народ лишен возможности ревновать. Так же, как и у людей, ревность свойственна и нам.

– Ни в той мере.

– А ливень? Откуда взялся этот адский ливень? Я не ждал сегодня такого гнева небес.

– Чутьё может подводить и магигов.

– Ты... Ты ревновала тоже... Что нам делать, Синеока?.. – шепнул он, подойдя к Синеоке вплотную.

– Хм...

Колос Шмель обхватил берегиню за талию и крепко прижался грудью к изящной спине, покрывая поцелуями обнажившее плечо. Шифоновая блузка цвета сирени, купленная накануне, практически не скрывала нежное тело, словно выточенное из мрамора. В этот миг где-то в лесу затянул свою песню соловей, радуясь первым лучам солнца, пробившимся из-за туч. Шмеля окутал пьянящий аромат таволги и жимолости.

Они словно перенеслись в пространстве, оказавшись в хрустальных пещерах на шелковых простынях, где времени

и вовсе не существовало, где никто не мог нарушить уединение. Помешать порывам страсти, первым физическим проявлениям любви...

– Кления, ты нас просто спасла! Этот ливень хлынул так неожиданно, что мы не знали, куда бежать!

– Вам не нужно было никуда бежать. Вы были прямо рядом со мной! Верх негостеприимности – бросить друзей под дождём, – сказала Кления, выпуская их из своего маленького жилища. Из соснового ствола.

– Я не думал, что там может поместиться ажно трое!

Кления рассмеялась.

– Мы можем увеличить пространство с помощью магии. Ты разве не понимаешь? Эта сосенка меня принимает как родную.

– Всё равно тесно!

– Да. Но мы не находимся в стволе постоянно. Ствол – он, чтобы сберечь, прятать, усыплять. Вы заметили, что вас постоянно тянуло в сон?

– Есть такое! Ваши дома напоминают мне капсульные отели в Японии. Ха-ха-ха-х! – загоготал Лавр.

– Не знаю, что это?

– На самом деле не важно. Слишком долго рассказывать. Просто маленький дом, в которой люди ночуют, когда не могут быстро добраться до дома.

– Похоже. Но для нас дерево больше, чем дом. Он словно

чрево матери. В нём всегда тепло, уютно и чувствуешь себя под защитой.

– Здорово! Наши пещеры имеют такое же свойство. Тёплые зимой, прохладные летом. И тоже навевают сон. Вернее, дают состояние блаженства... Зимой мы много спим, – вступила в разговор Виолка.

– Как медведи?

– Зимой вся природа спит, и нам не нужно работать, чтобы прокормить себя. Только люди постоянно в поисках пищи. Мы...

– Можете питаться росой с дерева гинго... Я помню.

– Гингко. Ты в прошлый раз сказал Гингко. У нас есть ягода, оленьё молоко и травяные настои.

– Я бы предпочел пельмени.

– А что такое пельмени? – спросила Кления.

– Это такие маленькие пирожки с мясом.

– С мясом! Мясом питаются только лохматки и другие сумасшедшие магики. Они несут смерть и опасность и зверям, и людям!

– Считай, что мы сумасшедшие. Порой мне тоже кажется, что люди несут в себе опасность всему к чему прикасаются... ха-ха-х. Это я в кино слышал. Что же это был за фильм. Аватар?.. Впрочем, неважно.

– А как красиво поёт соловей! Вероятно, случилось что-то чудесное.

Соловей заливался, выписывая трели на все лады. Посте-

пенно к нему присоединялись другие птицы, и вскоре лес превратился в хор из птичьих голосов.

– Виола, а ты умеешь делать порталы?

– Учусь.

– Давай ты меня тоже научишь.

– Давай, – пожала плечами Виолка, и начала чародействовать. Она чертила круги в воздухе, и он вибрировал. Волны расплзались в разные стороны, как на воде. – Мало начертить омут. Нужно знать куда хочешь попасть. Дальше Лисьего Бора мы не ходим, портал требует больших магических затрат. Вот, это место у речки.

– Хочу земляники. Давай на земляничную поляну. А потом можно в реке искупаться. Кления, ты с нами?

– Ага.

Виолка закрутила волны омота и посмотрела на ту сторону:

– Оно. Айда, ребята!

Все трое переступили порог реальности и оказались... на земляничной поляне. Тут, как и везде в лесу, светило солнце и трещал весёлый птичий хор. Ягодка за ягодкой они наелись, насколько было возможно. Лавр научился чарами поднимать листики земляники, и вся ягода оказывалась как на ладони.

– Ну вот! А мне в детстве толковали, что это невозможно, даже дудочки не понадобилось.

– Скажи, тебе не трудно было зачаровывать кустики зем-

ляники так, чтобы они подчинились?

– Ну... трудно. Я даже малость вспотел.

– Так вот: за труд ты получил награду!

– А ты, можно подумать, вспотела колдуя!

– Мы получаем плоды земли нашей, тоже за труд. Мы заботимся о природе, – помогла Виолке с ответом Кления.

– Здорово! Но это не сравнить с тем сколько работаем мы. Одна школа только, каких нервов стоит!

– Во-первых, ты наполовину чародей. И мыслить должен как «мы», а не как «вы». Не забудь, что теперь ты с нами. А вообще, мама рассказывала, что в стародавние времена, когда люди жили и работали на земле, наши миры отличались не столь сильно. Волшебство помогало нам обходиться меньшим количеством одежды, меньшим количеством пищи. Мы не держали скот, ни строили дома, не изобретали чеснокодавлок. Знаешь, есть такая сказка у людей... ммм... Сказка о рыбаке и рыбке.

– Да знаю, знаю... И что? Какое она имеет отношение к берегиням?

– Хм. Никакого. Но на некоторые вопросы отвечает чётко. Жила старуха в землянке тридцать лет и три года. Но ей захотелось лучшего. И возможность была. Появился у неё добротный дом. Потом дома ей стало мало. Мало дома, представляешь? Вынь и подай ей дворец. А потом и целого царства старухе стало недостаточно. Не знает человек меры. Ищет счастье в вещах. Может природа дать хороший уро-

жай, что-то ещё минимальное для жизни. А столько, сколько хочет получить от неё человек, она предоставить не в состоянии. Столько нужно выкачивать машинами, выкапывать механизмами, доставать из глубин, извлекать химическим путём. Наверняка в городах процветает алхимия? – закончила вопросом Виолка свою неожиданно глубокую речь.

– Понятно... алхимия процветает, ещё как. Поэтому и завод строить хотят большой алхимический... – с иронией и какой-то особенной грустью ответил Лавр. «Чё всё так плохо-то?..» – подумал он и замолчал.

Троица вышла из омута на песчаный пляж, и Виолка, скинув легкую тунику, бухнулась на песок.

– Что это у тебя? И у тебя... – удивленно спросил Лавр, взирая на большие коричневые родинки чуть выше талии у Клении и Виолы. Родинки были не простые, они словно выросли в кожу сетью тоненьких корешков. Лавр потрогал родинку сестры: она была твёрдой, как деревянный сучок. – Не больно?

– А как думаешь? – ответила Виола, показывая на такой же в боку Лавра. Еле видимый.

– Это одно и то же? Я иногда думал рак. Даже отцу ничего не говорил! Но он никак меня не беспокоит, и я про него забываю,

– Это магический узел. Дубликат – отражение того магического узла, что питает всю округу. Вырви, и ты лишишься магии.

– Вот это да! Выглядит не очень, честно вам скажу.

– Зато всё остальное очень! – задрав нос, дерзко ответила Виолка. Кленя только смущенно сжалась. Видимо, и у неё, как у некоторых подростков, существовали комплексы...

Неожиданно на пляж вывалила шумная толпа детей разных возрастов. Их сопровождали взрослые.

– Это лагерь. Они ходят на нашу речку! Отвратительно! – разозлилась Виолка. – А не повеселиться ли нам?..

Лавр не знал, что на уме у сестры. Но чувствовал, что в ней просыпается игривая рысь. Бестия, способная на многое. «Интересно посмотреть, как развлекаются берегини...» – пронеслось у него в голове, и он бухнулся в тёплый белый песок, как зритель в бархатное кресло цирка.

– Сейчас будет шоу!

Не успел он устроиться поудобнее, как откуда ни возьмись налетел ветер, резкими порывами поднимая песок в воздух. Девчонки завизжали, зажимая глаза ладонями. Ближайшая к ним рыжая девчонка закружилась на месте и, споткнувшись, повалилась на песок, рядом с Лавром.

– Ха-ха-ха! – заржал тот.

– Ничего смешного! – выкрикнула она и ударила рукой по песку так, что он слегка осыпал Лавра.

– Жалкие потуги...

Виолка не останавливалась: песок вихрем закручивался на поверхности пляжа, задирая юбки и наполняя пакеты со снедью. Лавр смеялся. Покрывало, не вовремя очутившее-

ся на песке, взлетело и накрыло крону небольшого дерева. Многочисленные панамы распустились цветами на кустах. Наконец Виолка сама попала в круговерть, задохнулась песком и бухнулась рядом с Лавром.

– Как я им показала? – спросила она, не замечая «рыжей».

– Что ты себе воображаешь? Аааа... может, ты из Слизерина?

– Скорее из Пуффендюя. Травница и труженица, – ответил Лавр.

– А ты из Когтеврана? Зазнайка!

– Ты вообще, ха-а-а-а, маг!

– Ах!.. – рыжая девчонка снова метнула в него песком, встала и побежала к своим.

– Что это Когтевран и Пуффендуй?

– Это факультеты магической школы.

– У людей есть такие школы? – удивилась Виола.

– К сожалению, нет! Волшебство – это из области человеческих мечт! Причем несбыточных.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Виолка. – А кто такие маглы?

– Маглы те, кто не владеет магией.

– А мы называем их просто: люди!

– Ага! Люди и магики.

– Или чародеи. Мы чары творим. Значит, чародеи.

– Кстати, давно хотел спросить: в мире чародеев есть драконы?

– Драконы... – задумалась Виолка. – Мама рассказывала,

что бабушка ей рассказывала про драконов. Но бабушке рассказывала её бабушка. Драконы были, но их уничтожили. Их и без того было очень мало, а когда люди взялись уничтожать их намеренно... не стало вообще. Много животных просто исчезло.

– Ясно. Смотри, маглы в воду пошли. Виолка, можешь их пощекотать?

– Сейчас, – хитро сказала Виолка. Да и Кления прищурилась так, словно колдует...

Одновременно в разных концах речки завизжали девочки, и все повыскакивали из реки. Рыжая девчонка тоже взвизгнула, но, всмотревшись в странную компанию, что-то сказала мальчишке рядом и, удерживая того за руку, осталась стоять в воде.

– Ах, так! – взвилась Виолка, и водяная воронка поднялась, обрушивая воду на смельчаков. Несколько более мелких водоворотов закружились рядом, пытаясь морально сломить «Рыжую».

– Оля! Аничкины! Быстро выходите из воды. Здесь опасно! – кричала женщина-вожатая, пытаясь войти в воду. Прорвавшись сквозь водоворот, она схватила детей за руки, повела их на берег.

– Спасены! – Виолка и Кления довольно откинулись на песок и, зажмурив глаза, тихо посмеивались, слушая вопли на другом конце пляжа.

– Это вы! Я знаю! Не понимаю как, но знаю, что это вы! –

смешно топая ногами, к ним подбежала «Рыжая». Следом подошел тот самый мальчик, которого она удерживала за руку.

– Скажи им, Вовка! Сделай что-нибудь!

Лавр щурился на солнце и улыбался.

– Почему-то моя сестра решила, что вы колдуете.

– Мы колдуем? Она, наверное, Емеца перечитала или Роулинг? Чем вы там увлекаетесь?

– Я понимаю... что это абсурд, но... чем всё это объяснить?

– Не знаю. Тайфун? Я в географии не силён, – пожал плечами Лавр.

– Вы из лагеря?

– Мы? Нет. Мы живём в эко-поселении.

– А это не та деревня, которую мой отец скоро снесёт к чертовой бабушке и построит здесь химкомбинат?

– К чёртовой бабушке комбинат. Если он только посмеет приблизиться, то здесь не тайфун... здесь смерч поднимется! – сказала Виола, поднявшись и поставив руки в боки.

– Значит, это всё-таки вы! – снова завопила «Рыжая».

– Это? Мы! – тыкая в грудь пальцем и лопааясь от смеха, подтвердил Лавр.

– Ну ладно! Мы с вами ещё разберёмся!

Дети во главе с воспитателем, уносили ноги с пляжа.

– Оля! Вовка! Бегом! – крикнула воспитательница, и Аничкины, показывая кулаки, побежали на зов.

– Вот клоуны! – веселился Лавр. – А быть чародеем – здорово! Научите меня?..

На пляже открылся омут. Из портала появился Шмель.

– Вот вы где! Чем вы здесь занимались? Я почувствовал вспышки магии, и присутствие людей здесь меня насторожило.

– Мы немножко повеселились, – ответила Виола.

Секрет Синеоки

– Шмель, ты не представляешь, как тесен мир! – всплеснула руками Виолка.

– Ты имеешь ввиду людей?

– Да. Здесь рядом детский спортивный лагерь находится. Как раз на границе с Лисьим Бором. Они ходят купаться на нашу речку Овсянку! Я много раз с ними сталкивалась. И знаешь что? Мы встретили детей этого толстопуза!

– Какого толстопуза?

– Того самого директора несуществующего химкомбината! Помнишь, приезжал к нам и ходил, в каждый угол заглядывал?

– А вы не продадите нам это место?.. – кривляясь, изобразил Лавр, Иннокентия Аничкина.

– Их зовут Оля и Вова. Они нам угрожали! – вставила словечко тихая Кления.

– Ого! Действительно. Не удивляюсь, что вы захотели их проучить.

Лавр и Виола промолчали о том, что идея появилась значительно раньше. Оба подумали, оправдываясь, что желание пришло интуитивно. Как и все детские желания, впрочем...

– Мне пора, – сказала вдруг Кления и друзья поняли, что добрались до вековой сосны, в которой обитала лесавка.

– Может, к нам? Я собираюсь печь блинчики. Пока нет

Лилии и отца, решил научиться готовить самостоятельно. Сегодня блинчики. Только сразу предупреждаю, я только учусь!

– А можно?

– Конечно, – ответил Шмель, срывая малиновый цветок пиона, загадочно при этом улыбаясь.

– Что это с ним? – шепнула Кления Виолке. Но та только пожала плечами.

Шмель шёл впереди, насвистывая не хуже соловья, девочки болтали о своём, о девичьем, а Лавр что-то говорил, говорил... и если бы ему взбрело в голову спросить о чём-то Шмеля, то, ей Богу, Шмель не сразу бы догадался, что ответить. Он витал в облаках, приняв свой истинный облик, хотя все эти дни в присутствии людей и берегинь старался не выделяться. По тому, как он отстукивал копытами, по камушкам дирижируя рукой в воздухе, можно было решить, что леший сочиняет стихи...

Лавр расположился в гостиной с тестом, над которым они колдовали вместе с Виолкой, поставил на стол блинницу и приготовился «священнодействовать». Блинница без магии была абсолютно бесполезна, а Синеока всецело отдалась вниманию Шмеля.

– Мам! Ну, мам! – не мог докричаться Лавр.

– Что, мой хороший? – не поворачивая головы, спросила Владычица, беспрестанно улыбаясь болтовне лешего.

– Шмель! Я собираюсь печь блинчики. Может, уже хва-

тит!

Оба, как по сигналу, обернулись. На лицах читалась растерянность и вопрос.

– Я расскажу всё папе!

Синеока и Шмель разом прыснули. А следом смешинку подхватили и все остальные.

– Что смешного? Ну что смешного!

Когда все, наконец, отсмеялись, Синеока подошла к блиннице и, водя рукой над конфорками, нагрела их до ста градусов.

– Готово!

– Не уходи! Температуру нужно поддерживать.

– Виолка, смотри. Вот так! Давай, давай... В-о-о-от. Молодец! Теперь вы настоящая команда. И Лавр тоже, сосредоточься. Жар должен рождаться в груди. Нар эн тьярс. Малтанайе. Почувствуй его. Чувствуешь? А теперь отправляй его через левую руку в ладонь. Виолка, тоже.

Кленя смотрела на то, как творится магия, с восхищением. Лесавки использовали лишь малую часть своих сил. Они не творили заклинаний, и вся их магия заключалась в том, чтобы слиться с природой. Она шёпотом произнесла слова и почувствовала, как разгорается огонь в её груди.

– Кленя, умоляю! Одна в лесу не пытайся творить заклинания. Может начаться пожар, и лес погибнет! Дети! То же самое я говорю и вам. Запомните сразу и контр-заклинание...

Синеока несколько раз произнесла слова на неведомом языке, и дети послушно повторили. И вдруг глаза их расширились: едкий дым заполонил гостиную

– Блинчики! Мои блинчики!

Лавр схватил лопатку и, подхватив блинчики, по очереди выложил их на тарелку.

– Первый блин... трамплин. Жареные гвозди! – выругался Лавр. И девчонки снова засмеялись.

– Давай заново! – предложила Виола, нагревая блинницу. Блинчики получились: пальчики оближешь!

– Знаешь, сынок, пока ты здесь, я могу привыкнуть к этим блинчикам не на шутку!

– А знаешь, как я их люблю! Особенно со сгущенкой.

– Что это ещё? Чувствую, человеческая пища до добра не меня не доведёт. Что тут говорить! Весь мир пал к «ногам» блинчиков. Магический мир может не выдержать столь коварной интервенции. С завтрашнего дня ты садишься на диету. Сокращаем мучное, увеличиваем количество трав и ягод!

– Бе! Может, я не бергинь? Терпеть ненавижу травяные настои и отвары. А от ягод у меня бурлит в животе! – словно извиняясь, пожал плечами Лавр.

– Ты просто не привык. Поживешь у нас, и всё станет по-другому.

– После обеда, кстати, все идём на сбор малины, – сказал как бы между прочим Шмель, кидая в рот блинчик и под-

мигивая Синеоке. Та восседала в кресле, непоколебимая и властная. Истинная королева. Холодная внешне, она могла превратиться в дикую рысь, а могла стать пушистой кошечкой. Но и в том, и в другом облики она повелевала, управляла чувствами вступившего с ней в диалог человека или магика.

– Да. Работать. Все идут работать!

Два часа Лавра учили управляться с ягодными кустарниками. Под конец он думал, что упадёт в малину и уснёт на первой подходящей кочке. В коттедж вернулся сильно уставшим.

– Ван: найти плантацию. Ту: очистить от папоротника, кустарника, высокой травы. Фри: дублировать кусты. Найти рясные кусты с крупной ягодой и дублировать. Если вы играли в оазис, должны понимать, как это происходит, – рассказывал он Степану и Лилии, которые приехали в деревню после обеда.

– Дублировать? И ты смог?

– Мальва меня научила. И полоть, и дублировать. В итоге я смог создать плантацию пять на пять метров. Собрал с неё ведро малины. Фо: малину нужно было законсервировать.

– Варенье, что ли, сварить? – усмехнулся Степан.

– Наложить заклинание консервации. Чтобы ягода не испортилась раньше времени. Мы же её на продажу выращива-

ем! Вот так и пашем с утра до ночи, словно рабы на плантациях. Чтоб ягодка к ягоде: как на картинке детской книжки. Всё! Сил моих нет!

– Загоняли парня! – засмеялась Лиля.

– Мы вам с Виолкой сгущёнку привезли, к блинчикам.

– А можно без блинчиков? Можно просто её съесть в голом виде?

– В голом виде? – теперь уже засмеялся Степан. – Ну, какие у вас ещё новости?

– Они ходили на речку с утра и встретили юных отпрысков директора химкомбината, – сказал Шмель.

Лиля закатила глаза к потолку.

– Обложили со всех сторон! А как вы поняли, что они его дети?

– Они нам угрожали. Сказали, что отец построит здесь химкомбинат, и деревня сгинет с лица земли вместе с её обитателями, – сказала Виолка.

– А что их лагерь в первую очередь закроется, они не сказали? Так вот, лагерь последний сезон работает в августе. И всё! Зимних сборов уже не предвидеться.

– Не будет, если начнётся строительство, – уточнил Степан. – Вот ваши документы. Вот на грузовик. Шмель?.. Учимся водить грузовой транспорт?

– Что делать... учимся, – отозвался Шмель. – Двух бед не бывать, а одной не миновать!

– Завтра с утра и начнём. Самое главное – выучить ПДД.

Держи!

Шмель взял в руки брошюру и покрутил в руках.

– Я...

– Не умеешь читать?

– И писать тоже.

– О-о-о-о-й, – с ноткой презрения протянул Степан. Не таким уж и крутым оказался его конкурент.

– Научиться читать и писать не так уж сложно. Я в свое время поняла, что к чему, достаточно быстро. Думаю, Лавр смог бы оказать нам небольшую услугу и помочь в обучении, – вступила в разговор Синеока.

– Так что, мы теряем время? Я работать на вас долго не смогу. Без машины вы заперты здесь! Лавр, ты с собой брал какие-нибудь книжки почитать?

– Взял Эрагона и Сапковского.

– Думаю, то, что нужно! Но лучше, если бы это был Пушкин! Ладно, в следующий раз привезу побольше классики. А пока сойдёт и Эрагон. Если будешь читать вслух, ты того... поясни берегиням, что мир в книгах – выдумка!

– Выдумка? – переспросила Синеока.

– Да. Сказка. Люди любят сказки.

– Лавруша, принеси мне книгу.

– Что сейчас? – изнемогая от усталости, возмутился Лавр, но встал и пошел. Взгляд матери не просил, а приказывал так, что сопротивляться было бесполезно.

– Интересно, все женщины такие? Если да – никогда не

женюсь! Понятно, почему с ними мужики так носятся. Они под гипнозом!

Синеока, улыбаясь его словам, открыла книгу в середине и начала читать вслух. Вполне себе сносно и с выражением.

– Как ты узнала какие звуки передают буквы?

– Буквы обладают невербальными свойствами. Они «намолены» людьми так, что энергетика просто зашкаливает. Буквы говорят себя, если прислушаться. А я только повторяю. Читать и понимать текст мне легко. Труднее было научиться писать. Письмо, больше умение. Как рукоделие.

– Рукоделие! Ха-ха! – мне было трудно «рукоделить» в начальной школе. Я и сейчас, по мнению учителей, пишу как курица лапой! А читать выучился ещё в садике, – похвалялся Лавр.

– В садике? – пришло время удивляться Виоле.

– Детский сад. В нём растут цветы жизни.

– Как это?

– Детей иногда называют «цветы жизни», – ответила Лилия. – Говорят, это название придумал немец. А русские подхватили. Даже воспитательниц в детских садах первое время называли садовницами. Представляете?!

– Люди иногда и впрямь милые, – улыбнулась Синеока. – Шмель, попробуй ты!

Шмель взял книгу в руки и долго вглядывался в буквы. Когда все устали ждать и открыли рты, он заговорил:

—...«Эрагон посмотрел на волшебные кости и вздрогнул.

Кости дракона... Может быть, родственника его Сапфиры!.. «Хочу ли я знать свою судьбу? – думал он. – Разве я могу так просто решиться на это? А что, если мое будущее мне совсем не понравится? Нет, пожалуй, неведение – вот истинное счастье...»

– А почему ты предлагаешь мне это? – спросил он.

– Из-за Солебума. Он, может, и грубиян, но то, что он с тобой заговорил, о многом свидетельствует. В конце концов, он ведь волшебный кот. Я предлагала прочесть судьбу и тем двоим, что разговаривали с ним до тебя. Но согласилась только женщина. Ее звали Селена. Увы, впоследствии она горько пожалела об этом...»

– Про драконов. Интересная книга. Мы тоже можем предсказывать судьбу. Только для этого нам не нужны кости драконов, – сказала Синеока.

– Серьёзно? – удивился Степан.

– Скорее всего, это будет очень туманное предсказание. Как правило, мы видим смерть. Смерть, как и рождение – два очень ярких события в жизни любого человека.

– И когда я умру?

– Твоя жизнь будет долгой. И умрешь ты, держа за руку очень красивую женщину. А что касается драконов...

Синеока скрылась в омуте и через минуту появилась с яйцом. С хрустальным сине-голубым яйцом.

– Прямо как в Эрагоне!

– Может, всё-таки в книге не совсем всё выдумка? Больше

похоже на истории из далекого прошлого Земли, как и это яйцо.

– Оно живое? – замороженно произнес Лавр.

– Возможно, да. А возможно и нет. По крайней мере, я чувствую в нём жизнь, хоть и не уверена на сто процентов. Оно храниться у нас несколько тысяч лет.

– Вот было бы здорово, если б дракон почувствовал во мне хозяина и пробудился...

– Нет. Точно нет! По легенде, твоё сердце должно быть горячим...

– Что значит: горячим?

– Значит, оно должно любить!

Лешак

– Пап, почему? Почему этот дракон не может быть моим?

– Дружище, не может так быть, чтоб всё и сразу! Я вот даже магией не владею, а ты почти как Гарри Поттер. Причём не испытаний тебе ни Дадлей, ни Дурслей. Всё на блюдечке с голубой каёмочкой. А ты: хочу собственного дракона! Не жирно ли? В конце концов, тебе же сказали, что сердце должно быть горячим! Оно должно любить! Ты любишь хоть кого-то?

– Ну-у-у-у.... тебя люблю. Лилю.

– Это так, само собой разумеющиеся. А нужно любить, чтоб на части рвало. Чтобы вздохнуть было невозможно.

– А сам ты хоть раз так любил?

– Я? Я только слышал.

– Значит, ты ни маму, ни Лильку никогда не любил?

– Они мне очень дороги. А мама твоя... она... к ней у меня особое отношение. Она колдовством притягивает. Пони-маешь?

– Понимаю... Как же заполучить это яйцо?..

– Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь... и каждый вечер сразу станет удивительно хорош. И ты поёшь... – затянул Степан, глядя в окно. Там, за окном, в молодом ельничке гуляла Синеока в сопровождении Шмеля. Шмель что-то мурлыкал, хитро поглядывая на Владычицу, а

та в ответ улыбалась.

– Чёрт! – выругался Степан, сдерживая злость. Кулак дрожал от напряжения и желания стукнуть как следует по подоконнику. Но в комнату только что вошла Лилия, и Степан опустил кулак, лишь легонько стукнув по тёплому дереву подоконника.

– Стёп, – Лиля обвила его руками за талию и горячо задышала в спину. – Стёп, пожалуйста. Выброси из головы Синяку. Она тебе не принадлежит и никогда не будет принадлежать. Поверь.

Степан посмотрел в сторону Лавра: сын не слышал их. Он пританцовывал, сидя на диване. Из наушников гроыхала музыка, которую можно было даже слышать...

– Когда я её вижу, у меня сердце не на месте. Оно скачет, как не объезженный жеребец. Я знаю, она меня любит...

– Не припомню, чтобы она кого-то любила. Особенно из людей! Моя мать – бесчувственная чаровница!

– Ты её не знаешь!

– А ты... ты зачарован!

– Ей сейчас зачем меня зачаровывать? Сейчас она естественна!

– Настолько, что ты ей просто безразличен!

– Ты ревнуешь! Ты проникла в мой дом обманом и тупо женила на себе!

– Я? Ты говоришь мне это десять лет спустя. Так?

Лиля резко бросила на диван снятые с верёвки брюки и

вышла из домика, громко затворив за собой дверь.

Садилось закатное солнце, всполохами мелькая меж сосен.

– Кажется, я переборщил. Обидел... – раздосадовано Степан заходил взад-вперёд по комнате, мучаясь чувством вины. Потом не выдержал и побежал следом.

Впереди, метрах в пятидесяти, мелькнула её белая юбка и скрылась в темноте леса. Где-то там стоял амбар для хранения и сушки ягод, а за ним начинался частый малинник, посаженный наподобие лабиринта. Он без сопровождения сам бы туда не сунулся никогда. Кусты, колючие и ветвистые, стояли выше головы. Ни заглянуть, не выглянуть...

Добежав до того места, где, как ему показалось, Лиля свернула, он остановился и крикнул:

– Лилия! Лилия подожди. Прости, я был слишком груб! Лилия!

Но Лилия не отвечала. Степану показалось, что она где-то недалеко тихо всхлипнула, пискнув, как это бывало раньше. Он бросился на звук в колючий, благоухающий ароматом малины лабиринт.

– Лилия! Солнце садится. Давай вернёмся! Не обижайся. Прости меня, дурака! – кричал он, но в ответ слышал только шорох травы и тихое всхлипывание. Через какое-то время Степану показалось, что прошла целая вечность. Солнце в самом деле садилось, и в лесу становилось жутковато. Малинник кончился, а оказавшись среди высоченных сосен, он

понял, что вовсе не видит Лилию.

– Лиля!

Впереди послышалось уханье совы, жуткий скрежет. И вдруг, оглушительно вспыхнув, эхом пронесся по округе испуганный девичий крик.

– Лиля! – Степан рванулся вперёд. Он всматривался в темноту, задыхаясь от волнения. Кто? Где? Как?

– Лиля!

Снова послышался душераздирающий скрежет. Степан заметил впереди лёгкое свечение. Побежал, споткнулся о корягу, разодрал ногу, встал и снова побежал. В темноте маяком трепетал белый клочок Лилькиной юбки. Степан щурился. Куриная слепота сковывала взгляд, но он все же увидел, как мечется Лиля в объятиях... дерева. А дерево – старый трухлявый ствол, затягивает её внутрь, в сердцевину ствола... С глаз пропали голова, плечи, и белая юбочка вот-вот пропадёт из поля зрения.

Степан схватил Лилию за ноги и потянул на себя. Схватка с «деревом» длилась несколько безумных секунд: ноги Лилии уплывали из рук Степана, как песок сквозь пальцы.

– Да что это за чертовщина! – взревел он и вцепился руками в расщелину, раздвигая края луба в разные стороны. Ничего не получалось. Ситуация становилась отчаянной. Степан заорал во всю глотку, схватил увесистую корягу с земли и со всей силой удалил по стволу.

Лиля перестала сучить ногами, и Степан понял, что сра-

ботало. Тогда, что было сил, он стал лупить корягой по дереву без остановки. Ствол закрипел, расщелина чуть растворилась, как пасть амазонской арапаймы¹, и Степан увидел волосатое лицо с круглыми дикими глазами и торчащими большими островерхими ушами. Человеком его можно было назвать весьма условно...

Степан хватанул его корягой промеж глаз, и голова существа безвольно повисла в расщелине трухлявого ствола.

Совсем близко раскрылся омут, и из него шагнули Шмель и Синеока.

– Что произошло? – удивленно спросила, обеспокоенная Синеока.

– Мы слышали шум и почувствовали, что творится неладное. Это Лиля? – спросил Шмель и, не дожидаясь ответа, приблизился к дереву, возложив на него ладони по обе стороны расщелины. Дерево закрипело и, медленно расправляя старый, пожелтевший от времени луб, открылось. Из пасти лже-арапаймы вывалилась Лиля. А следом...

– Лешак. Одичавший лешак, – опознала чужака Синеока.

Степан подхватил Лилю на руки и понял, что она без сознания. К изумлению присутствующих, он зарыдал.

– Лиличка, Лилёк, очнись! – омывая её лицо градинами слёз, Степан то прижимал Лилю к груди, то, отстраняясь, снова всматривался в неё, ища присутствия искры сознания. Видимо, боясь, что она больше никогда к нему не вернётся. –

¹ Хищная рыба обитающая в бассейне реки Амазонки

Ну сделайте же что-нибудь! Сделайте!

– Скрути его и в сарай, – отдала распоряжение Синеока, и Шмель навис над лешаком. Синеока присела рядом с Лилией.

– Думаю, с ней всё в порядке.

Синеока прикоснулась белыми пальцами к вискам дочери и приблизила лоб к её прохладному, чуть влажному лбу. Несколько секунд Степан наблюдал зеленоватое свечение, соединяющее двух женщин воедино. Резало глаза, и он опустил взгляд. Лилия вздрогнула в его руках, и Степан облегченно вздохнул.

Запирающее заклятье

– Как ты себя чувствуешь? С тобой точно всё хорошо? – беспокоился Степан, не отходя от Лилии ни на шаг. Лилия молчала. С момента похищения она ещё не промолвила ни слова. Глаза у девушки были грустнее некуда. Подёрнутые влажной поволокой, они безразлично смотрели в одну точку. Периодически Лилия засыпала, пугая этим Степана. Здоровому человеку не свойственно подобное поведение. Он не находил себе места, мечась в маленькой комнатке, как загнанный в угол зверь. В любой момент он готов был сорваться и уехать в город, чтобы показать Лилию врачу. Заверения Синеоки в том, что ничего страшного в состоянии Лилии нет его не успокаивали.

– Ты знаешь его? – спросила Синеока, напряженно вглядываясь в лицо лешака, повязанного верёвкой и лежащего на полу амбара. Тот начал приходить в себя.

– Это Ясень. Он из нашего магического круга. Ушёл он давно. Как только начали пилить лес. Думаю, с ним произошло то же, что со всеми другими, безвозвратно покинувшими родные места. Ясень – старик. Не сладко ему пришлось. Он, видимо, не сразу нашёл приют, наверняка обошёл все окрестные леса в поисках дома, прежде чем поселиться в том стволе. Потому и одичал.

– А где обосновался ты?..

– Я? – удивился Шмель. Каждый вечер он уходил прочь, и Синеока ни разу не спросила «куда». Лешему в первые дни приткнуться было некуда. Никто не предложил угла, он бродил, как неприкаянный, вокруг да около магического узла, оставаясь бездомным в новом месте. Однажды, совершенно случайно, на южной оконечности хрустальных гротов он наткнулся на ель. Со стороны её было не видно: она пряталась в молодняке, одной стороной касаясь склона. Верхушка ели была обломана, и на месте слома из неё торчало несколько тонких верхушек.

Шмель пробрался сквозь заросли и припал ладонями к стволу. Тот чуть слышно загудел, закричал, как старый дед, и лопнул, обнажая полупустую сердцевину. Впустил. Принял жильца. Взлетая, загалдели вороны... и берегини, увлеченные обустройством деревни, не заметили изменений в округе, как не заметили потом появление Ясеня. Он так же незаметно пробрался во владения берегинь, завладев старым деревом.

– Я живу у южной оконечности хрустального грота. Там стоит ель, макушка которой троиться.

– Мне кажется, что я последнее время постоянно что-то упускаю. Мой магический взор ослаб? Чужаки заходят в лес, беззакония творят, а я не чувствую, – надломленным голосом сказала Владычица. Будто слетела с плеч королевская мантия, и Синеока предстала слабой, беззащитной женщи-

ной.

– Не думаю. Просто ты оказалась не готова к новой жизни. Вы проявились в мире. Не таитесь. Это создаёт посторонний шум. Вокруг много людей, много мыслей, не свойственных вашей обычной жизни. Нужно немножко привыкнуть. Вот и всё.

Синеока положила на плечо Колоса Шмеля красивую головку, и жар прокатился по всему его телу. Он обнял её и шепотом добавил:

– Я буду рядом. Если понадобится, я сделаю всё, что от меня потребуется.

– Мам, что случилось? В деревне что-то явно произошло. Лиля заболела как-то вдруг. И вы с лешим грустите. Я чувствую...

– Виолочка, в нашем лесу стало немножко небезопасно. Лиля встретила лешака. Дикого лешака, – Синеока отодвинулась в сторону, и Виолка увидела лохматого старика с козлиными ногами. Он приходил в себя, и тело его содрогалось в конвульсиях, ударяясь о магическую верёвку.

– Иди в дом и расскажи Лавру. Одичавшие «магики» приходят в Лисий Бор из разоренных домов. Теперь выходить в лес можно только в сопровождении взрослых. Иди.

Синеока вышла с Виолой из амбара и проводила её взглядом до самого коттеджа. Вернувшись, посмотрела на Шмеля, а потом сразу на Ясеня.

– Его можно спасти только одним единственным спосо-

бом: вырвать магическую печать. Он станет человеком.

– Это неправильно. Потерять чары – всё равно, что смерть. Мы будем держать его под контролем, пока он не придёт в себя. Я знаю, есть заклинание, способное сковать магию и вернуть разум. Мой дед говорил, что берегини обладают такой силой. Я недавно вспоминал рассказы деда. Тогда я тоже был в шаге от того, чтобы одичать. Поэтому старался проводить время, сидя на срезе Отца Кедрa. Он спасал от помутнения рассудка.

Шмель ненадолго задумался.

– В помощь к заклинанию идёт камень... мм-м... рубеллит. Рубеллит нужно повесить на грудь в качестве амулета и заговорить. Камень может открыть доступ в Навь, а может вернуть разум в пределы физического тела. У рубеллита много целебных свойств. Он восстанавливает кровообращение, согревает, укрепляет нервы. А главное, запускает восстановительные процессы в организме.

– И где мы возьмем сей камень? В моей кладовой много богатств, но есть ли там рубеллит? Мм-м... Приведи кого-нибудь, чтоб посторожил лешака, а мы сходим в кладовую.

Шмель покинул амбар и через некоторое время привёл двоих берегинов. Те вошли и с любопытством посмотрели на связанного лешака.

– Мох, Огонёк! Спасибо, что пришли. Он чужак. И очень опасен. Напал на Лилию. Видимо, сошёл с ума, пока бродил

в поисках нового магического пристанища. Мы думали лишить его магии, но Шмель предложил наложить запирающие чары.

– Это очень гуманно, Владычица!

– Я знала, что вы примете наше решение. Нужно поискать в кладовой рубеллит. Я не уверена, что он у нас есть. Пожалуйста, последите, чтобы лешак не сбежал. Раньше он носил имя Ясень. На тот случай, если он придёт в себя.

– Конечно, Владычица.

– Пойдём, Шмель!

Найти красный турмалин оказалось непросто. Среди сверкающей горы прочих кристаллов в сундуке он почти ничем не выделялся. Только огранённые камни сверкают гранями и похожи на кроваво-красные рубины. Не огранённый камень похож на чёрное сердце дракона. Он попал в руки Шмеля и обжёг. Обжег его ауру. Сам камень, конечно, был прохладным, но Шмель с такой силой искал его, что камень моментально отозвался на призыв. Сразу, как только попал в руки жаждущего.

– Вот он! Я уверен. Посмотри скорее!

Синеока присмотрелась так и сяк поворачивая камень.

– Назови себя! – шепнула она, одарив камень тёплым дыханием, и тот моментально вспыхнул, словно внутри загорелась праздничная иллюминация. И моментально потеплел. – Ты тот, кто нам нужен? – вновь заговорила Владычица, и камень запульсировал в такт её сердцу, потом задрожал, трес-

нул, и от него откололся небольшой кристаллик.

– Благодарю, – ответила она камню и бережно положила его обратно в сундук, оставив в ладонке маленький осколок. Сняла с запястья голубую нитку бисера и закрепила на одном конце, словно приклеила.

– Пойдём. Дело только за заклатьем. Одно, другое: можно попробовать на выбор. У меня не было опыта запирающей магии.

– Всё когда-то случается впервые. Впервые магия проявляется, бунтует, сходит на нет, или же её приходится усмирять насильно. Людям беда, что магии нет вовсе. А нам беда, что магию приходится контролировать. Запирать.

– Магия, как любая сильная энергетика. У людей негативные проявления энергетики тоже, я слышала, запирают. У нас как у людей. В принципе, наши миры эквиваленты, – повернувшись к Шмелю, с видом профессора, подтвердила она. Ей бы очки, юбку-карандаш, шпильки и большой бант на блузе – точь-в-точь директриса Магической академии!

Они вернулись в амбар.

– Как у вас здесь? Вижу, всё в порядке. Замкнём круг. Возьмитесь за руки и держите защиту.

Синеока зашла в круг и возложила руку на голову лешего. Тот закатил глаза, шумно задышал, выгибаясь, словно в него вселился бес, которого сейчас собираются изгнать.

– Зэйарво кэс лэрмив нор зейюв! Зиав пье ириру авиюта. Пье ориэль диемоч ириру! Пье ориэль диемоч ириру!

Произнесла Синеока на древнем языке, надевая на шею Ясеня амулет с красным камнем.

– Пье ориэль диемоч ириру! Пье ориэль диемоч ириру!
Пье ориэль диемоч ириру!

Трижды повторила она и Ясень упал на солому без сознания. Шерсть с лица облезла, и оно постепенно приобрело человеческие черты.

– А он неплох для лешего, – включая кокетку, тут же отметила Синеока. – Мох, ты, как и раньше, живёшь в хрустальном гроте? Отведи Ясеня туда и пригляди за ним. Завтра я осмотрю его, и тогда решим, где и как он будет жить, – с видимым облегчением сказала Синеока, взяла Шмеля под руку, и они направились в сторону дома.

У коттеджа Шмель остановился:

– Хочу побыть один. Меня ждёт уютный домик в ели. Жаль, не могу тебя пригласить.

Откланявшись, Шмель не спеша зашагал вдоль длинного хребта скальной породы к себе. Холм издалека смахивал на уставшего дракона, дремавшего меж сосен и елей.

В доме моём тепло...

– Здравствуй, Елюшка. Раствори объятия, покажи просторы, открой мир потаённый... – обратился Шмель к своему древесному убежищу, как родному человечку, и вошел. Не то, что это было каким-то заклинанием: скорее приветствием. Внутри его ждал мир, полный уюта и тепла. Ель не зря отозвалась и открылась ему. Она, словно одинокая женщина, рано осиротевшая, потерявшая мужа, детей в какой-то неведомой схватке с жизнью, искала, на кого излить свою заботу и нерастраченную любовь. Приняла его, как сына.

Внутри ель чем-то напоминала медвежью берлогу. На крючковатых выступах висело несколько смен одежды. Одна вешалка, купленная в супермаркете, немного выбивалась из композиции, но вполне соответствовала его образу жизни: складная тканевая этажерка неброского бежевого цвета с затейливыми винтажными узорами коричневого цвета.

Шмелю понравилось, что она занимает немного места, но, тем не менее, вполне вместительная. Её можно было подвесить на сучок и разместить на пяти полочках свой скромный гардероб.

Танцевать в берлоге, которую по справедливости лучше было назвать дуплом, конечно, не потанцуешь. Да и зачем? Почти всё место здесь занимала кровать, роль которой играла охапка сена, поверх которого Шмель кинул пуховое

одеяло. Второе одеяло, чтоб можно было укрыться. После царских покоев берегинь и более скромного человеческого жилья, в котором он обитал больше года, спать на соломе казалось... так сказать... не по-человечески, что ли. Этим, думал Шмель, мир людей и привлекает магигов: заражает изобилием, роскошью. Развращает, что ли... Постоянно требует наполнения. Словно дома и «хотелки» – это бездонная пасть. Вечно голодная, требующая от человека каждодневной жертвы.

Вот и Шмель обзавелся такой. Вначале он кинул в пасть трусы и носки. Потом пару футболок, рубашку, свитер, штаны. Потом пришло время для ботинок. А зимой ему на плечи накинули старую дубленку. Хозяин дома обзавелся новой и отдал свою Шмелю.

Раньше такого не было, чтоб Шмель мёрз или носил одежду. Его тело покрывали травы, листва... Последний раз Лиана вязала ему платье. Он наблюдал, как она, улыбаясь, ловко перебирает пальцами тонкие пряди осоки, овсяницы луговой, любовно вплетая в ткань лютик, клевер, душицу. Хотелось её расцеловать, взять на руки и кружить!

Они были по-настоящему счастливы в своём мире. Сотни лет... тысячи. И не мёрзли. Никогда. Почему сейчас ему так зябко?

Шмель лёг на свою «кровать», свернулся в клубок и закрыл глаза.

– Если б не Синеока, я бы погиб. Этот мир непонятен и

переменчив. Раньше жизнь текла, как речка Овсянка, монотонно, только по весне бурля и разливаясь. Теперь же... каждый день приносит новые события, впечатления, и не всегда хорошие. Если бы не Синеока... не моя любовь!

Шмель встал. Он взглянул вверх: перед ним возникли винтовые ступени, и он стал подниматься. На втором этаже, на маленьком пяточке у окошка стоял круглый столик и стул из темного дерева. На столике голубой кувшинчик и чашка с блюдцем эльфийской работы. Он выпросил их у берегинь. А столик и стул смастерил сам. У Синеоки стояли в точности такие, только купленные в магазине.

Шмель бросил в чашку щепотку травы и, взяв в руки кувшинчик с родниковой водой, сжал между ладонями. Вскоре из кувшинчика пошёл пар и Шмель тонкой струйкой стал лить горячую воду в чашку, вдыхая сладковатый аромат вишни, белой мяты и лобазника. Эта смесь ему понравилась больше всех. Туесок, что дали ему берегини, вместе с чашкой и чайничком, был набит шелковыми мешочками с разными сборами. Он чередовал их в зависимости от времени суток.

Не спалось. Шмель открыл круглое окошко и посмотрел в темноту. Ухали совы, с треском пикировали кулики, звенел неугомонный хор сверчков. Как и тысячу лет назад... только один звук резанул ухо, выбиваясь из общей картины: гудок электровоза и далекий перестук железных колес.

Когда Шмель оказался в деревне, он поначалу вздрагивал,

напрягаясь всем телом, когда мимо деревни мчался очередной состав. Потом привык. Но этот звук никогда... никогда не станет для него родным.

На далекой веранде коттеджа зажегся свет. Из дома вышла Синеока и села в плетёную кресло-качалку, накрывшись клетчатым пледом. Плед – одна из немногих купленных вещей, которая по-настоящему пришлась ей по душе. А вот кресло – местного производства! Получив в руки стопку старых журналов «Идеи для дома» берегини заинтересовались плетёными вещами из ивы. Лилия взялась искать в Интернете пособие по лозоплетению, а Мох, Репей и Синегор отправились на заготовку ивового прута.

У Синегора что-то на этом поприще не задалось, а вот Мох с Репнём просто влюбились в работу и наслаждались полученными результатами, наводняя плетёными изделиями деревню. Синегор им попросту помогал. Брат Синеоки пока не нашёл для себя «человеческое» занятие. Оргвопросы ему всегда были больше по душе. Он должен был стать Владыкой в своё время, но предпочел уступить место сестре. Синегор чувствовал, что принимать серьезные решения, руководствуясь холодным расчетом, он не способен. И амбиций столько не имел. А вот помогать, быть опорой и правой рукой сестры ему нравилось. Но и этим последние сто лет пренебрегал, переложив часть забот на Мальву. Устал. А эта суета с человеческими делами вначале заинтересовала его, а потом, наоборот, вызвала легкую неприязнь и раздражение.

Тем не менее, он всё равно старался участвовать в делах общины. Боялся впасть в апатию.

– Похоже, ещё одна идея для бизнеса. Синеоке очень нужна надежда на будущее, – глядя издали на крохотный силуэт Синеоки, улыбнулся Шмель. Синеоке, как и ему, было не до сна. Её захватили тревожные мысли о будущем Лисьего Бора.

Сирена

Утро в Лисьем Бору началось с общего сбора. Синеока обратилась к обитателям деревни:

«Мои дорогие друзья! Вчера на Лилию было совершено нападение. В Лисий Бор проник дикий лешак. Он схватил её и пытался втащить в своё убежище. Это уже пятый гость из Кедровой Заимки. Вы знаете, что произошло там. Лес вырубали, и тысячелетний кедр, средоточие магии, был уничтожен. В результате жителям Заимки пришлось искать новое место для жизни. Колос Шмель был Властелином Магического круга. Он и три лесавки недавно поселились у нас. Наш лес молод, он не в силах приютить лесовиков со всей округи. Но некоторые стволы оказались пригодными для того, чтобы стать домом.

Так вот, Ясень, прежде чем появиться у нас, одичал и стал опасен, как и другие, кто не выдержал длительный разрыв с Магическим кругом. Нам нужно защитить Лисий Бор от проникновения опасных чужаков – установить оповещение на границе. Сегодня до обеда мы этим и займемся.

Девочки! Кленя, Осинка и Липа... вместе с Синегором пройдите по территории и проверьте Лисий Бор на предмет своих сородичей. Мы никого не гоним, просто хотим быть в курсе: кто есть кто в нашем лесу. Заодно посмотрите: сколько деревьев способны принять лесовиков. Посчитайте

прямо по стволам. Синегор! Ты будешь отвечать за вновь прибывших.

После обеда к нам опять пожалуют гости. Мы получили лицензию на выращивание жемчуга и сертификат качества. Сегодня несколько потенциальных партнёров приедут посмотреть на так называемые «производственные мощности», чтобы заключить контракт на поставку жемчуга. Будьте внимательны и постарайтесь при чужаках не пользоваться магией.

Мальва! Возьми мужчин в помощь и соорудите что-то вроде салона, где может достойно разместиться вся экспозиция. Возьми пару журналов. Нужно принять гостей, как полагается и показать нашу продукцию в лучшем свете.

Лавр, Виола! Вы тоже будете ставить магическую защиту с Колосом Шмелем. Не отходите от него ни на шаг. И прошу, постарайтесь не вступать в конфликт с детьми из лагеря», – Синеока нахмурила брови.

Лавр, пожимая плечами, выказал сожаление Клении. Они хотели провести день втроём: он, Виолка и Кления. Повалиться на пляже, пошалить. И теперь, стоя напротив неё, как бы молча извинялся. Типа: «Я не виноват! Вечно взрослые устраивают засаду...»

Синеока продолжала:

«Шмель. Прости. Заберёшь к себе Ясеня. Пусть он поживёт у тебя. Так надёжнее. Я с ним сегодня пообщалась. Он хоть и не в себе чуть-чуть, но вполне адекватен. Лучше, чем

накануне.

И! В пределах поселка омуты не открывать! Только в самых крайних случаях! Отойдите подальше в лес и там прыгайте, куда ходите. И ещё! Большая белая тарелка на стене коттеджа – это антенна. Она нужна для принятия сигнала на телефон и ноутбук. Это не портал! Не нужно сквозь него прыгать в другие части леса!»

Синеока посмотрела на Моху. Берегин несколько раз вылетал из спутниковой тарелки прямо перед её носом.

– На неё очень удобно настраиваться, – попытался оправдаться Мох.

– Тем не менее. В пределах поселения лучше воспользоваться оленями. Это естественнее для людей. У нас будет много посторонних глаз в ближайшее время. Не будем лезть на рожон. Нужно привыкать к осторожности. По поводу закупок прошу обращаться к Лилии. Она пришла в себя и готова принять посетителей. Все вопросы, адресованные мне, прошу задавать или с раннего утра или перед сном. Боюсь, что днём это будет совершенно невозможно! А теперь по местам!

Берегини отправились выполнять распоряжения Синеоки. Настала воистину горячая пора.

– Раньше работа была для нас жизнью. Теперь жизнь превращается в работу! – глядя на спешащих берегинь, пожаловалась Виола.

– Меня это нисколько не удивляет. Лиля всю жизнь вор-

чит: «Вставать на работу с утра – подвиг! Нам нужны медали за это вручать!» «Мы работаем, чтобы жить. А живём, чтобы работать...»

– Мрак!

– Мрак – это когда зимой в семь утра тебя будит будильник. На улице темень, тридцать градусов мороза, нужно идти в школу, а ты презентацию не сделал!

– Не очень понимаю, но верю, – улыбнулась Виолка, хлопая большими глазами, и её волнистые пряди рассыпались по плечам.

– Давай заплету, лахудра! – ласково произнёс Лавр и взял из её рук гребень. За последние три недели Лавр так сдружился с сестрой, как никогда с другими девчонками в своей жизни. Они проводили вместе дни напролет. Он чувствовал в ней родственную душу и удивлялся: как мог жить без неё всё это время! Не стеснялся обнять её, взять за руку, говорил откровенно всё, что лежит на душе. И она делала так же.

– Ребят, я отведу Ясеня и вернусь. Будьте готовы, – сказал Шмель.

– Окей! – сделал знак пальцами Лавр. – К бою готовы!

– Переплюнь! Нам здесь войны не нужны. Да и с кем воевать...

Шмель ушёл.

– А если и правда начнётся война за землю!

– Что ты имеешь в виду?

– Люди разорят магические места и все, кого выперли из

родных мест, буду искать новый дом. А Лисий Бор, он же не резиновый! Вот и разгорится война за место под солнцем! Так в кино постоянно бывает.

– В кино?.. Нам сейчас лучше сплотиться. Ай! Больно.

Лавр очень уж старался, расчесывая Виолке волосы. Она терпела, сколько могла, но в один момент просто не выдержала.

– Всё! Заплетай уже.

– Ладно...

– Готовы? – подбежал к ним запыхавшийся Шмель. – Ну, айда!

Их районом был отрезок, граничащий с лагерем и пляж речки Овсянки.

Быстро искупавшись, они потренировались: Виолка учила их заклинанию «границы», когда на пляж парами вошли лагерцы. Раздался громкий гортанный крик оленя...

– Выключай! Выключай! – зашипел Лавр.

– Нужно выстроить линию так, чтобы пляж не попадал под сирену, а то будет звенеть... непрерывно.

– Я поговорю с руководством лагеря. Договоримся, что кроме пляжа они больше никуда нос не суют, – сказал Шмель и пошёл к вожатому.

– Это не ко мне. Люсь, посмотри за моими! – крикнул он девушке в широкополой желтой панаме. – Я тут отлучусь ненадолго.

Вожатый повёл компанию в лагерь. Дорога то поднима-

лась, то спускалась, извиваясь меж холмами, пока не привела к забору и отдельно стоящему коттеджу с надписью «Администрация».

– ...Неужели? Столько лет пользовались пляжем и раз! Ну, веди... – услышали друзья из кабинета начальника лагеря.

– Добрый день. Мы из деревни Лисий Бор...

– Лёва мне сообщил. И?

– Произошло пару происшествий... неприятных весьма... и мы решили ограничить доступ на нашу территорию. Вот. На этой карте указаны границы земельного участка. Он принадлежит частному владельцу. Мы установили камеры... – Шмель посмотрел на Лавра и Виолку. —... и просим вас последить, чтобы дети не нарушали границы владений.

– Нам самим не нужно, чтобы дети покидали территорию лагеря без разрешения. А вот река... Детям важно сбросить пар. Нам нужна река.

– Вот здесь... взгляните. Если не заходить за красную линию... вы можете посещать пляж. Главное не пересекать рубеж, – улыбнулся Шмель.

– Хорошо. Я понял! Всё понял! Ноу проблем! – как-то нервно согласился с ним директор. Лицо его и плечи просто-таки ходили ходуном. Одна эмоция сменяла другую... – А если...

– Не стоит...

– Да, да...

Возвращались в веселом настроении. Директор с его ужимками оказался забавный малый.

– «А если...»

– «Не стоит...» – передразнивали диалог Лавр и Виола.

– Похоже, руководство лагеря слабо контролируют передвижения детей. В один прекрасный день кого-нибудь схватит леший...

В это время мимо промаршировал средний отряд, напевая: «Вместе весело шагать по просторам... по просторам... по просторам...» Взгляд Лавра неожиданно натолкнулся на хитрые глазки Сашки Аничкина.

– О! Дирёвня...

В ответ Лавр показал кулак.

– Ребята! Важная информация... – услышал Лавр голос вожакого...

Месть Лианы

Иннокентий Петрович третий день безвылазно торчал на работе. Вместе с командой «будущего» он, шаря глазами по карте района, пытался отыскать новый клочок земли под строительство химкомбината. Или «пан» или карьера его покатится по наклонной.

«Такие крупные проекты или идут как по маслу, или начинают спотыкаться о каждый камень... Камень преткновения! Откуда только взялась эта «эко» на мою голову!» – злился он.

– Нет земли, нет комбината! – сказал он, как отрезал, опять же будущим заму и главному инженеру.

– Лисий Бор числится в Госреестре за этой... дочкой Мазая ещё с девяностых. Все документы в порядке. Она зарегистрирована как частный предприниматель. Мы своими глазами видели, что деревня стоит не первый день. Хозяйство действующее. И тебе олени с пантами, и ягодка малинка... С одной ягоды выручка почти миллион рублей за сезон! А на днях они получили сертификат качества на жемчуг, – упавшим тоном произнёс адвокат. – Не подкопаешься!

– Интересно, она замужем? – с иронией в голосе спросил главный инженер.

– Не удивлюсь, если у них там свободная любовь процветает! Видел этих писаных красавцев, так по деревне и ша-

стают. Туда-сюда, туда-сюда! Все равны, как на подбор с ними... Черномора, кстати, я с ними не видел. По всему Синеока заправляет одна.

– Бродил за ней какой-то... Шмель.

– Думаю, что он ни при делах. Взгляд какой-то потухший... При такой-то бабе! – хмыкнул Иннокентий.

– Да уж. Линда Евангелиста... Точёная, словно из мрамора.

– Недоступная, наверное. И холодная, как Снежная королева! Оттого Шмель и грустит. Ха-х, – заржал будущий зам.

Иннокентий Петрович вздохнул и расслабил галстук:

– Пойду-ка я домой. Приму душ да пообедаю нормально. Если по три дня дома не бывать, моя тоже станет как Снежная королева.

– Разбежимся. Ты прав, Иннокентий, – лукаво подмигнул зам, взял со стула пиджак и, насвистывая, отправился на выход.

– Дорогая, я дома! – крикнул с порога Иннокентий и услышал звон разбивающегося стекла. Заглянув в зал-студию, он увидел растерянное, зарёванное лицо Лианы.

– Я испугалась... – всхлипнув, объяснила она.

– Так испугалась что сразу слезы выступили?

– Да. Не могу остановиться.

– А что произошло. Мою малышку кто-то обидел?

– Эта ведьма! Она мне нахамила и выгнала взашей! Чув-

ствую себя оплётанной!

– Какая ведьма? Откуда выгнала?

– Ещё вчера... я захотела прокатиться и вернулась в ту деревню... Они обещали фотосессию, а визитки не дали...

Лиана вся сжалась, рассказывая, словно побитая собака.

– Я всего-то хотела прогуляться по посёлку, подышать свежим воздухом, а меня выперли. Накричали! Будто у них не деревня, а закрытая зона! Знаешь, дорогой. Не удивлюсь, если они там чем-то противозаконным занимаются. Коноплю выращивают или выюнок... Ну, тот самый, наркоманский!

– Думаешь? – с интересом выслушав рассказ, спросил Иннокентий. – Натравить на них наркоконтроль? А что, идея! Эта деревня мне все планы смешала. Сейчас в душ, а потом...

Иннокентий скинул на ходу брюки, рубашку и скрылся за дверью ванной комнаты. Мысль натравить на Синеоку наркоконтроль его развеселила, и, намыливаясь, он что-то увлеченно насвистывал, временами пропевая: «...Бегут ручьи, звенят ручьи. И тает снег, и сердце тает...»

Лиана в самом деле не могла перестать думать о том, что случилось. А разве она виновата в чем-то?

Ей просто захотелось вернуть любимого! Это же не преступление!

– А эта ведьма? Она его подчинила себе, как делают все берегини! Обольстить, очаровать и бросить – вот всё, на что

способны лесные феи. Они не могут любить, как мы: простой магический народ. Не привилегированный. Гордячка! Возомнила себя кем? Думает, коли Владычица, можно вот так на людей кидаться!

Сказав это, Лиана поймала себя на том, что «путается в показаниях»

– На людей... на людей... а человек – он кто? Он царь природы! Вот он кто. Я теперь человек, и мне решать, быть Лисьему Бору или не быть!

Когда Кеша вышел из душа, то застал Лиану с сомкнутыми губами, решительным взглядом топающей ножкой по звонкому ламинату цвета топленого молока.

– Я уже боюсь-боюсь... дикая кошечка, – направляясь к Лиане, заигрывающе просюсюкал он, скидывая опоясывающее бёдра полотенце.

– Я просто так не оставлю. Эта хамка... она ответит!

– Ответит!

Кеша уже раскинул свои объятия, но Лиана, словно не замечая страстные намёки Иннокентия, схватила со стола бокал с остатками вина, опрокинула в рот, элегантно промокнула губы тыльной стороной ладони и решительно направилась в спальню.

Иннокентий за ней. Но прежде тоже налил себе вина, выпил, закусил пластиком сыра, лежащим тут же на блюде, и с двумя наполовину полными бокалами поторопился к возлюбленной. Увиденная картина его поразила: Лиана, гусе-

ничкой натянув на полуобнаженное тело клубное платье, белое с серебряными блёстками, взяла из шкафа серебристый клатч и коробку с туфлями.

– Идём в клуб! Мне нужно снять стресс!

Иннокентий не был уверен, что хочет в клуб. Три дня на работе...

– Я сам клуб. Потанцуем вот, выпьем вина, а потом в кровать... Я двое суток толком не спал. Хочется за один вечер успеть всё... Клуб, знаешь ли, не вариант.

Он приблизился к Лиане.

– Тогда я одна!

Она ловко вывернулась, варьируя в тесном пространстве между стенным шкафом, кроватью и распахнутыми объятьями Кеши. Он только растерянно заморгал глазами. Глоток вина на голодный желудок уже возымел своё действие. Кеша зевнул:

– Не очень-то и хотелось...

Лёгкое раздражение не помешало ему расслабиться и ментально заснуть. «Наркоконтроль...» – было последней его мыслью.

Когда утром Иннокентий проснулся, Лиану застал в постели одетой. От неё дурно пахло перегаром.

Тушь чёрными кругами залегла под глазами.

– Приехали! Белый ангел начал мутировать, превращаясь в чёрного.

Он скинул с себя руку, потом ногу Лианы, вставая с постели. Ещё раз посмотрел на девушку, покидая спальню, презрительно поморщил нос и закрыл за собой дверь.

О домашней еде можно было лишь мечтать. Он позвонил в домовую кухню, находящуюся в цокольном этаже здания, и заказал завтрак. Кофе он сварил в турке и, глядя в окно, медленно отхлёбывал горячий ароматный напиток.

Прибыл завтрак: рисовая каша и круассан с шоколадом. В каше жёлтым бриллиантом в сто карат красовался приличный кусок масла. Иннокентий высыпал в кашу чайную ложку тростникового сахара и перемешал.

– Алло? Наркоконтроль? Добрый день. Я Аничкин Иннокентий Петрович. Хочу сообщить вам о своих подозрениях. Эко-деревня в двадцати километрах от города выращивает запрещенные вещества. Возможно, с целью продажи. Да. Да... проверьте, пожалуйста. Очень вас прошу. Я ответственное лицо и не могу смотреть сквозь пальцы на прямое нарушение законодательства.

Было бы счастье...

Дверь заскрипела. Из спальни показалась лохматая, несколько помятая, заспанная Лиана. Шаркая босыми ногами, она, как зомби, проделала путь до кухни и камнем упала в кухонное кресло рядом с Иннокентием.

– Я-то, наивный, даже представить себе не мог, что ты проводишь время в клубах, а ты как тот пострел... Кто надумил тебя снимать стресс под клубняк?

Лиана болезненно взглянула на Кешу: или язык не ворочался, или отвечать не значилось в её планах вовсе.

– Могу догадаться. Миледи Винтер? Соседушка наша, душечка! Она завсегдатай подобных заведений. Только прошу: постарайся с ней дружбу не водить. И вообще...

– Налей мне воды... – словно не услышав, ничего из сказанного ранее, приказала Лиана. Именно приказала. Тонем, не терпящим возражений.

Иннокентий не собирался подчиняться, но неожиданно для себя он привстал, развернулся в сторону графина и, скрипя чувством бессмысленного сопротивления, налил воды в стакан.

– Давай. Не тяни резину! – ещё более властно заявила девушка. Иннокентий развернулся, подчиняясь неведомой гидравлике, таким роботом-манипулятором, и поставил перед ней до звона прозрачный стакан. – Теперь ты будешь де-

лать то, что я захочу. А я хочу, чтоб ты уничтожил Лисий Бор!

Уста Иннокентия разверзлись, и он сообщил:

– Я сообщил в наркоконтроль...

– Нужно нанять кого-нибудь. Банду! Пусть поедут и наведут там шороху.

– Лиана! Ты где всего этого набралась?

– Я хочу отомстить. Я должна отомстить! Виннер обещала, что поможет, – сказала Лиана и, взяв тарелку с круассанами, пошла в зал и села на диван рядом с большим цветочным горшком.

Виннер – это как раз та самая Татьяна. Иннокентий называл её миледи. Или миледи Винтер. Она постоянно строила коварные планы против своего бывшего мужа-олигарха. И ещё: раньше Иннокентий ни разу не видел в зале этого горшка. Ладно бы что-то действительно стоящее, но из горшка торчал небольшой росток сосны. Или кедра? И всё!

Лиана взяла с пола опрыскиватель и любовно наклонилась над ростком, осмотрела, потом опрыскала его, тонкими пальцами задевая нежные иголки, и взялась за круассан.

– Тоже хочу кофе. Свари. И покрепче! – кинула она Иннокентию. – Наверняка все документы Синеока подделала. Не может такого быть, чтобы берегини выращивали на продажу малину, плели корзины и культивировали жемчуг. И землю они купить не могли.

– Землю купил дед Мазай... Документы можно перепро-

верить. А кто такие берегини?

– Нанять пацанов. Пусть пойдут и перевернут деревню вверх дном. Вот и всё!

Аничкин хотел возразить, но язык его не шевелился. Словно разбух. Как намокший в молоке круассан. Причём не шевелился он именно тогда, когда пена возмущения подкапывала к горлу, и он собирался отчитать гражданскую жену. В других случаях онемения во рту не наблюдалось.

Субботнее утро в Лисьем Бору выдалось просто замечательным. С утра ярко светило солнышко, роса поблёскивала на мокрой траве, от земли шла ароматная испарина. Солнечные лучики, как лапки мягкого котика, проникали повсюду, тормоша заспавшихся жителей деревни.

– Мам, мне приснился странный сон. Как в американском боевике. В Лисий Бор вваливаются десантники с автоматами и прячутся с помощью камуфляжа. По кустам. Выслеживают и вынюхивают...

Это в спальню Синеоки вошёл Лавр, заполз поверх одеда к самому лицу Владычицы и, не открывая глаз, сбивчиво рассказывал сон.

– Это только сон. Не бери в голову, – ответила Синеока, приподнимаясь на локте. Она погладила сына по голове и обняла.

Следом в ночной сорочке в комнату зашла Виолка.

– Эй! Не верю глазам своим! – она попыталась протиснуться между матерью и братиком, нарушая сонную идиллию. Началась смешливая возня, постепенно переросшая в детскую потасовку. В воздух взлетели подушки. Девочки визжали, потом бросились во двор. Смеясь, как далёкий колокольчик в горах, Синеока подбежала к кадке с водой. Дети её преследовали. Они уже собирались броситься и повалить мать на траву, заключив в объятия, как она зачерпнула пригоршню воды и плеснула в них. Вторая волна возбуждения и смеха понеслась над деревней.

В сверкающей искрами зеленоватой воде танцевали белые тела берегинь, собирающих урожай жемчуга. В сушильнях фасовали ароматные травы. Ясень в сопровождении Шмеля и Моха готовили очередную партию малины к отправке, составляя маленькие контейнеры из шпона в грузовичок. Туда же стопкой составили образцы плетёных изделий.

В лесу вспыхивали порталы, блеяли олени, выпрашивая вкусняшки. Юные лесавки играли в догонялки, а берегини обсуждали что-то, клонясь над чертежами. Степан с Лилией нежились в кровати, переполненные каким-то новым для себя чувством.

После давешнего происшествия Степан вдруг понял, насколько она дорога его сердцу. Как страшно было её потерять. Невозможно было допустить, чтобы кто-то или что-то сделал ей больно.

Казалось, что прекраснее утра ещё никогда не было.

Жизнь преобразилась, заиграла новыми красками. И не только для людей. Для берегинь. Они пока не могли однозначно ответить на вопрос: хорош новый мир или плох? Но насыщенным и непохожим на их прошлое полусонное существование он точно был.

В какой-то момент времени берегини прислушались и замерли. Округа окунулась в девственную тишину, в которой, если прислушаться, слышался каждый взмах крыльев, возня каждой самой мелкой мыши. Тревожное чувство пронзило сердце Синеоки. Предчувствие. В воздухе повисла напряженное молчание и вдруг... сработала охранная сигнализация...

Мир взорвался звуками. Размахивая бейсбольными битами и ножами наподобие мачете или рекон танто, на территорию деревни ворвались неизвестные, круша всё на своём пути: козла, уличные столы, скамьи, корзины падали оземь, рассыпая ярко красные горсти малины и костяники. Берегини завизжали, заметались и одна за другой, открывая омуты, пропадали, теряясь в пространстве, прячась под магической защитой кристального грота. Лесавки вжались в стволы сосен. Олени сорвались с места и испуганно понеслись через весь посёлок, взбивая в пыль коричневую торфяную почву.

Берегини встали в нерешительности, опустив руки, напряглись, не теряя хладнокровия: ждали приказа... И приказ не заставил себя ждать.

Синеока взмахнула рукой, и время застыло. Находящиеся в разных местах посёлка берегины сделали то же самое. Они заморозили время, остановив незваных гостей. В воздухе висели свирепые ножи, искаженные злобой лица, душица и малина – всё смешалось в диком неистовстве.

– Кто это? – ошарашенная случившемся, спросила Владычица. Вопрос был обращен скорее к самой себе, чем к кому бы то ещё. На улицу выбежал Степан и Лилия. Тут же рядом появился Шмель.

– Странно! Что делать этим пацанам в такой глуши? Их явно кто-то нанял, – рассматривая членов бандитской группировки, сделал вывод Степан. – Судя по нашивкам, они из ярцевской банды. Видел как-то по телику. Думал, их всех пересажали...

– Ты прав. Я их наняла, – из густой тени сирени донёсся мелодичный голос, и на свет вышла Лиана. Она щёлкнула пальцами, и время ожило. Парни моментально оттаяли и начали шарить глазами в поисках новой цели для ятаганов и бит.

Синеока среагировала быстро: бандиты снова остолбенели.

– Что ты хочешь? – выступил вперёд Шмель. – Откуда в тебе столько магии?

– Я, оплёванная тобой, не знала, как утолить боль. Обезумев, я металась в поисках утешения и нашла наш прежний дом. Нашла старый кедр. И увидела, что он жив! Кедр ожил.

Он дал новый росток. Это знак свыше. Я не могла бросить его, как ты бросил меня, – с надрывом говорила и говорила Лиана, то ли давя на жалость, то ли оправдываясь.

– Лиана. Прости. Ты ушла первой. Не помнишь?

– Я ушла. Но потом я вернулась, Шмель! Ты очарован этой ведьмой! Ты её не любишь. Тебе это лишь кажется.

– Зачем ты разрушаешь мир берегинь? Мы пытаемся спасти магический круг. Один из немногих оставшихся, – с мольбой в голосе спросила Синеока.

– Магический мир обречён!

– Ты говоришь это из обиды. Лиана, остановись. Выход есть. Мы вольёмся в мир людей незаметно. А иначе исчезнем в поисках отдалённых земель. Превратимся в чудовищ, – попытался достучаться до нее Шмель.

– Лучше бы ты превратился в чудовище, Шмель! – крикнула она и снова обозлёно щелкнула пальцами. С ней бесполезно было разговаривать.

– Нет! Лиана, остановись. Прости, если чем-то обидела. Не лишай нас шанса! – Синеока остановила заклинание, и наконец раздосадованные бандиты снова замерли.

– Ни за что! – топнула ногой Лиана, собираясь разморозить наёмников снова. Берегини, как по команде, сложили усилия и ударили в бывшую лесавку заклинанием.

От магического удара она ненадолго потеряла сознание, плавно опустившись на землю.

– Этих связать, изменить им память и вывезти за пределы

Лисьего Бора, – кивнула Синеока в сторону наёмников. – А вот что делать с ней?..

Находясь в коконе, как бабочка, Лиана не могла двинуть даже пальцем. Магия тоже оказалась заблокирована. Она стояла привязанная к стволу и молча наблюдала, как ярцевцев пакуют в кузов вместо малины. Как заводится мотор, и Шмель скрывается с глаз в кабине грузовика. Как перепуганные берегини и лесавки выбираются из потаённых мест и наводят порядок на территории разгрома. И всё пуще злилась...

Другая Синеока

– Думаешь, что ты победила? Нее-е-т! Это только начало. Один раз получилось, второй... В третий не получится, – крикнула Лиана проходящей мимо Синеоке. С ней рядом шли дети и три юные лесавки. Лесавки, увидев пленницу, остановились.

– Это разве не Лиана? Она же из Кедровой заимки?..

– Нет больше Кедровой заимки!

– Синеока, а почему Лиана связана.

– Кления. К сожалению, за нападением на нас, бандитов, стоит именно она. Лиана наняла этих людей, чтобы выгнать нас из Лисьего Бора.

– Выгнать нас! – хором сказали девочки.

– Лиана! Если нас выгонят, то где мы все будем жить? – спросила Кления с наивным, непонимающим выражением лица.

– А где, по-вашему, живу я?

– Где?

– В городе! Я живу в городе с людьми. И вы там сможете жить. Скоро все магические узлы исчезнут, а с ними и магия. Все станут людьми!

Девочки ахнули!

– Ты хочешь усидеть на двух стульях? Если говоришь, что магия исчезнет, то зачем принесла к себе в дом росток ты-

сячетлетнего кедра? – спросила Синеока.

– Не твоего ума дело. Возможно, в мире появится новая порода магов?.. Не думаешь?

– Думаю, что тебя стоит поместить в тюрьму и заключить под стражу. По крайней мере, на первое время. Чтобы ты хоть на немножко растеряла решимость уничтожить единственное, что связывает тебя с прошлым, истинным твоим происхождением. С корнями...

– А вот вы, похоже, совсем вросли корнями в землю и не понимаете, что мир изменился!

– Лиана. Посмотри вокруг: мы пытаемся приспособиться к этому меняющемуся миру. Тебе бы понять и помочь! А ты ставишь нам палки в колёса!

– Отпусти! – попыталась вырваться Лиана. – Вот-вот к вам нагрянет полиция! Кеша подал жалобу. Они наверняка найдут у вас что-то противозаконное! Отпусти!

– Что у нас может быть противозаконное?

– Жалобу? – услышала разговор Лиля. – Что же это за жалоба?

– Не скажу! Я и без того слишком разговорилась!

– Ребята, отведите её в кристальный грот. В самую дальнюю пещеру. И не оставляйте без присмотра. Нагрянут с проверкой, а у нас здесь пленница. Нехорошо. Противозаконно.

Синеока с Лилией и детьми пошла в дом, плавно ступая по земле. Только косой взгляд на уходящую в пещеры Лиану

выдавал в ней волнение.

– Лилия, прошу. Ты же человек. Проверь в деревне каждый угол, каждую травинку. Может, и вправду есть у нас что-то противозаконное...

Лавр стоял на веранде, смотрел со стороны на последствия погрома и задумчиво вздыхал: не такой ему представлялась жизнь берегинь.

– Как же изменить ситуацию? Я должен что-то сделать. Помочь!

И тут в голову пришла мысль! Он сбежал по ступенькам и направился в кристальный грот. Лавр не представлял себе, как то, что он задумал, может помочь магическому миру. Но попытка не пытка!

Он проник в грот и побежал лабиринтами пещер. Синюю показывала ему то самое место. Ей было интересно, как отреагирует драконье яйцо на Лавра. Но тогда хрустальный овал с таинственной дымкой внутри никак не отреагировал на мальчика. Лавр кожей ощутил разочарование матери. А так хотелось стать для неё и для всего магического мира особенным. Тем, кто смог пробудить последнего дракона. Он не знал почему, шестым чувством осознавал, что вместе с драконом в мир берегинь придёт новая эпоха.

В пещерах было прохладно. Отдаленно звенел тонкий колокольчик. Таинственный, то оранжевый, то голубоватый, то

зелёноватый свет освещал анфилады пещер. На стенах играл переливчатый блеск – выход минералов. В воздухе витал аромат масел, что изготавливали берегини и хранили на стеллажах в пещерах. Тонкие занавеси создавали антураж таинственности. Лавру становилось жутковато, если он бродил здесь один. За каждым углом его воображение рисовало монстра: паука размером с бочку или сумасшедшего Горлу-ма. Наверняка в мире берегинь есть и такие существа.

Оставалось совсем немного. Лавр помнил дорогу отлично. Вот она, дверь. Одна из немногих дверей в бесконечном лабиринте пещер. Ключ висел тут же, на стене. Дверь была нужна только для того, чтобы дракон, вылупившись, не сбежал, перепугав всех до смерти. Лавр отпер дверь и вошел. Яйцо мерно светилось в каменной нише.

Два неуверенных шага и вот он протянул руки, положив их на тёплую гладкую поверхность. Синеока говорила: «По тому, что яйцо тёплое, можно уверенно сказать: дракончик внутри жив. Он ждёт своего часа»

Раз, два, три, четыре, пять... – отстукивало сердце. Лавр так волновался, что пот выступил на лбу от нахлынувшей вдруг волны жара. Туман в яйце всколыхнулся. Зверёк перевернулся внутри и... снова замер. Лавр ждал, ждал... но больше так ничего и не произошло. Он разочарованно опустил уголки губ и повернулся уйти.

У выхода всё же замер, прислушиваясь: «Ничего!»

Он надеялся, что, как в кино, в последний момент что-

то произойдет. Лавр тяжело вздохнул и уныло поплёлся к выходу. Прямо у входа в кристальный грот ему встретился Шмель.

– Ерунда какая-то! Если есть дракон, должен быть и человек. Я уверен, что этот человек... берегинь – я!

Шмель снисходительно улыбнулся. Лицо его было печальным.

– Думаю, что об этом мечтаешь не только ты. Я тоже бы хотел стать великим всадником. Спасти мир...

– Ты же не берегинь? Я думал, только высшая раса магов может.

– Высшая раса? – ещё печальней произнёс леший.

– Ну... не думай... это совсем не то... Чисто технически.

– Чисто технически... – отрешенно произнёс Шмель. И Лавр подумал, что тот явно не в себе.

– Если меня будут искать, я дома, – более осознанно произнес Шмель и пошёл вдоль холма, преодолевая густой сосновый подлесок.

– Шмель какой-то странный. Он явно не в себе. Может, он заболел? – войдя в общую гостиную, произнёс Лавр. Но в ответ никто не произнёс ни слова.

– Вы слы-ши-те? Со Шмелём твориться неладное! – делая акцент на каждом слове, повторил Лавр.

– Он расстроен, сынок. Лиана была его подругой в Кедровой заимке. Предательство близкого человека огорчит любо-

го из нас. Пусть побудет один. Ему необходимо всё обдумать.

– Ещё я тут, ляпнул, не подумав...

– Расскажи...

– Я был в пещере. Представляете, внутри яйца что-то шевельнулось! Но потом снова ничего. Я встретил Шмеля и пожаловался. Сказал, что хочу быть избранным. Он посмеялся и ответил, что тоже хотел бы стать избранным. Тогда я сморозил глупость. Сказал, что он не принадлежит к высшей расе. К берегиням. И не может быть избранным.

Синеока резко подскочила и выбежала из дома.

– Что с ней? – удивился Лавр.

– Кажется, она сильно тревожиться за Шмеля. Знаешь, Лавр, ты бываешь очень нетактичным. Постарайся впредь думать, что говоришь, – сказал Степан, взяв Лилию за руку. Он понимал теперь, как легко обидеть.

Лавр опустил глаза к полу.

Синеока бежала проторенной тропкой к старому дереву, к дому Шмеля, с трудом сдерживая слёзы. Чувства накатили снежным комом. Масса переживаний, волнений, тревог, как муторный промозглый осенний дождь давно грозил переполнить чашу терпения. И вот теперь Шмель. Ему тяжело. Ему требуется её поддержка.

– Шмель! – стоя перед щербатым стволом, сказала она. – Шмель. Это я. Впусти меня, пожалуйста.

Никто не откликнулся.

– Прошу тебя. Ты мне очень нужен! – со слезами в голосе

выдавила она, чуть не плача. Одна предательская слезинка прорвалась и, рассекая раскрасневшуюся горячую кожу щёк, устремилась вниз. Вторая. И вот поток солёной влаги ринулся из небесной синевы глаз.

Щербатый ствол закрипел и растворил объятия. Синеока буквально ворвалась внутрь, ища глазами Шмеля. Он стоял у окна на втором этаже и смотрел вдаль. Синеока подбежала и обняла любимого мужчину сзади за талию. Он немедленно повернулся, и Синеока прикоснулась к его губам своими мягкими солёными от слёз губами.

– Что ж ты плачешь? – шептал Шмель, целуя её заплаканные глаза, лицо, губы. – Ты же у нас Владычица... Я понимаю, как тебе тяжело. Я через всё это прошел, но моя печаль горше оттого, что не смог уберечь Кедровую Заимку. А ты... ты сможешь. Тебе это по силам.

– Шмель... почему всё настолько сложно. Как так произошло, что из служителей богов мы превратились в изгнанников?

– Не спрашивай... хотя... Наверное, я знаю.

– Почему?

– Потому что людям не нужны прежние боги. За тот год, пока я жил среди людей, ни разу не слышал имени Чернобога или Белбога. Ни Сварог, ни Велес, ни Стрибог... не пугают. Не вызывают трепета. Лешим да бабаем, только детишек пугают. Слово Бог появляется на языке как присказка. Как привычка чертыхаться. Они не помнят прежних богов. И мы

для них существа из сказок.

– Людям не нужны стали посредники. Знаю. Они вообразили себя богами. Лиана не зря сказала: человек – царь природы. И этим всё сказано! Придётся считаться с мнением царей, коих немало развелось на Земле. Шмель... я больше о тебе переживала. Ты переносишь один удар за другим... И Лавр... прости его.

– Я сам виноват. Владыка... без владений. Мой народ страдает.

– Он вёл себя непозволительно! – Синеока запустила руки в его блестящие волнистые волосы цвета сосновой коры и снова прикоснулась тёплыми ароматными губами к его губам. – Ты знаешь. Что очень красив...

– С лица воду не пить...

– И сложен ты тоже замечательно. Когда смотрела рубашки в Интернет-магазине, обратила внимание на мужчин, что демонстрируют одежду. Смотрела и думала о тебе: ты лучше любого из них. В мире людей ты займёшь самую высокую позицию, – она провела белым пальчиком по полуобнаженному торсу...

– А в твоём мире?

– В моём мире ты – целая Вселенная! Ты повсюду: в капле росы, в цветке пиона, в шмеле, пролетающем мимо... ты в сладости сочных ягод, ты в пряном аромате мяты. Ты – первый лучик утреннего солнца и последняя вспышка света на закате... Без тебя я не представляю себе дня. И ночь без тебя

не так нежна. Прошу тебя, не грусти. Твоя печаль разрывает
мне душу.

Визит Басилевса

Так уж повелось, что ни день, то гости. Берегини впервые почувствовали себя неуверенно за пределами кристального грота. Они ходили, оглядываясь, вздрагивали, как зайцы, прислушиваясь к каждому шороху, когда за воротами послышался шум двигателей, и подъехал кортеж из нескольких полицейских машин. Ворота задрожали от громких ударов.

Синеока почувствовала приближение кортежа задолго. Она, как и все остальные, ждала новых гостей, обещанных Лианой. В сопровождении берегинев, Шмеля, Степана и Лилии она подошла к воротам.

– Открывайте! – крикнул по ту сторону грубый голос.

Ворота отворили, но сами выстроились стеной, заслонив пришельцам вход в деревню.

Несколько человек в форме. За ними отряд в бронежилетах с оружием наизготовку. У Синеоки задрожали коленки, и Шмель, сделав шаг, взял её за руку.

– Что вас привело сюда.

Один из офицеров выставил вперёд руку с удостоверением.

– Пропустите. К нам поступили сведения, что на территории деревни выращивают и производят наркотические вещества.

Не дожидаясь разрешения, спецназ ворвался в деревню. Спецназовцы как и те, что побывали здесь накануне, переворачивали вверх дном каждый стог, каждую корзину, всё, что, по их мнению, могло использоваться в качестве тайника для наркотиков. Мешки с травами были безжалостно опустошены.

Синеока хотела возмутиться, заморозить время, воздействовать на мозги, но Степан её остановил:

– Пусть проверят, ничего не найдут и успокоятся. Они не бандиты. От их действий никто не пострадает.

Шмель обнял её за плечи, и берегины, напряженно ожидающие приказа, замерли на своих местах. Синеока дала знак ничего не предпринимать, и кулаки фарфоровых красавцев нехотя разжались.

– Странное у вас здесь местечко. Хиппи? – спросил один из офицеров, предъявивших документ ГУНК МВД России. Если Синеока правильно прочла фамилию и имя офицера, появление его здесь можно было счесть хорошим знаком.

– Что вы! Хиппи уже все перевелись! Это ж прошлый век! – натужно посмеялся Степан.

– А кто?

– Если вы потрудились заглянуть в документы, то наверняка прочли: эко-поселение. Мы заготавливаем ягоду, травы, грибы. Плетём корзины. Живем естественной жизнью. Мох, покажи.

– Мох! Ха-х.

– Имена, связанные с природой, у нас распространены особенно. Василий, а вы знаете, что обозначает ваше имя?

– Король, царь. Монарх!

– Да. Но само имя Басилевс, Базиль произошло от пряности. Травы под названием базилик. А уж потом приобрело царственную окраску. А когда имя очутилось на Руси, так вся спесь с него слетела и подавно.

– Неоязычники, значит. Дикие оргии практикуете? – поторопился сменить тему Василий. Инсинуации на тему имени ему не нравились. Хватит, наслушался за сорок лет. По горлышко...

– Не до такой степени. Но корни свои знать никому не повредит.

Разговор подполковника Корнева начал раздражать. Пару лет назад в похожую «секту» попала его жена. Именно «сектами» он считал всех без исключения последователей язычества. Если бы сектанты узнали тогда, что муж верной последовательницы Ярилы ГУНКовец, никогда бы не позволили ей присоединиться. Тем более пригласить мужа на День Купалы, в праздник летнего солнцестояния. От того, чем они занимались на своих языческих сборищах, у Василия волосы на голове встали. Впрочем, как и в других местах тоже...

Такого рода сборища раздражали и бесили его уже загодя. Поэтому, получив наводку, подполковник без промедления «ринулся в бой».

– Я думаю, не стоит тянуть кота за хвост. Показывайте

сами. Мы всё равно найдём у вас травку...

– Аромат всяких разных травок просто-таки витает в воздухе. Принюхайтесь. Что конкретно вы имеете в виду, – не то что бы спрашивая, сказала Синеока изящной ладошкой, словно веером, размахивая перед носом подполковника. Ей надоело стоять и смотреть как поселок превращается в хаотичное нагромождение вещей.

– Чувствуете?

Корнев невольно вдохнул и покачнулся.

Шмель сильнее сжал руку Синеоки, как бы говоря: «Что ты творишь?»

– Действительно, пора заканчивать. Уверена, вы ничего не обнаружите. Уже не обнаружили. В поселке всё в порядке. Нет ничего, за что вам стоит зацепиться. Ничего. Мы мирные люди...

– Нет ничего... мы ничего не обнаружили... – с ошалевшим видом повторил Корнев.

Берегини и берегини восприняли это как сигнал к наступлению, и вскоре ГУНКовцы слонялись по поселку, бессмысленно таращась по сторонам. Они явно не понимали, зачем здесь.

Лавру и Виолке приказали сидеть в доме, но в дом пожаловал спецназ, и пришлось выйти. Увидев, как ловко Синеока обезвредила небольшой отряд спецназа, не прилагая даже толики усилий, Лавр, сложив руки на груди, в замок засмеялся. В начале негромко и отрывисто, потом всё гром-

че, и вскоре не мог остановиться, надрывая животик. Смех – удивительно заразительная штука. Вскоре смеялись все. Даже подполковник Корнев.

К удивлению Синеоки, Шмеля и остальных присутствовавших на этом грандиозном спектакле, у коттеджа появился Иннокентий Петрович. Он взирал на всех, как на сумасшедших:

– Что здесь происходит?

– Что происходит? Подполковнику стало смешно. Ну какие у нас могут быть запрещённые вещества? Наша аура чиста, как у младенца! Или вы думаете иначе, досточтимый? Будущий директор будущего химкомбината, – сказала Синеока таким тоном, что было ясно: вопрос не требует ответа. Повернувшись к дому, она жестом предложила всем подняться на веранду. Корнев и Аничкин молча последовали за ней.

На веранде Иннокентий бухнулся в плетёное кресло, а подполковник присел за столик и заполнил какие-то бумаги.

– Распишитесь, – предложил он Синеоке, с чашкой чая сидящей рядом.

– Извините, подполковник. Возможно, мы кому-то перешли дорогу. Не представляю даже кому, но накануне вашего визита у нас побывала банда головорезов. Хорошо, что мои мальчики достаточно натренированы и смогли отразить нападение. Заявлять на них мы не стали, но вот что делать с организатором? – вдруг добавила она мягко, с ужимками

слабой беззащитной женщины.

– Что делать? Вы знаете, кто организовал нападение? – спросил подполковник, шумно отхлебнув чаю, из предложенной ему Лилей чашки, и положил в рот кусочек пастилы.

– Да. Она здесь.

При этих словах Иннокентий нервно заёрзал.

– Где?

– Шмель, приведи, пожалуйста, гостью.

Через пять минут на веранде появилась растрёпанная русоволосая девушка в брючном костюме цвета пыльной розы, которую Шмель придерживал за локоть так бережно, словно боялся раздавить. Лиана одергивала руку, истерично пиная Шмеля туфлей. Он только болезненно сжимал губы и терпеливо подталкивал её вперёд.

– Девушка как вы видите, не в себе. Агрессивна. Кидается на всех как дикая кошка. Пришлось держать её связанной. Что скажете, подполковник?

– Лиана! Я просил тебя не делать этого, – бросился к ней Иннокентий.

– Вы знакомы, Иннокентий Петрович?

– Это моя... жена. Она и правда слегка не в себе.

– Удивлён. Удивлён...

– Пожалуйста, простите мою... Лианочку. Я постараюсь не допускать подобного впредь.

Лиана уже готова была выдать гневную тираду, но Иннокентий заткнул ей рот ладонью. Она вырвалась и влепила му-

жу звонкую пощёчину.

– Я для тебя старалась! Неблагодарный!

Иннокентий зашипел. Он всерьёз пожалел, что подобрал этого дикого ангелочка, тогда на трассе. Взяв Лиану за плечи, Иннокентий повёл спотыкающуюся девушку в машину. Шпильки, совсем не та обувь, в которой принято бывать на природе.

– Спасибо вам... за всё, – не дожидаясь дополнительных вопросов, сказал он.

Подполковник тоже засобирился.

– В следующий раз рекомендую вам обратиться в полицию. Держать человека связанным... И помните, один неверный шаг...

Подполковник вернулся к подчинённым, давно ожидающим его в полицейских фургонах с поднятыми забралами шлемов. Сел рядом с водителем и коротко взмахнул рукой, прощаясь с жителями Лисьего Бора.

Магический узел

Лиана зашла в ванную комнату и сбросила, наконец, грязную одежду. Почти сутки она не имела возможности даже умыться. Но набрякший на левом боку узел вызвал невольную улыбку. Он смотрелся воспаленным. Было болезненно прикасаться, но он жил!

Год назад Лиана вырвала магический узел. Это было очень больно, но ранка на месте удаленного узла быстро сохла, струп отвалился, и единственным воспоминанием оставались тянущие боли в боку на непогоду. Спустя год и они стихли. Лиана, ощупывая мягкие ткани, находила несколько нитей – корешков, пока ещё живых. Но корни были совсем тоненькие. Теперь же они набрякли и стали разрастаться. На поверхности появился заветный узелок, похожий на крупную родинку.

Тысячелетний кедр в кадке чувствовал себя прекрасно. Сколько лет он сможет пробыть в ней?

– Может, стоит сделать из него бонсай? Мой личный магический круг, зачем ему пускать корни на километр! Летом будет жить на даче, моя прелесть... – курлыкала Лиана, стоя под живительными струями влаги.

Выйдя из ванной комнаты, Лиана бросила полотенце на диван и, разгуливая голышом по квартире, наслаждалась свободой. Связанная в пещере, она почувствовала приступ

клаустрофобии. Никогда ей не было так плохо.

– Надеюсь, ты это так не оставишь? – не поворачиваясь в сторону Иннокентия, кинула она.

– Что я могу сделать?

– Что? Они колдуны! Маги. Ты это понимаешь? С ними нужно расправиться!

– Не носи бред. Мне и без того пришлось краснеть из-за тебя.

– Все документы у них поддельные! Наверняка им помогали люди. Степан этот и Лилия. Уж не знаю, какой им резон, но факт остается фактом!

– С чего ты взяла? Уши вянут. И надень уже что-нибудь, – сморщился Иннокентий. Как неудивительно, но голышом шныряющая туда-сюда Лиана его бесила не по-детски.

Лиана накинула шелковый халатик и наклонилась перед Иннокентием, демонстрируя зону декольте.

– Я знаю Шмеля. Мы раньше были знакомы! А магию я за версту чую.

– Ой-й-й... не тошно тебе? Какая магия?

Лиана закрутила руками, словно балерина, поднимая вихрь... воздух завибрировал, и комнату наполнил туман. В какой-то момент туман стал настолько плотным, что Иннокентий тоже начал размахивать руками: прогонять его от лица.

– Я ничего не понимаю, трубу прорвало? – заметался по комнате Кеша. Но Лиана одним щелчком пальцев вобрала в

себя туман и, поставив руки в боки, сказала:

– Дурень! Ты и впрямь не понимаешь? Это и есть магия.

Направив указательный палец на чашку с чаем, она схватила её мысленно и выплеснула в лицо Аничкина.

Аничкин вздрогнул и протёр лицо ладонями.

– Я схожу с ума...

– Нет. Это реальность. В Лисьем Бору полным-полно чародеев. Там живут берегини, лешие, лесавки, водяные и другой лесной народ. Они выползли из своих пещер для того, чтобы ты никогда не стал директором химкомбината!

– Чем я-то им насолил? Почему я?

– Идиот! Лисий Бор – место, в котором они живут испокон веков. А ты собрался их оттуда прогнать!

Ясень

Лавр беспечно прогуливался по деревне в ожидании, когда Синеока покинет пещеры. Требовались очередные вложения, и Синеока со Степаном решали, что продать на этот раз для оборудования гончарной мастерской. Малина и жемчужная ферма спустя месяц принесли неплохой доход, но расходов всё ещё было больше, чем доходов.

Лавру было запрещено бродить по пещерам. Тем более ошиваться около драконьего яйца. Запрет запретом, но двери никто не запирает. Значит, по мнению Лавра, запрет носил чисто рекомендательный характер.

Лавр присел на чурку и стал наблюдать за Шмелем и Яснем. Ясень с первого дня в деревне сильно изменился. Лицо просветлело, глаза перестали бегать. Сейчас он казался вполне симпатичным мужчиной. Трудно было представить, что он смог слететь с катушек и как-то навредить Лиле.

Тем не менее Ясень чаще смотрел в пол, избегая прямых зрительных контактов. Шмель разбирался с автомобильным двигателем, держа в руках брошюру. А Ясень помогал. Синеока побаивалась, что после наступления зимы Степан и Лилия перестанут у них бывать, и какой-нибудь неожиданный инцидент с машиной может оставить их без транспорта.

– Как дела, – поинтересовался Шмель у Лавра.

– Нормально! Как Ясень?

– Не скажу, что он здоров. И даже не уверен: идёт ли он на поправку. Иногда в голове происходят необратимые процессы. Неподвластные волшебству. Но чаще всего он вполне адекватен.

– Та-а-к, – Лавр заглянул в капот. – Где здесь акселератор? А где кумулятор? – спросил он у Ясеня.

– Лавр. Аккумулятор. Я и то в курсе.

– Шмель. Знаешь... все мальчишки как мальчишки, а я никогда не интересовался машинами. Думаешь, это нормально?

– Хочешь, удивлю?

– Ну!

– Я тоже никогда не интересовался машинами!

– Ха! Ха-ха-ха-ха-х! – засмеялся Лавр в голос.

Было бы и впрямь странно, если б леший интересовался машинами.

– Необходимость. Вот что заставляет меня возиться под капотом.

– Люди, между прочим, тоже не всегда с радостью отзываются о машинах. Слышал как-то от деда, что: «Каждый у кого нет машины, мечтает её купить. Каждый, у кого есть машина, мечтает её продать. И не делает это лишь потому, что, продав, останется без машины».

– Хах! Почему?

– Наверное, потому, что машина – очень дорогое удовольствие. Почти всегда это статусная вещь! С одной стороны,

удобно. Привыкаешь к тому, что сел, и вскоре ты уже там, где хочется. Не нужно связывать с общественным транспортом.

С другой стороны, в большом городе большие проблемы с пробками! Машин миллион, они толпятся все в одном месте, и получается затор. Не хватает парковочных мест. Машина сжирает много бензина. А бензин денежек стоит. На дорогах часто случаются аварии. И не дай Бог, машина сломается. Ремонт тоже выльется в копеечку! Вот и выбирай: спокойная жизнь без машины или удобная, статусная жизнь с машиной!

Но иногда машина просто необходима, как говорит Лиля. Когда много нужно ездить из одного конца города в другой. Что-то перевозить габаритное. И так далее. Вот, например, здесь, вдали от города.

Лавр говорил, а сам смотрел на Ясеня и улыбался незнамо чему. Тот развалился на траве и, щуря глаза на солнце, крутил возле носа желтый цветок лютика. Картинка идиллическая! Свиснув, бурундук взбежал ему на живот, и Ясень, скосив на него глаза, начал поглаживать блестящую спинку вдоль чёрно-коричневых полос. Бурундук прогибался, но никуда не уходил. Он медленно подбирался к лицу лешака. Лешак, не будь раззявой, открыл рот и... И почти проглотил полосатика. Увидав изумление на лице Лавра, он остановился, приподнялся и протянул на ладони правой руки бурундука.

– Мне? – Лавр взял. – Надеюсь, он не кусается...

Бурундук перебирал лапками, щекоча ладони, а потом пронзительно и резко свистнул и побежал по предплечью вверх, по спине вниз и растворился в траве.

– Лавр! Шмель! Молочка хотите? Свеженькое.

Лавр закивал.

Виолка подошла и наполнила стакан Шмеля молоком из кувшина.

– А потом тебе. И Ясеню... По очереди. У меня кружок нет.

– А наколдовать?

– Наколдовать, наколдовать... – передразнила она. Зато через секунду перед Лавром уже стояла белая круглобокая чашка.

– А говоришь!

– Это из дома. Я её те-ле-портировала!

– Хотя бы так! – вытирая белый ус, сказал Лавр.

– Поучи меня ещё! Училка. Сам-то сможешь?

Лавр напряг надбровные дуги, сосредоточился, и перед ним завибрировал омут. Он вошёл, а вышел уже без кружки.

– А ты быстро схватываешь. Только обязательно ходить. Ты можешь просто представить, где она стоит. Протянуть руку и взять.

Лавр заметил, как Синеока выходит из пещеры, и замер.

– Не хочешь на яйцо взглянуть? – спросил Лавр у сестры.

Виолка, разрываясь между хорошей девочкой и любопытной, задумалась. Борьбу на её лице можно было наблюдать

невооруженным глазом.

Она посмотрела на Шмеля. Шмель возился в двигателе и их не слышал.

– Минутку.

Виола открыла омут и, поставив кувшин с молоком, заговорщицки сказала:

– Айда.

– В прошлый раз я отчетливо видел, как там внутри что-то пошевелилось. Честное слово!

– Показалось! Оно уже тыщу миллионов лет не выказывает признаков жизни.

– А ты-то откуда знаешь? Тебе что, тыщу миллионов лет?

– Так мама сказала! Глупенький...

За разговором дети не заметили, как пришли к запретной для Лавра двери и остановились. Открыли её и вошли.

– Вот оно! Я так волнуюсь всякий раз, оказываясь рядом. Это же дракон! Ни динозаврик, не птеродактиль какой-нибудь безмозглый, а дракон!

– Ладно, ладно... я тоже его чувствую, – запищала Виолка. Яйцо чуть заметно вспыхнуло.

– Видела? – чуть не задохнулся Лавр.

– Ага! Можно потрогать?

– Вместе? Давай. Раз, два, три...

Они синхронно положили маленькие ладони на молоч-

но-белую полупрозрачную скорлупу драконьего яйца. Ладони моментально ощутили слабую вибрацию. Яйцо потеплело, и руки их почувствовали тепло. Оранжевый туман в яйце стал заметнее.

– О-о-ой! Оно в самом деле проснулось.

– Виолка! Это наш с тобой дракон. Мы же двойняшки.

– А так бывает?

– Не знаю. Я чувствую. Давай заберём его отсюда. Ему же холодно!

– Мама будет ругаться.

– Нужно показать, что яйцо живое.

– Может... пока расскажем только Шмелю?

– Шмелю?

– Да. Он поможет сохранить тайну. А если что, он взрослый. Мы не самовольничали.

Когда дети вышли из пещеры, пряча под одеждой яйцо, услышали душераздирающие крики. Где-то в районе Большого овражка, там, где обычно паслись олени, кто-то кричал и звал на помощь.

– Спрячем яйцо в амбаре для сушки трав. На сеновале, что под крышей. Там редко кто бывает. На сеновале ему будет теплее.

– Ага. И побежим посмотрим, что случилось, – добавила Виолка, заметив, что месту происшествия уже кто-то спешит. Капот Тойоты был всё ещё открыт, но рядом никого не оказалось.

В том месте, откуда ранее слышался крик, уже толпился лесной народ. Пробравшись вперед, Лавр увидел то, на что все с ужасом таращились: мёртвого оленя. На шее молодого животного зияла большая рваная рана. Ещё накануне Лавр видел, как олень с красивыми ветвистыми рогами скрестился в бою со старым вожаком, пытаясь вырвать первенство в стаде. Его жизненный путь был в самом начале.

– Кто его? Волки?

– Нет. Вряд ли волки стали бы охотиться вблизи поселения, – подперев рукой подбородок, задумчиво ответила Мальва.

– Мы никого не нашли! Но от оленя тянулся чёткий магический след. Он пропал метрах в ста, ста пятидесяти отсюда, – доложил запыхавшийся Шмель. С ним рядом остановилось ещё пятеро берегинов. Все они тяжело дышали.

Синеока оглянулась по сторонам:

– А где Ясень? – жестко спросила она.

– Ясень? Я его не видел. Сейчас поищем.

Ясеня нашли там же, где последний раз его видел Лавр, прежде чем войти в полутёмное нутро кристального грота: лежал на полянке у автомобиля и тихо посапывал.

Шмель подбежал к нему и остановился. Похоже было, что Ясень никуда не уходил. На всякий случай Шмель внимательно осмотрел его одежду: никаких следов крови!

Шмель вернулся к Синеоке.

– Ясень здесь ни при чём. Он там, где я его оставил. Около машины.

Синеока нервничала.

– Это очень подозрительно! Ещё один дикарь? Ищите! Общайте весь лес, но найдите его!

Шмель рыскал по лесу, как охотничья собака, натравленная на зверя, и думал: «А вдруг правда, Ясень? Всё это случилось как раз в тот момент, когда я ненадолго отлучился принять машину с грузом из города: заказ Синеоки. Грузовик был полон габаритными товарами, все берегини столпились посмотреть и забрать то, что приобрели по их просьбе. Ясеня я на разгрузку не позвал. Надеялся, что он сам пойдёт следом... Только позже понял, что лешак за мной так и не последовал...»

Плохой Ясень, хороший Ясень

Время текло липкой патокой. Проблемы возникали, решались, появлялись другие. Закончился июнь, пролетел в тревогах и волнениях июль, начался август. Ещё дважды в Лисий Бор наведывались проверяющие, но, не найдя того, что искали, ни с чем отправлялись восвояси. По тому, с каким любопытством заглядывали в каждый закуток деревни подозрительно настроенные чинуши, можно было определенно догадываться, что пожаловали они не случайно. Кто-то науськивал их являться в поисках несуществующих нарушений.

Лиана в деревне не появлялась. Видимо, отслеживала результаты своих интриг по другим каналам. Решила, что так безопаснее. Снова оказаться связанной в сырой тёмной пещере не хотелось. Бывшая лесавка уже не надеялась на быстрый результат. Не так просто было уничтожить деревню безрегинь, как оставить сиротами народ Кедровой заимки.

Лесной народ привык прятаться. Пашут землю – посторонись. Рубят лес – ладно. Люди тоже в какой-то мере участвовали в круговороте природы. Срубили старое дерево – через какое-то время на его месте непременно вырастет новое. Лиственные леса способны жить двести, а то и пятьсот лет. Потом их зелёная масса уменьшается и начинается рост хвойных пород. После рубки хвойный лес пускается в рост

раньше. Леса становятся смешанными, но преимущественно хвойными.

Но слишком много земли вспахали. Непозволительно много спилили леса. Незаметно дошла очередь до тысячетлетнего кедра. Деревьев в магическом кругу не осталось вообще.

Лиана часто думала об этом. Почему? Почему до сих пор никто не забил тревогу. Не одна Кедровая заимка исчезла с лица земли со времён появления людей!

– Одни берегини, что ли такие умные? А мы никуда не годимся? – злилась она. – Что? Что помогло им выжить? Думай! Думай!

Но сколько она не думала, ничего не приходило ей на ум.

Лиана ещё больше злилась. Берегини своими чарами рушили даже, казалось бы, самые удачные, самые коварные её планы. А в Лисьем Бору не могли предположить, что не только люди хотят сделать им больно...

Но одна острая проблема никак не хотела поддаваться решению берегинь. Незвестный и очень опасный субъект появился в лесу. Выследить его не удавалось. Творил он свои злодеяния тогда, когда никто не ожидал, там, где никого не оказывалось рядом. Объектом для нападения всегда были живые существа. Его незримое присутствие пугало лесавок, берегинь и даже диких зверей...

После убийства оленя, через пару недель, за коттеджем Синеоки нашли, выпотрошенную и наполовину съеденную,

лисицу. Потом у Зорьки пропал олененок. Нашли от него только «рожки да ножки». Еще позже в сушилке берегини наткнулись на обглоданную ворону. А лесавки наперебой клялись, что за ними кто-то наблюдает, держа в постоянном страхе.

– Девочки, я не могу всех разместить у себя. Может, хотя бы временно вы поживёте с Мальвой? В домике будет комфортнее. В пещерах точно безопасно, но по себе знаю – вам будет неуютно, – предложил Шмель. А мы в ближайшее время обязательно решим эту проблему. Долго так продолжаться не может.

– Может, скажем? – спросила Виола у Лавра. – Мы же хотели, – умоляюще посмотрела она на брата. Сезон сбора трав давно закончился. Амбар почти никто не посещал. Там на чердаке вылупился и уже три недели жил новорожденный дракончик.

– Ты всерьёз думаешь, что малыш на такое способен?

– Не знаю. Олени точно не его клыков дело. А ворона или лисица... допускаю.

– Он ещё маленький!

– А вдруг, когда никто не видит, он превращается в огромного огнедышащего дракона?

– Не смеди мои копыта! Когда нашли лисицу, дракон только-только появился на свет, – возмутился Лавр. – Насколько богатой фантазией могут обладать девчонки? Поду-

мать на малыша такое!

Они дошли до амбара и оглянулись: никого. В самом деле, трудно было даже представить, что дракоша размером с цветочный горшок мог задрать лисицу. За три недели он подрос до размеров французского бульдога. Огонь выпускать пока не мог, всё ещё сидел в коробке из-под унитаза и не мог даже взлететь, чтобы перемахнуть через край. Его тихие «кра-кра» перекликалось с бесконечной трескотнёй уток на озере. Никто из берегинь, заслышав подозрительные звуки, даже не потрудился бы присмотреться магическим оком. Зачем? Что они утку не видели!

– Вот он, мой Ярик. Мой огнедышащий монстрик! – засюсюкал Лавр, кидая в пасть дракоше куски яичницы и остатки жареной горбуши. – В следующий раз принесу тебе курятинки. Диетической...

– А потом лисятинки и оленятинки? – с иронией добавила сестричка.

– Он сам решит, чем ему питаться. Когда достигнет сознательного возраста.

– А если его выбор падёт на берегинь?

– Не смейся. Это волшебный дракон. Он будет послушным мальчиком. Да, Ярс?

– Ой, что-то мне не хорошо, – шепнула Виола и замерла.

Внизу послышалось шуршание ног. Кто-то шёл к ним целенаправленно, не сбавляя ходу.

– Тсс, – прижал палец к губам Лавр и выглянул из стога.

Прямо перед ним вырос Шмель.

– Последнее время вы какие-то подозрительные. Ничего не хотите мне рассказать? Иногда кажется, что хотите.

– Ээээ, – Лавр посмотрел на Виолу, и та кивнула.

– У нас есть дракон! Он недавно вылупился и ещё совсем маленький. Шмель, это точно не он задрал лису.

– Дракон?

Шмель приподнялся на цыпочки и заглянул за стожок.

– Хм. Как вы его назвали?

– Ярс.

– Почему?

– Он начинает светиться, когда подносишь руку. Смотри!

Виолка поднесла к дракончику руку и погладила по бугристой головке. Ярс тут же вспыхнул в месте прикосновения, и золотисто-коричневое свечение вмиг разлилось от головы до хвоста.

– Чудо.

Шмель тоже поднёс руку и боязливо прикоснулся к дракону. Ничего не произошло. Только дракончик поднял головку, взглянул на Шмеля жёлтыми глазами и, рассердившись, выпустил в незнакомца сноп пара.

Шмель отдёрнул руку.

– Нужно немедленно вернуть его в пещеру.

– Почему! Там же холодно. Он поэтому так долго не вылуплялся, что там холодно, темно и страшно.

– Зато безопасно. И ему безопаснее, и нам. Такими темпа-

ми совсем скоро он начнёт плевать огнём, и амбар вспыхнет, как рождественское дерево. А если до него доберётся тот... Кто знает, что с ним сделает неизвестный вредитель, который подкидывает нам под нос растерзанные трупики лис. А берегини? Не думаю, что они примут его, как котёнка. В пещере дракона можно хотя бы как-то изолировать. Мы не знаем, может ли он мимикрировать! Вдруг его смогут видеть люди? Тогда держись: не видать вам дракона, как своих ушей.

– Вы уже догадались кто мог задрать лисицу?

– Пока нет, – Шмель взял коробку с драконом и понёс в дом Синеоки.

Синеока упала в кресло и схватилась за сердце, при виде дракона.

– Как такое возможно?

– Я же говорил, что избранный! – выпятив грудь, ответил Лавр.

– Ты забыл про меня. Ничего? – напомнила Виолка.

– Мы с Виолой его оживили. Он реагирует на нас одинаково. Светится. Настало время драконов! – проскандировал Лавр последнюю фразу. Похоже, что он совсем зазнался...

– Что мы будем с ним делать? – Синеока была выбита из колеи. Спокойная жизнь прелестной обольстительницы, похоже, закончилась: люди, стройки, бизнес, проверки, наёмные бандиты, мстительные лесавки... Теперь дракон! Если

раньше период активности у берегинь замирал к началу зимы, и они проводили холодное время года в сонном бездействии, то сейчас можно было ожидать чего угодно.

– Однозначно, что дракона нужно вернуть в пещеры. Под замок! Как бы вы не возмущались. Выгуливать можно, когда этот чудик немного подрастёт. Но тоже осторожно. Мы не знаем всех его особенностей. Нужно понаблюдать, изучить повадки. А пока всё, что вы там планируете, планируйте только в сопровождении взрослых. Я устала от постоянно возникающих проблем!

– Покой нам только снится! – философски сказал Колос Шмель. Он взял коробку и в сопровождении ребят понёс дракона в кристальный грот.

Проходя мимо Ясеня, они засмотрелись. С вдохновенным лицом тот вырезал из затейливой по форме коряги фигурку... дракона. Лавр даже перестал дышать: «Неужели он всё знает?»

В коробке дракончик громко чиркнул когтём, но Ясень даже не повернулся. Шмель заметно напрягся. Он не мог понять, чего можно ждать от лешака, а чего нельзя. Сознание Ясеня было скрыто и представляло из себя блуждание в тумане.

– Ясень! Очень красиво, – обратил на себя внимание Шмель.

– Да. Я увидел его во сне, – сказал он, и на лице появилось подобие улыбки.

– Может, действительно увидел? – пожал плечами Лавр.

– Думаю, с драконом в пещере будет все нормально. По легендам, пещеры – их естественное местообитание. Да и нам спокойнее... Я попрошу и в самой большой дальней пещере установят решетки... Синеока распорядиться. Берегини сделают всё, как полагается. Их магия более совершенная, чем моя.

Шмель, задумался о чем-то своём, и повернувшись пошёл прочь. Лавр и Виола, глядя на него, только пожалы плечами.

– Чего это он? Я его не узнаю.

Шмель вышел из пещеры и, встретив Моха и Репня, остановился, передать им указания Владычицы.

– ...Синеока просила сильно не распространяться по поводу дракона в деревне, – говорил он, и взгляд его невольно ловил в объектив Ясеня. Тот наверняка всё слышал. Хотел того или нет.

– Установите на вход в пещеру сигналку. Исключив Лавра и Виолу. Думаю, они будут шастать туда-сюда постоянно. Было бы неплохо выставить и живую охрану... – он снова задумался, наблюдая за Ясенем. Шмель не мог понять: хороший Ясень или плохой...

Нападение

Лавр думал, со стыда умрёт, но подарок отдать было нужно. Вот уже целый месяц он носил его в кармане, ловя подходящий момент. Кления постоянно была не одна. А в последнее время вообще редко выходила из домика без своих подруг.

К счастью, появился хороший повод. Денёк выдался жаркий. Уже с утра парило до невозможности.

– Мы с Виолкой собираемся на речку. Пойдёшь?

– Ладушки! С удовольствием.

– Ждём сестричку и айда. Как вам живётся у Мальвы?

– Не так страшно. В лесу хоть дом не покидай, до того жутко. А если вообразить, что это какой-нибудь сумасшедший лешак, то вообще не по себе становится, – сказала Кления, косясь в сторону Ясеня. Тот, как ни в чём не бывало, возился с корягой. Дракон под его пальцами с каждым днём становился всё реалистичнее. Все части деревянного тела находились в движении: когтистые лапы цеплялись за ствол, изогнутая шея, большая голова с распахнутой пастью выбрасывала струю огня.

«Даже глаза, кажется, отдают красным. Я же прекрасно помню, как Ясень вставлял в них два зелёных хризолита?» – подумал Лавр, а вслух сказал:

– Скоро преступника обнаружат. Я уверен!

Хоть Ясень и оставался главным подозреваемым, но Лавр с трудом представлял этого кроткого тихого лешего в роли монстра.

Из коттеджа Синеоки выскочила Виола и бегом направилась к ним. Она знала, что Лавр собирается пригласить подругу.

– Вот и я. Идём?

– Идём.

– Только я обещала маме, что мы вернёмся до обеда. После обеда нужно будет пойти в сушилку на сортировку и упаковку трав. Кления, тебя предупредили?

– Да. Мальва ещё за завтраком сказала. Подружки пошли уже сейчас.

– Для тебя Лавр, кстати, тоже придумали работу. Пойдёшь с Мохом и Репнём на заготовку ивового прута. Они всё же решили заняться плетением в зимнее время. Хотят затариться с лихвой.

– Хотелось бы ещё к Ярсу заскочить. Ему там так одиноко! Плохо, что мы не можем брать его с собой.

– Ярик ещё совсем маленький. Правда, растёт он очень быстро. Мммм... если сравнивать с котятами Дымки, наверное, к двум-трём месяцам он встанет на крыло и сможет летать, – с умным видом сказала Виола.

– Так быстро? – удивился Лавр.

– Лебедям, допустим, хватает пятидесяти дней. Интересно, как поведёт себя он? Каким Ярик станет месяца так че-

рез... два?

– С дом, наверное. За три недели он вырос до размера средней собаки. Бери в геометрической прогрессии.

– В геометрической чего?.. – растерянно улыбнулась Кленя.

– За три недели – с бульдога. За шесть – с телёнка вырастет, а за два месяца превратиться в слона.

Прогулка по лесу в первой половине дня отвечала требованиям безопасности. Нападения совершались либо ночью, либо ближе к вечеру. Да и погода радовала. А в послеобеденное время была высокая вероятность дождя. Две недели вечером или ночью он проливался на землю с неумолимостью рока... как божья кара.

Виола шла впереди, а Лавр с Кленей чуть позади. Лавр вынул из кармана брошь в виде синей птицы, сидящей на ветке дерева. По его мнению, ветка была кленовая. С неё свисали серёжки. И протянул лесавке.

– Это тебе. Скоро я уеду... хотелось оставить что-то на память.

– Как уедешь?

– Я же учусь в школе. Через месяц начало учебного года. Но на выходные я буду приезжать.

– Ну-ка, ну-ка!

Между ними втиснулась Виола.

– Понятно, чем вы тут занимаетесь.

Вода тёплая, как парное молоко да нежный белый песок,

так разморили, что уходить не хотелось.

– Уже давно перевалило за четверть. Пора идти.

– Четверть? А точнее?

– Мы, думаю, опоздали на обед. И сейчас уже подани.

– Подани?

– Послеобеденный отдых. Знаешь же, что суточный круг составляет шестнадцать часов? По четыре на каждое время суток.

– Так-так... – заинтересовался Лавр.

– Так вот, после обедни подани. А утдани – время окончания деяний. А следом завершение дня – поудани. И паобедь – начало нового дня. А еще...

– Стоп. Сдаётся мне, вы немножко отстали от жизни. У нас всё совсем по-другому! И в сутках не шестнадцать, а двадцать четыре часа. А четверть делиться на три часа.

– Подожди, – Виолка стала загибать пальцы. – Тогда получается лишь двенадцать!

– Ну... мы два раза по кругу идём, – неуверенно пожал плечами Лавр.

– Неудобно! И что же вы эти лишних восемь часов делаете? – добавила соль на рану Кления. Лавр в тонкостях часовой системы пока не разобрался.

– Какие лишние восемь часов? – озадачился он и почувствовав себя двоечником.

Ребята поднялись и не торопясь, пошли в сторону лесу. Они делили циферблат на деления и смеялись, позабыв обо

всё на свете...

– После окончания заурницы идёт настя, сваор, утрось и поутрось...

Лавр повторял за Виолой новые словечки и всякий раз смеялся, складываясь пополам.

– Видел? Видел? Это были они. Достали здесь ошиваться!

– Да это типа их лес, – усмехнулась Оля.

– Ага! А давай последим, чем они в этом лесу занимают-ся? – предложил Вовка. Ему уже давно было скучно в лагере. Ничего экстраординарного не происходило. Третий сезон выдался – полный тухляк! Ребята успели пожалеть, что остались в лагере.

– Когда? – шепотом спросила у него Оля.

– Улизнём после возвращения с речки? Пусть вожатый увидит, как мы входим на территорию лагеря и тогда, потихоньку, потихоньку обратно.

– Договорились, – заговорщицки подмигнула ему Оля.

За разговорами ребята прошли полпути до деревни. Если идти по лесу напрямик, то это чуть больше получаса. А омутом они пользовались редко. Если прыгать туда-сюда без усталости и ходить разучишься! Так думали, вероятно, и другие жители эко-деревни. Даже после запрета на одиночные про-

гулки Синеока с неудовольствием замечала берегинь в значительном отдалении от посёлка.

– Ну, всё-таки, что вы делаете оставшееся восемь часов? – уже шутя повторила Виолка, когда за спинами послышались громкий хруст веток и шуршание сухой травы. Друзья синхронно повернули головы. Прямо на них бежала растрепанная и насмерть испуганная Мальва. Она с утра должна была заняться проверкой охранной сигнализации по границам бора. Только вряд ли одна...

За ней, почти незаметное глазу, несло, передвигаясь на четырёх конечностях, непонятное лохматое существо. Существо, владеющее защитной магией. Иначе как оно могло мимикрировать, прячась в природном ландшафте?

– Бегите! Уходите через омут. Немедленно! – крикнула им Мальва.

Лавр толкнул Кленю, приказывая исчезнуть. Она тут же открыла омут и пропала. А Виола оказалась упрямее. Она встала, приготовившись оказать сопротивление и... в тот момент, когда Мальва пронеслась мимо, Виола взмахнула руками и возвела перед собой защитный экран. Монстр врезался в него, и Виола пошатнулась, ослабив чары. За спиной уже стоял Лавр. Такой смелости от сестры он не ожидал. Чары щита они освоили лишь накануне, но делать было нечего. Виола явно переоценила свои возможности. Монстр чиркнул по земле когтистой лапой в сантиметре от сестрёнки, и Лавр напрягся, что есть мочи, творя защитные чары.

Вместе они несколько секунд удерживали щит. Монстр рычал, но не сдавался. По его морде невозможно было понять, кто перед ними: зверь или магическое существо. Виола и Лавр, не мудрствуя лукаво, изо всех сил пытались удержать щит. Руки у Виолки тряслись, во рту пересохло, а прежняя решимость испарилась как летний сон: «Какой леший меня дернул поставить защитный экран? Можно подумать, я этим всех спасла!»

Всех, не всех, но Мальва остановилась, тяжело и судорожно вздымая грудь. По шее текла кровь. Грудь была расцарапана. Она тяжело дышала изредка всхлипывая. Из омота рядом с ней появилось несколько берегинов, а с ними Шмель и... Ясень.

Монстр на мгновение замер и, резко развернувшись, бросился прочь, совсем пропав из виду.

«Технологией стелс он владеет отлично», – подумал Лавр, всматриваясь в непроглядное зелёное марево. Солнечные блики играли на влажной от ночных дождей траве, можжевельниках, невысоком кустарнике, мелколесье, наполненном душной испариной, исходящей из мшистой подстилки, превращаясь в единый живой организм, подрагивающий от легкого ветерка. Без каких бы то признаков монстра!

Берегины разбежались в разные стороны, прочёсывая лес. – Что ж вы, ребятки, наделали? – усевшись на хвойную лесную подстилку, обессилено спросила Мальва. – Я же его в деревню вела. Там окружить и взять волкодлака было бы

проще пареной репы. А теперь ищи ветра в поле.

Рядом снова открылся омут, и около Мальвы появилось несколько девушек, моментально окруживших её заботой. Следом появилась Синеока. Она сразу бросилась к детям, осмотрела их, дотрагиваясь прохладной рукой, и успокоилась, видя, что они целы и невредимы. Лавр и Виола смотрели в её влажные озабоченные глаза, улавливали легкое подрагивание пальцев, ощупывающих каждый сантиметр их тела. Они обнялись. Синеока встала и подошла к Мальве:

– Кто это был? Можешь сказать?

– Похоже, волкодлак. Волкодлаки не появлялись в лесу уже добрые три сотни лет. Но насколько я смогла рассмотреть, то да. Это, несомненно, он.

– Оборотень. Как такое могло случиться? И колдунов-то уже не осталось, откуда взяться оборотню?

– Видно, появился один. Или сам ошибся в заклинании, или кто его обратил. Вот бедалага и пришёл к магическому кругу. Интуитивно. Но, сдаётся мне, опоздал. Не заметила я в глазах у монстра искры разума. Зверь!

– Всё намного хуже, чем я думала. Но хоть Ясень теперь обелён...

Ясень словно услышал далёкие слова. Он остановился посреди пустой поляны и повернул голову в сторону Синеоки. Прямо перед ним, мерцая в солнечных лучах, появился огромный волкодлак.

Догадка Лиана

Каждый день в голову Лиане приходили новые идеи мести. Она со страстью начинала строить планы, но тут же спотыкалась. Всё упиралось в магию. Сама она не могла зачаровывать в полной мере. Юный кедр рос отвратительно медленно. Лиана замечала, что и растёт-то он не прямо. Изгибается, как гадюка.

– Господи, убери с дороги свой бонсай, – дёрнулся Иннокентий, пытаясь выйти на балкон. Большой керамический горшок преграждал ему путь. Иннокентий снова начал курить. Проблемы сыпались как из рога изобилия. Бывшая жена, подав на развод, затребовала слишком много, решив, вероятно, оставить его «без штанов». Новая пассия бесилась от бессилия, пытаясь отомстить «этому своему Шмелю», как говорил Иннокентий. Дети злились на отца за то, что вскоре закроется лагерь и непонятно, что станет с их тусовками, единственным местом, где они собирались с друзьями. Новое назначение – химкомбинат – тоже могло благополучно не состояться...

– К тому моменту, как это деревце обретёт истинные силы, пройдет тысяча лет! Пролетят и липень, и сеностав, и серпень, и хмурень, а я так ничего и не придумаю! В конце концов, проще пустить красного петуха, чем найти что-то по-настоящему толковое... Беда в том, что я плохо знаю

возможности людей...

– Чтобы стать истинной злодейкой? – закатывая глаза к потолку, с ухмылкой сказал Иннокентий, возвращаясь в зал с балкона. Личная жизнь его тоже катилась в тартарары. Лиана давно перестала его баловать в постели. А образ злой и коварной Лилит не вызывал у мужчины особого восторга. Та, другая Лиана, нежная и кроткая, Иннокентию нравилась значительно больше. Рядом его удерживала только общая цель. В принципе, она была единственной сейчас, кто понимал его проблемы. А это не маловажно...

– ...Кто бы говорил. Сам же постоянно кому-то названиваешь. Вывеживаешь пути-дороги, как расквитаться с самозванцами из Лисьего Бора, – сказала она, бросив взгляд на карту области, которую Иннокентий разложил на столе в попытках найти новое место для строительства.

– Сколько места нужно твоему комбинату, говоришь?

– Триста гектар приблизительно... а что?

– Смотри. Граница владений Синеоки лежит вдоль русла речки Овсянки. Соседняя область в тридцати километрах. До города двадцать... До деревни... Кусково? Отсюда вот... три километра. Я вижу здесь вполне уютный такой клочочек земли: два на два километра. Тебе достаточно столько?

– А водозаборная зона?

– Она с другой стороны города. Норма для объектов первого класса опасности будет соблюдена вполне даже! – со знанием дела сказала Лиана. Последнее время много сидела

Интернете. Злобные планы требовали тщательной подготовки.

– А то, что граница проляжет прямо вдоль реки?

– А это уже не твоя проблема! Пусть проблема будет у Си-неоки и её эко-деревни, – поставила точку в разговоре Лиана.

– А ты далеко пойдёшь. Поеду на работу. Нужно немедленно звонить в министерство...

Сбежать из лагеря Оле и Вовке, согласно намеченному плану, не удалось. Но через три дня, когда все вожатые были заняты организацией концерта, появился реальный шанс! В лагерь приехал театр кукол. Программу вечера наметили довольно большую, и кроме театра с номерами должны были выступать лагерные.

Оля, Вовка и трое их друзей в номерах не участвовали и зачастую были предоставлены сами себе. После полдника они, наконец, сделали, что хотели: собрали небольшой походный набор из фонариков, спичек, бутербродов и плащ-палаток, одели рюкзаки и потихоньку улизнули из лагеря. Окольными путями в пять часов вечера они пересекли границу Лисьего бора... Ребята планировали добраться до деревни или, возможно, заночевать где-нибудь в лесу. О том, что такое приключение может быть опасным, они не догадывались. Никто не уведомил их заранее о том, что в лесу во-

дятся крупные дикие звери и лешаки. . .

Что в лесу что-то не так, они поняли очень скоро. . .

Лиане не терпелось побольнее ущипнуть Шмеля, и когда на следующий день Иннокентий позвонил сказать, что сильно задержится на работе и к ужину его не ждать, решила навестить своих недругов из Лисьего Бора. Дабы Шмель вочию убедился, что старый кедр жив, она взяла с собой цветочный горшок. Пятилитровая бадья оказалась тяжеловата, но Лиана проявила упорство и дотащила её до машины.

Въехать в деревню она решила другой дорогой, резко поворачивающей в лес за пять километров до развилки, ведущей в лагерь. Этой дорогой до недавнего времени пользовались редкие знатоки здешнего лова. Естественно, до того, как озеро перешло в частное владение берегинь

Дорога оказалась гораздо хуже той, что вела к эко-поселению. Зато появиться можно было незаметно для всех. Лиана не предполагала, что здесь стоит система оповещения от чужаков. Вернее, она знать не знала о её существовании вообще, поэтому громкий рёв оленя самца приняла за естественный, само собой разумеющийся лесной звук.

На берегу озера никого не было. Лиана пошла вокруг озера в сторону кристального грота, надрываясь под тяжестью цветочного горшка.

– Нет. Лучше оставлю его в кустах. Так, чтобы никто не

нашёл... а потом приведу сюда Шмеля. Будет возможность уединиться, – оправдываясь, сказала она и оглянулась. – Вон там...

Лиана остановила взгляд на маленьком каменистом полуострове, заросшем ивами. До перешейка идти было совсем ничего – метров пятьдесят. Надёжнее, чем бросать свою «прелесть» где ни попадя. Лиана вступила на заросший кустарником полуостров, опустила горшок с кедровым ростком на землю и увидела сквозь листву страшную картину: лохматый монстр рвал зубами белое обескровленное тело девушки. Лиана ахнула, широко открыв изумлённые глаза, и монстр повернулся, сверля её взглядом.

Каких-то несколько мгновений ему хватило решить, напасть на неё или нет. Где-то на невербальном уровне они обменялись мыслями и оба поняли, для чего находятся в Лисьем Бору. Тёмные мысли не скрыть. Они выпячиваются вперёд, как то, наглость, жадность, злость или ненависть, появляясь в глазах. В голове вспыхнул огонёк сожаления, но Лиана наступила на него туфлей, поднялась во весь рост и сделала шаг в сторону кристального грота...

Иннокентий в салоне вертолёта направлялся в сторону Лисьего Бора. Он и ещё трое из команды проектировщиков решили на месте осмотреть, предложенный Лианой участок и решить подходит он или нет под строительство завода.

– Ну и где же эта горе деревня? – почти кричал будущий заместитель директора будущего химкомбината. Она должна быть здесь! – он ткнул пальцем в лесной массив, расположенный прямо под днищем вертолётa.

– Сам ничего не понимаю, – так же громко ответил ему Аничкин и вдруг вспомнил слова Лианы о том, что деревня де волшебная. Если это правда, то тогда, возможно, наложены какие-то чары, скрывающие посёлок от глаз.

«Но кто может наблюдать за деревней с неба? И что необходимо столь тщательно скрывать?..» – подумал он.

Вертолёт сделал маневр и полетел в сторону реки Овсянки, приближаясь к границе бора. Неожиданно для себя Иннокентий вырвал взглядом из зеленой массы деревьев внизу группу подростков, идущих по лесу. Он приблизил к глазам бинокль и узнал в двоих из них – Олю и Вовку. Своих детей! Они направлялись туда, где по его предположениям, должна была находиться магическая деревня.

– Ну-ка, развернись! Развернись. Сделаем ещё один круг! – крикнул он пилоту, и тот, пожимая плечами, развернул машину. При заходе на второй круг Иннокентий сделал ещё одно открытие: увидел Лиану. Мимо неё, двигаясь на четырех конечностях, промчалось страшное лохматое существо. Миновав амбары, сушилки, стадо оленей на окраине, оно пронеслось вдоль оврага и бросилось в сторону леса. Туда, где брели, не ведая опасности, его дети.

Сердце в груди Иннокентия бешено застучало. Трясущи-

мися руками он достал из нагрудного кармана мобильник и из списка контактов выбрал: «директор лагеря».

–...Я просто уверен. Это были именно они! Пятеро подростков из лагеря ушли в лес, а вы даже не в курсе! Немедленно проверьте, где сейчас мои дети! – кричал он в ярости, брызжа слюной на телефон.

Бросив трубку в карман, он стал выискивать внизу место для посадки. Единственной доступной площадкой оказалось место у оврага, облюбованное оленями. Сейчас оно пустовало. Минуту назад олени бросились врассыпную от монстра.

– Там! Сажай вертолёт там! Немедленно! – крикнул Иннокентий лётчику. – Я выйду. Вы можете лететь дальше. А мне нужно срочно найти детей...

Время близилось к вечеру. Наступал час утдайки. Дневные работы были закончены, и жители магической деревни разошлись по своим домикам, предвкушая отдых. Некоторые даже прилегли ненадолго вздремнуть, вспоминая старые добрые деньки, когда работы было поменьше. Но отдых оказался недолгим... Зычный олений рев, сигнализирующий о нарушении границ Лисьего Бора, донёсся сразу с нескольких сторон.

У коттеджа Синеоки немедля собрались обеспокоенные жители деревни.

Взяв в руки магическую карту, Владычица выбежала на

крыльцо.

На нарисованной Лилией и зачарованной Синеокой карте чётко высвечивались границы Лисьего Бора. По ней медленно двигались крупные скопления мерцающих точек, указывающих, где и сколько нарушителей проникли на территорию.

– Один из пришельцев находится у озера. Мох! Проверь. На юго-востоке, со стороны детского лагеря вошли сразу пять человек! И совсем рядом с ними, чуть южнее, ещё десять. И ещё... Направляйтесь сначала туда, – Синеока указала на большую группу точек и увидела, как берегины спешно исчезают в омутах.

– Затем осмотрим лес со стороны лагеря, – сказала она, поворачиваясь к Шмелю. Он стоял рядом, готовый к прыжку. Неподаляку с фигуркой дракона обеспокоенно толкался Ясень. Из дома убежали Степан, Лилия и двойняшки.

Открылся омут, и выбежавший из него Синегор крикнул:

– Синеока, тебе стоит взглянуть на это самой.

Синеока вступила в омут и вышла в сумеречную серость густого леса. Там в нерешительности стояли берегины и с десяток других существ...

Глаза у пришельцев казались потухшими и безжизненными, волосы всклокочены. Из лохматых шевелюр торчали в разные стороны ветки, листья, репейник. На щеках, плечах и локтях проглядывали чёрные и коричневые чешуйчатые выступы. Это однозначно были лесовики и лесавки.

– Владычица, это лесной народ. Скорей всего они ещё не одичали, но как никогда близки... к безумию. Их много. Я думаю, разрозненные группы лесовиков перешли границу в нескольких местах, – возбужденно доложил Синегор. Он вновь почувствовал душевный подъём, свою необходимость. Где-то в душе он сожалел о том, что отказался от места Владыки, понимая в то же время, что один сейчас наверняка бы не справился. Как не справился Шмель. В Синеоке был стержень, с одной стороны, заставляющий бороться, и гибкость с другой, благодаря которой она смогла пойти на сделку с людьми.

– Синегор. Ребята. Шмель. Всех лесовиков переправить в пещеры. Немедленно. Никого не должно остаться в лесу. Им нужна наша забота и кончено, энергия кристального грота. Пусть набираются сил. Прочешите лес.

Синеока прошла вперёд и осторожно, стараясь не шокировать совершенно опустошённую лесавку с ребёнком на руках, взяла её под локоть и открыла омут.

В посёлке царил переполох: мотая вершины тонких елей и длинных корабельных сосен, в нарастающем гуле двигателей на край оленьего оврага садился вертолёт. Не успели винты остановиться, как из него выскочил полный, уже знакомый берегиням мужчина и побежал навстречу Синеоке, размахивая руками:

– Мои дети! В лесу мои дети! – кричал он, подбегая к Вла-

дычице. – Они направляются сюда, в деревню. Но... но... какое-то страшное лохматое чудовище бежит им навстречу!

Синеока думала очень быстро. Елозя маленьким кулачком по подбородку, она старалась преодолеть панику, которая накатывала волна за волной...

«На юго-востоке со стороны лагеря вошли дети – раз... в небе защитный экран преодолел вертолёт – два. Со стороны озера в деревню ворвался... волкодлак – три... С юга в лес зашла группа лесовиков – четыре. Где Мох? И куда несётся волкодлак? Ясень... – она повернулась в сторону лешака, который был рядом еще минуту назад.

– Ясень. Он тоже пропал... – сказала вслух Синеока.

– Кто пропал? – выкрикнул Иннокентий, теряя терпение.

– Он мог присоединиться к берегинам, – успокоил Синеоку Шмель.

У Иннокентия зазвонил сотовый телефон, и он дрожащими руками попытался отжать зелёную трубку:

– Ну, давай же... Алло!

– Синеока! – сказал Степан. – Только скажи, что нам делать, и мы тоже поможем.

– Не знаю... – сдерживая дрожание в голосе, ответила Синеока. – Против волкодлака вы бессильны. Для вас встреча с ним может стать последней. Я не хочу лишних жертв. Сидите в доме. И детей... детей никуда не выпускайте!

– Смотрите, Мох! – удивленно воскликнул Степан.

К коттеджу со стороны озера, волоча за связанные на за-

пьястях руки, Мох вёл Лиану.

– Алло, конечно. Я настаиваю... – говорил Иннокентий в телефонный аппарат, когда увидел Лиану.

– Вот. Она пересекла границу со стороны озера, – сказал Мох. – Но мне кажется, я видел волкодлака. Он пронёсся мимо этой дамочки... Я наложил на веревку связывающие магию заклинания. Если они не заодно... то я ничего не понимаю!

– Да, я тоже это видел. Вы собираетесь хоть что-то предпринимать? – в панике, почти фальцетом обратился Иннокентий к Синеоке.

– Конечно! Степан, Лиля, пожалуйста, до выяснения, зайдите в доме Лиану. Дайте руку, – Синеока протянула Иннокентию тонкую ладонь. Мужчина в нерешительности взял её.

Открыв омут, Синеока повела за собой ошарашенного, но решительного Аничкина-отца. Следом в омут вошёл Шмель. Степан и Лилия, взяв под конвой злую, сопротивляющуюся Лиану, нехотя вошли в дом.

– Я тебя спас?.. Мог бы и пригодиться! – возмутился Степан, жалуясь Лиле.

– Думаю, там достаточно чародеев. Скоро всё разрешится, и мы, наконец, узнаем... Кто и зачем сюда пожаловал... – ожесточенно посмотрев на Лиану, ответила она. Неожиданно Лиана вырвалась из захвата и вцепилась связанными руками в волосы Лиле.

– Вот кто им помогает. Люди! Ну, я вам покажу...

Степан схватил интриганку за запястья и нажал на болевые точки...

– Ыы... мужлан, – огрызнулась Лиана выпуская из рук волосы.

– Что, чёрт возьми, происходит в вашем чёртовом лесу? – чертыхаясь через каждое слово, выкрикнул Иннокентий, буквально вываливаясь из омота.

– Мы пожинаем плоды человеческой деятельности.

– Плоды? Какие, к чёрту плоды! – не успел возмутиться Иннокентий, как увидел группу лесовиков. Таких он видел, пожалуй, только в фильмах. В фильмах про зомби... От них, визжа, удирало пятеро подростков. К счастью, ребята бежали в сторону Синеоки.

– Видится мне, где-то разорили ещё один магический круг и они, лесовики... Лешие по-вашему, да кикиморы, да водяные всякие остались без дома. Вот чем грозит приход людей в такие места, как Лисий Бор! – уже более отрывисто и громко разъяснила ему Синеока. – Волшебный народ дичает и становится опасным. Нам тяжело даётся расставание с местом силы! Надеюсь на то, что они не сошли с ума... иначе вашим детям грозила бы страшная опасность, – добавила Синеока, указывая в сторону подозрительного вида существ. Было заметно, как дрожат её губы и судорожно вздымается грудь.

– Кто? Почему они должны навредить моим детям? Откуда мне всё это было знать?

– Шмель, отправь эту шумную компанию в лагерь. Я же попробую переправить лесовиков в деревню. Они создают слишком много движения. Я не в силах сосредоточиться, чтобы нащупать волкодлака...

– Синеока, пожалуйста, оставайся здесь. Одна ничего не предпринимай... – шепнул, глядя в её синие глаза, Шмель и исчез в омуте с группой подростков. Дети буквально с ходу ввалились в омут, не имея ни малейшей возможности обдумать свои действия. Скорее всего, присутствие Иннокентия их успокоило. Они доверились трём взрослым людям, выглядящим более или менее адекватно.

К облегчению Синеоки, поблизости от неё открылся омут, и из него вышел запыхавшийся Синегор.

– Ты очень кстати. Вот ещё несколько лесовиков. Переправь их в деревню.

Когда очередной омут свернулся, Синеока прикрыла веки и, выставив руку вперёд, стала искать источник волшебства. Место, где мог находиться волкодлак. Открывая один омут, за другим, она прочёсывала лес и нашла... Вдалеке промелькнула лохматая тень волкодлака. Синеока сразу узнала его по длинным неказистым лапам, сторбленной спине и клочковатой шерсти на тощих боках. За ним с разрывом в паре десятков метров бежал Ясень...

Синеока открыла очередной омут и бросилась вдогонку.

В момент прыжка около неё появился Шмель. Заметив, направление движения Синеоки, он последовал за ней.

Дракон

– Так нельзя... я не могу сидеть здесь и ждать, находясь в полной неизвестности, когда Лисий Бор находится на грани катастрофы, – шептал Лавр Виолке. – Я должен что-то сделать! – говорил он, периодически подходя к двери и наблюдая, как там, в зале, тоже не в силах усидеть на месте, мечутся отец с Лилей.

– Пойдём! Пойдём к дракону. Если пытаться что-то сделать, то только с его помощью. Сами мы пока не готовы. Мы ещё дети.

– Я не ребёнок!

– Лавр, я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь. Поэтому и говорю тебе: пошли!

Ребята прокрались по коридору и тихонько выскользнули на улицу. У кристального грота царила суета. Входили и выходили, толкаясь в узком пространстве грота, берегины, провояая в пещеры лесовиков. Лесавки пугались, иногда пытались бежать, не понимая, что с ними хотят сделать. Лесовики вступались за них, превращая миссию спасения в полный хаос, где все за всех и непонятно кто против кого.

Ребята протиснулись вдоль каменной стены грота и побежали к Ярсу. В суете, царившей в залах и коридорах пещеры, никто не обращал на них внимания. Вся гора, в которой располагался грот, с высоты напоминала тушу дракона. Од-

ной лапой он наступал на гладь озера, голова, изгибая короткую шею, смотрела на поселок, а хвост волочился далеко за пределы деревни, утопая в лесу, и смотрел в сторону трассы. Кончик хвоста первым встречал чужаков, и гора тихонько вибрировала, подавая сигнал берегиням. Ярс находился в одном из боковых ответвлений пещеры: задней лапе «драконьей» горы. Он действительно рос в геометрической прогрессии, как и предположил догадливый Лавр. Сейчас он достиг размера крупного волкодава и встретил их с распростертыми крыльями.

– Ему здесь тесно! Он не сможет встать на крыло, сидя взаперти. Давай выводить его отсюда.

Взяв в соседнем зале шёлковое покрывало, они накинули его на Ярса и пошли по лабиринту пещеры к выходу, стараясь не показываться никому на глаза. Дракон, не привыкший к конспирации, всячески пытался сбросить с себя покрывало и ворчал. На выходе из пещеры им несказанно повезло: один конвой уже углубился в пещеры, а другой был только на подходе. Лавр видел, как открывается омут из него хаотично вываливается лесной народ, хлопая зелёными ресницами.

Малыми перебежками Лавр, Виола и Ярс добрались до озера. Здесь никого не было. Олени разбежались в страхе, а какие бы то ни было работы были временно прекращены. Молоденькие берегини прятались в своих домиках, а те, что постарше, занимались размещением лесовиков в пещерах кристального грота.

– Ну что, Ярс, пришла твоя пора. Лети!

Дракон словно понимал, что от него требовали ребята. То, чего пока не понимал умом, он воспринимал интуитивно. Кроме того, ему самому давно хотелось размять бока, расправить крылья и попробовать их в деле. Ярс разбежался, перебирая лапами, как гусь, взмахнул кожистыми крыльями, сделал несколько больших махов... и приземлился. Снова повторил попытку и снова пролетел несколько метров на уровне глаз восхищенной Виолки. Лавру пришлось отступить и немного пригнуться: крыло Ярса скользнуло, едва не задев переносицу.

– А что, если пустить его над оврагом. Он сможет планировать.

– А если упадет? – забеспокоилась Виолка.

– Он же летает. Поднимется вверх уж как-нибудь!

– Как-нибудь?

– У нас нет времени! Понимаешь?

– Ладно.

Они подвели Ярса к краю оврага и показали вниз.

– Ууу!

– Давай, Ярс!

Дракон побежал и прыгнул, расправив крылья над оврагом. Он летел!

– Ура! Ура! Он такой молодец! – визжала Виолка.

Дракон сделал круг и вернулся к двойняшкам на поляну.

– Ну ты же молодец! Такой красавчик. Просто умничка! –

нахваливала Виолка, почесывая дракону шею, нос, и уши. А тот светился от счастья. В прямом смысле этого слова. Лавр вторил Виолке.

– Попробуем оседлать? – спросил Лавр.

– Не знаю, – пожалала плечами сестра.

Дракон понял чего от него хотят, и когда Лавр взялся за наросты на его спине вежливо подставил лапу. Лавр сел верхом, и дракон побежал рысью, приноравливаясь к седоку. Сделал круг и остановился около Виолки.

– Ууу!

– Мне тоже? А тебе не тяжело будет?

– Ууу, – ответил Ярс. Видимо это означало что не тяжело.

Вилока с помощью Лавр забралась и села рядом. Держаться без поводьев было неудобно. Она осмотрелась и увидела на оградке у амбара оленьё снаряженье. Недолго думая, она перенесла его по воздуху, опоясала тулово и шею дракона. В руках Вилки оказались поводья, и девочка сразу почувствовала уверенность в себе.

Дракон разбежался и взмыл над оврагом...

Волкодлак

Опрометью вбежав в омут, Синеока вылетела из него недалеко от волкодлака. Тот остановился, заметив её боковым зрением, медленно повернулся и приготовился к прыжку. Синеока, не спуская глаз с монстра, сняла с платья толстый пояс и встряхнула его, превращая в кандалы.

Волкодлак ощерил пасть и бросился на Синеоку. Всего несколько прыжков отделяло её и зверя. Владычица собиралась применить заморозку, как только зверь окажется рядом, но в тот момент, когда она выкрикнула: «Алгэнс Фириус Алген!» Ничего не произошло.

Глаза владычицы расширились от ужаса. Она попыталась остановить время, но ни то, ни другое заклятье на монстра не подействовало. Он прыгнул, повалил её на землю, и Синеока почувствовала на своем лице зловонное дыхание смерти...

Так бы и закончилось тысячелетие Синеоки, если бы кто-то сильным ударом не отшвырнул волкодлака в сторону. Тот упал метрах в трёх от неё и Синеока увидела, как Шмель с воинственным выражением лица и рёвом обрушил на монстра толстую сосновую палицу.

Бой растянулся на минуты. После каждого удара волкодлак поднимался на лапы, изготовившись к прыжку. Челюсти жадно клацали, исходя густой слюной, но Шмель снова сбивал его с ног. Так продолжалось до тех пор, пока монстр не

начал терять силы. В какой-то момент схватки Синеока увидела кого-то третьего... Приглядевшись в наступивших сумерках, она узнала Ясеня. Ясень бросился между Шмелем и волкодлаком, принимая на себя всю силу ударов. Он... защищал волкодлака, в тоже время не давал тому кинуться на Шмеля.

Синеока всматривалась, не понимая: какой резон Ясеню поступать подобным образом?

Наконец, когда Шмель потерял равновесие и упал, Ясень, улучив момент, постарался оттащить и увести волкодлака, но озверевший монстр не желал подчиняться. Он, похоже, решил расправиться со своим защитником, чтобы продолжить схватку. Извернувшись, он сомкнул челюсти на шее Ясеня. Хрустнули позвонки, на землю Лисьего Бора хлынула алая кровь...

Синеока увидела изумленные влажные глаза Ясеня, которые прощались и просили прощения... в воздух взвилось тонкое ожерелье с огненно-красным турмалином и упало у ног Владычицы...

Внезапно черная тень повисла над местом сражения. Синеока подняла голову к небу и увидела дракона. Раздался звонкий мальчишеский голос Лавра. Ярс выпустил в монстра мощную струю обжигающего магического пламени.

Неуклюже дракон опустился на небольшую поляну. Всё-таки он ещё плохо управлял телом и виртуозностью при посадке в ограниченном пространстве не обладал. Лавр и Ви-

олка кубарем скатились со спины Ярса и встали лицом к Синеоке и Шмелю.

– С вами всё в порядке? – воскликнула Виола и бросилась в объятия матери. В этот момент произошло то, чего уже никто не ожидал. Опаленные драконьим огнём Яшень и Волкодлак вдруг разделились. Из пламени с рёвом вырвался горящий монстр и бросился в сторону Синеоки. Синеока попыталась заслонить собой Виолку, Лавр прикрыл их. На выручку бросился Шмель... В воздух взмыл дракон...

Схватив волкодака большими когтистыми лапами, он отшвырнул его в сторону и монстра накрыла ещё одна струя пламени.

Когда поляну заполнили прибывшие на помощь берегини, всё уже закончилось.

Синеока открыла омут...

В деревне ярко горели огни волшебной иллюминации. У коттеджа Владычицы собрались все, монстр был повержен, но не все еще было закончено.

Шмель, радуясь и восхищаясь смелости Лавра, беспрестанно улыбался и, обнимая мальчика за плечи, одобрительно сжимал их, без слов выказывая пацану своё бесконечное уважение. А Лавр довольно улыбался в ответ.

– Вот это было настоящее приключение! Правда же? В моей жизни никогда ничего подобного не происходило. А может, больше никогда и не произойдёт. Как думаешь, Шмель?

– Лучше бы не произошло. Мне приключений хватило надолго. А ты... у тебя горячее сердце!

– Выпустите меня! Немедленно! – услышали они крик Лианы, подходя к коттеджу.

– Похоже, впереди нас ещё кое-что... ожидает, – поджав губы, добавил Шмель.

– Что-то весьма неприятное, – скривила губы Виола. – Правда, Ярсик?

Но войти в коттедж им не пришлось. Тишину ночи нарушил рев оленя, и послышался нарастающий шум мотора. У открытых ворот остановился автомобиль с эмблемой детского лагеря. Все напряженно замерли, всматриваясь в темноту. Водительская дверца открылась, и из неё показался Иннокентий Петрович. Один. Он направился к дому Владычицы.

Раздался вздох облегчения. Казалось, вздохнул сам лес.

Подошёл Мох.

– Синеока, на острове, что посреди Земляничного озера, нашли... мёртвую берегиню. Это Иви. Она пострадала от клыков волкодлака. И ещё, – Мох поставил на нижнюю ступеньку веранды большой горшок и кедровым ростком.

– Лиана не обманывала. Этот кедровый росток принадлежит Отцу, – сказал Шмель, легонько касаясь нежных светло-зелёных иголок. Иннокентий остановился и, не задавая вопросов, присел на ступеньку, словно член команды.

– Если кедр принесла на остров Лиана, значит, она видела волкодлака и позволила ему уйти. Мало того, монстр не тро-

нул её. Значит, они в самом деле были в стоворе! – эмоционально сказал Мох, стукнув ладонью по перилам. Синеока, вскинув ладони, прикрыла на одно мгновение лицо и снова опустила руки вдоль тела.

– Наши новые гости – лесовики что-то объясняют?

– Да, они уже приходят в себя. Говорят, что пришли в бор по следу Береза.

– Береза?!

– Так звали волкодлака. Когда-то он был лешим. Лесовики рассказали, что Берез пришёл в их лес вместе с Ясенем и поведал, что Кедровая заимка пала. Лесовики пожалели их, приняли. А потом Берез занял место Владыки силой. Их прежний Владыка был слишком стар, чтобы сопротивляться. Лешим сильно не повезло. Не прошло и полгода, как и в этот лес пришли люди. В месте силы они решились строить базу отдыха. Там и без того слишком часто бывали туристы: приходили к известняко-бернесситовым чашам. А чаши – центр магического круга.

– Да-да! Я знаю это место, – вздохнула Синеока.

– Лесавки поведали нам, что Берез сильно разозлился и стал пугать людей. Но те не испугались. Тогда он пошёл к ведьме, что жила на окраине деревни Скриповка, это в пяти километрах от места силы. Скорее всего, она подпитывалась волшебством магического круга. Ведьма и сделала из него оборотня. Только вот после этого он слишком быстро потерял разум. Людей он спугнул, но те были настойчивы и

вернулись с ружьями, устроив настоящую охоту. Волкодлак пропал, а за ним ушёл Ясень. Потом вынуждены были уйти и лесовики: во время строительства несведущие люди разрушили чаши, одев их в бетон.

– Теперь всё более или менее встаёт на свои места, – сделала вывод Синеока. Глаза её были печальными. Веки опухли, руки обессилено свисали вдоль тела. Шмель был готов поспорить: Синеока думает о том, что им предстоит то же самое, она устала, и душа её наполнилась отчаянием.

– Приведите Лиану. Хочу, чтобы сегодня всё закончилось, – сказала она упавшим голосом.

– Отпустите... как вы смеете... – брыкалась Лиана, когда Синегор вывел её на веранду. – Ах, вот как! И ты с ними? Как ты можешь доверять этой ведьме! – кинула она Иннокентию, но тот лишь смущенно отвернулся.

– Развяжите её, – приказала Синеока. – Лиана, ты видела волкодлака?

– Какое мне дело до ваших волкодлаков. Сами завели, сами и разбирайтесь!

– Он убил берегиню. Ты могла позвать на помощь.

– Одной берегиней больше. Одной меньше... отпустите! – Лиана вырвалась и чуть не кубарем повалилась с крыльца. Только чудом она не переломала себе руки и ноги. Тем не менее, быстро поднявшись, она бросилась наутёк. За ней следом Шмель, Мох и Синегор. Бежать было, собственно, некуда. В лесу стоял непроглядный мрак, и Лиана сделала то, что,

по её мнению, должно было обернуться спасением... подбежала к молоденькому кедру, чуть толще её самой и вскрыла луб... Кедр сопротивлялся, но Лиана вложила в это действие все силы, которые только сумела собрать, и, втиснувшись, исчезла внутри. Кедр со скрипом сжался, и все услышали приглушенный нечеловеческий вопль.

– Вскроем? – крикнул испуганный Шмель. Несмотря ни на что, он по-прежнему переживал за Лиану. Кедр был слишком мал.

– Нет! – властно ответила на это Синеока. – Не стоит. Она должна была понимать, что делает. Синеока подошла к дереву и, вынув из кармана ожерелье с турмалином, повесила на сучок, шепча запирающее заклинание...

– Вот теперь всё!

– Рыыыы! – громко рыкнул дракон, подытоживая её слова, и Иннокентий, сразу не заметивший зверя, испугался и отшатнувшись, свалился со ступенек на землю.

Скриповские беженцы

Шмель лёг уже под утро, но ему всё равно не спалось. Слишком многое пришлось пережить за последние сутки. Он провалялся несколько часов без сна, потом встал и поднялся на второй этаж своего скромного жилища. Солнце медленно, словно нехотя, поднималось над землёй, ошупывая её пядь за пядью, будто проверяя, жива ли? В порядке ли его девочка? Задело и массивный цветочный горшок, про-

бежавшись золотыми искрами по юному ростку магического кедра от основания до макушки. Шмель понимал, что такому предмету не место на чайном столике, но опустить вниз не поднималась рука. Он бы слишком ценен, чтобы стоять на полу. Уже несколько раз за ночь он подходил к нему и, обняв горшок с закрытыми глазами, наслаждался тем, как щекочут его грубые щёки нежные хвоинки.

– Я должен найти для тебя дом. Для всех потерянных душ. Безопасное, красивое место, куда не доберётся жадная рука человека. Я обязан это сделать во имя лесного народа, во имя жизни. Я же Властелин. И ты... ты тоже должен исполнить свою миссию: создать новый магический круг. Новый дом для лесного народа, преемственность поколений, само волшебство. А иначе... через сотни лет о нём можно будет узнать только из книг. Мы останемся лишь частью глупой фантазии человека, ни разу не пробовавшего магию на вкус. Думаю, Синеока поймет и простит мне это. Мои чувства не стали меньше, просто есть любовь иная... которая сопряжена с большой ответственностью за сохранение волшебного народа. Кто защитит водяных и лесавок? Кто спасёт от вымирания оборотней – тотемных животных многих племён. И Велес, превращаясь в медведя, появлялся среди людей. И Ярило облачался волком. Сварог-кузнец оборачивался огненным вепрем, а Купало – рыжим петухом. Богатырь-оборотень был Вольха Всеславьевич... Не всегда оборотень – это плохо. К людям они в основном доброжелательны были.

И только кто колдуном обращен мог против людей повернуться. Колдунья заколдует, и он оборотень. Больше в медведей оборачивали, особенно парней, девчонок – в птичек. Иногда и волкодлаки появлялись: помесь волка с медведем.

Где те времена, когда оборотней почитали за богов? А боги наши где? Поубавилось в магическом племени, и некому защитить лесной народец.

Шмель задумался, вспоминая старинные былички... «Дракон Горыныч тоже человеком был... Падок на красавиц деревенских. Доигрался. Все мы доигрались... Раньше все единым миром жили. А сейчас... давно уж не знаем, что в мире людей делается».

Шмель поднялся и поглядел в окошко. На веранду с чашкой, из которой поднимался лёгкий дымок, вышла Синеока. Они встретились глазами. И словно безмолвный диалог состоялся:

– Мне нужно уйти. Будет правильно высадить кедр на новое место. У лесовиков появиться свой дом...

Синеока опустила глаза долу.

– Твоё право. Долг – превыше всего. Вижу я, что душа твоя только так получит исцеление. И я тому только помеха... слабое утешение...

– Нет же...

– Ты уже решил... Шмель...

Шмель отвернулся. Он спустился вниз и упал лицом в одеяло.

– Пап, почему мы уезжаем? – спросила Оля, спешно собирая рюкзак в домике для девочек.

– Хватит. Решил взять небольшой отпуск и провести оставшиеся две недели с вами. Мы так редко бываем вместе. – ответил Иннокентий. Как только рассвело, он съездил в город и пригнал автомобиль. Вертолётom, увы, обратно уже не улетишь...

– Что это у тебя? – заметив в пышной отцовской шевелюре клочок седых волос, спросила она.

– Где?

– Вот! Седина...

– С вами поседеешь...

– Я реально не поняла, что вчера случилось! По лесу бродили зомбяки.

– Ну что ты, какие зомбяки! Деревенские играли в ролевые игры...

– Ролевые игры? Да неужто! – к ним присоединился Вовка. Он уже собрал вещи и зашёл за сестрой и отцом.

– Язычники... что-то славянское: или день Купала, или осеннее равноденствие... Короче, не знаю, – попытался оправдаться Иннокентий.

– А портал? Нас провели через портал! Это и Колька, и Вадим, и Данила могут доказать.

– Ну и как? Ночью в темноте не только зомби и порталы,

всё что угодно может померещиться! – усмехнулся сонный Иннокентий.

– Мы точно знаем, что эти придурки пользуются волшебством! – возмутилась Оля. – Не нужно держать нас за дураков! Вон, поседел даже, насмотревшись на их ролевые игры.

Иннокентий тяжело вздохнул и больше спорить не стал. Если не вспоминать, то скоро всё забудется. Только как забыть? Он обещал чародеям из Лисьего Бора, что не станет строить комбинат вблизи посёлка. Теперь нужно биться за это решение! Как-то отстаивать...

Медленно, мягко ступая по сосновым иголкам, они направились к воротам лагеря, у которых Иннокентий оставил свою машину.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем... куда пропадают животные, птицы, насекомые после того, как на месте леса появляется новый район или там химкомбинат, хэх, – вдруг спросил у детей Иннокентий, подходя к водительской двери.

–
Уходят в другой лес? – предположила Оля.

–
Или... умирают? – продолжил Вовка.

–
Или умирают... Знаете, я тоже никогда не задумывался над этим вопросом. А стоило... – сказал он и так долго задержался взглядом на верхушках сосен, что на мгновение поте-

рял связь с реальностью и не заметил, как рядом открылся омут и появившийся из него Лавр показал язык Вовке.

—

...Ах так, получай! – вдруг услышал Иннокентий и, опустив глаза, тут же упал с небес на землю. Вовка сцепился в драке с Лавром, а Оля и Виолка ободряюще поддерживали криками каждая своего брата.

—

Что происходит! – разнимая детей, непонимающе спросил он. – Лавр, объясни.

—

Шмель хотел с вами переговорить.

—

Прямо сейчас?

—

Желательно.

—

А если мы все вместе посетим деревню... это не будет слишком затруднительно? – с намеком на непростые отношения между подростками спросил Иннокентий.

—

Пошли... – набычась, ответил Лавр, поправляя всклокоченные волосы и рубашку. А Виолка задрала повыше нос, сложив руки в узел на груди.

—

Садитесь в машину, – пригласил всех Иннокентий.

–

Может, лучше через портал? Так быстрее, – язвительно предложила Оля.

–

А ты умеешь открывать порталы? – картинно удивляясь, спросила её Виолка.

–

Ты умеешь, – нажав на слово «ты» с деланной улыбкой ответила Оля.

–

Ну, хватит. Садитесь в машину.

–

Иннокентий Петрович, если уж они в курсе про порталы, может, не будем... – Лавр указал на машину.

–

Хорошо. Давай.

Они отошли чуть дальше от лагеря, и Виола открыла омут.

– Прошу, – иронично пригласила она.

– А что вы ещё умеете? – пытаюсь примириться с любопытством, спросила Оля, когда отец скрылся в коттедже. – На метле летать?

– Если есть омут, зачем метла? – ответил Лавр, посмотрев на Олю, как на дурочку. Они все вместе вошли в лес, направляясь к Клении. Синеока предложила детям устроить для Аничкиных небольшую экскурсию по деревне, а те ре-

шили их немного шокировать.

– ...И вообще, мы здесь вам не хухры-мухры. Мы на драконах летаем, – с видимым превосходством заявил Лавр. Виолка тут же толкнула его в бок локтем. Экскурсия экскурсии рознь!

– Да ну заливать, – посмеялся над ним Вовка. – Ни за что не поверю.

– Ну и не надо! Кления! Выходи, мы тут кое-кого привели...

Старое дерево треснуло, закрипело, и из него показалась существо, издали напоминающее человека. Оля с Вовкой попятились, от удивления широко раскрыв глаза. Лавр ждал, что они «намочат штанишки», но нет. Кления стала обычной девочкой и гости несколько расслабились.

– Звали? Кто это у нас? Они что, теперь с нами?

– Ну, не знаю даже. Посмотрим, как они будут себя вести...

– Она похожа на вчерашних зомбяков... – только и сказал Вовка.

– А хочешь на них взглянуть, кстати? Вчера вы, поди, в штаны от страха наложили?

– Мы?.. Бред, – уже не так уверенно, вторя друг другу, запротестовали Аничкины.

Виола и Лавр провели их через лес в деревню. Мимо пронеслась стайка полосатых кабанчиков, дважды из омота появлялись берегини. Нисколько не пугаясь чуть поодаль оста-

новилась лисица и залаяла, привлекая к себе внимание. Виолка подбежала к ней и погладила:

– Ты мой малыш, соскучилась? – засюсюкала она, а потом так же бегом вернулась к приятелям, помахав лисе ручкой.

– Это домашняя? – наверняка зная ответ, спросила Оля.

– У лис встречается собачье бешенство! – выпалил Вовка.

– А у людей не случается? – не опуская задранный нос, ответила вопросом на вопрос Виола.

– Вот! Здесь находятся те, кого вы вчера встретили. Все они лесавки и лешие. Волшебный народ. Пойдёте? – спросил Лавр, указывая на каменистую стену горы.

– Куда?

Виола проявила вход в кристальный грот, и подростки снова ахнули.

Они шли по коридорам пещеры осматривались.

– Выглядит так, словно они беженцы какие-то.

– Они и так беженцы. Их дом – лес! Не простой лес, а лес, пропитанный магией. Обычно в центре такого леса находится магический узел, питающий силой всех своих жителей. Так вот, их магический узел разрушили. Магия пропала, и они вынуждены были покинуть свой дом. Теперь они, по сути, и есть беженцы. Магический народ без связи с местом силы постепенно теряет разум. Вот вы и увидели их в таком плачевном состоянии. Сегодня им значительно лучше. Но они не смогут здесь остаться навсегда. Наш лес им не подходит. Он слишком молодой. Не может приютить лесавок.

– Да. Это правда. Мы с подругами еле нашли подходящие для жизни деревья. Наш лес тоже исчез. Магический кедр спилили. А землю распахали, – сказала Кления

– Странно у вас всё. У людей проще.

– Не скажи! Откуда тогда столько бездомных? Беженцам туго приходится везде. Мне так кажется, – уже более искренне сказала Оля. Вид несчастных лесовиков вызывал в ней сочувствие.

– А водяных среди них нет?

– В нашем скриповском лесу не было водяных.

– В скриповском? Около деревни Скриповки?

– Да, – вымучено улыбнувшись, ответила лесавка.

– Там у нас бабушка живёт. Там тоже обитали волшебники?!

– Мы не волшебники... у нас нет столько способностей, – снова улыбнулась лесавка.

– Мы берегини можем творить чары. Хотя это совсем не то, о чём пишут в ваших книгах, – добавила Виолка.

– А почему вы ушли из скриповского леса? – спросил у одной из лесавок Вовка.

– Там люди решили построить базу отдых. Известковые чаши – это наш магический узел они по незнанию разрушили, и магия пропала.

– Почему же вы не боролись за свой дом? Нужно было выгнать их. Сказать, что чаши священны! – возмутилась Оля. А лесавки грустно опустили глаза к полу.

– Мы не показываемся людям. Как мы должны бороться? – сказала Виола.

– Почему же вас видно сейчас?

– Нашему лесу тоже угрожала опасность от химкомбината. Пришлось проявиться! – возмущенно крикнула Виола, и на глаза её навернулись слёзы. Все, кто был в пещере, оглянулись в её сторону и замерли с таким выражением на лицах, что и Вовка, и Лавр почувствовали ком в горле и жгучую обиду за лесавок, за леших, таких «страшных» и таких беззащитных...

Новый план!

Иннокентий вошёл в коттедж Синеоки и совсем не удивился, увидев всех, с кем встречался накануне вечером, склонёнными над картой. Они явно что-то планировали, как ему показалось. И негромко обсуждали задуманное.

«По видимости захват мира...» – сразу подумал Иннокентий. «С их-то возможностями можно устроить тут... апокалипсис».

– Добрый день. Что-то случилось? Звали?

– А, это вы, Иннокентий. Добрый день. Вы нам очень нужны. Подойдите-ка и взгляните на карту, – тихим голосом попросила Синеока. Все знаком поприветствовали Аничкина и снова уставились на карту.

– Мы всё утро провели в поисках нового места жительства для лесовиков, – она посмотрела на высокую, очень красивую лесавку, – Есть только два лесных массива, подходящих по величине и качеству луба. Это лесопарковая зона в западной части города и... скриповский лес. Вы поможете нам?

– Каким образом?

– Нужно добиться, чтобы парк и бывшая усадьба Веринцева стали охраняемой зоной. Я помогу восстановить усадьбу и лесавки поселяться в ней под предлогом... под каким-нибудь предлогом. Организуют коммуны, допустим. Или что-нибудь в этом роде. Не суть важно. Создадут в

усадыбе музей и станут охранять парк. Там мы планируем высадить кедр. Тем не менее скиповский лес тоже необходимо отбить. Он может восстановиться. Я просто уверена! Как кедр дал новый росток, так и чаши смогут не сразу, но восстановить свои магические силы. Магия – она ведь не снаружи, она внутри. В начале появляется магический узел, и лишь потом он приобретает свои физические очертания на земле. Вы человек авторитетный. Крупный чиновник, человек науки. Вы знаете толк в химии, а значит, понимаете, что такое биогеоценоз. Всё в природе взаимосвязано. Не только лесавкам нужен лес. Он нужен всем: растениям, животным, насекомым. Нарушен хрупкий баланс!

– Что? Биогеоценоз? – не поверил своим ушам Иннокентий, но Степан показал знаками, что новое словечко пришло в лексикон Синеоки из его уст.

– Нужно открыть кампанию по спасению известняко-бернесситовых чаш. К тому же лес там, диковинный. Реликтовый лес. С вкраплением редких для нашей полосы деревьев, лиан и папоротников, высотой в рост человека, что тоже может являться поводом для защиты, – конкретизировал предложение Шмель.

– Да. Островок палеозоя. Съездим, посмотрим? – тоненьким молящим голоском спросила Иннокентия высокая лесавка. Это была Осения из скриповского леса. Дочка бывшего Владыки. Она тоже решила бороться.

– Быстро Скриповские чаши отвоевать не удастся, поэто-

му Веринцевский парк и усадьба – в числе первоочередных задач. Вы нам поможете? – твердо спросила Синеока у Иннокентия.

– Хорошо, хорошо! Кто только мои проблемы решать станет?

– А вы не хотели бы возглавить завод по переработке мусора? – с надеждой посмотрела на него Лилия. Она плохо себя чувствовала последнее время и сидела несколько в стороне от всех.

– Хм! – поразился ей Иннокентий. – Все считают себя в праве мне указывать!

– Если вы откажетесь от строительства химкомбината, я могла бы помочь... и даже выделить средства на это предприятие. Конечно, не ближе, чем в километре от Лисьего Бора. Соглашайтесь, – подбодрила его Синеока.

– Почему именно мусор? Хотя...

– Я слышала, что в самом начале шла речь именно о переработке пластикового мусора, а не о химкомбинате, – ответила Лилия.

– К тому же переработка уже имеющегося пластика намного важнее для экологии региона, чем что-либо то ещё. И мы в этом заинтересованы больше других. А возьмётесь, поможем с выбросами в атмосферу. Пропустим их через фильтр магии.

– Фильтр магии... – передразнил Аничкин. – Вам бы в депутаты с таким знанием проблем региона. Далек пойдё-

те! Синеока, скажите, вы правда можете отреставрировать усадьбу и построить завод на свои деньги? Откуда у вас столько?

– Природа даёт нам столько, сколько нужно, – многозначительно сказала Синеока и улыбнулась.

– А если кто-то захочет вас ограбить?

– Ну, это не так просто. Мы способны раствориться в воздухе, как туман после дождя. А тогда ни золота, ни бриллиантов вы не найдёте и подавно!

– Обидно! Почему вы, Синеока, всё время намекаете на меня! – возмутился Иннокентий.

– Простите, Иннокентий. Я про людей. Про жадных людей. Плохо, конечно, что я противопоставляю людей магическому народу. Но пока... я не могу иначе.

Лилия схватилась за живот и сказав: «Простите», выбежала из зала. Степан в беспокойстве последовал за ней.

Лиля, остановилась на пороге комнаты, которую они со Степаном занимали в доме Синеоки, когда приезжали в деревню, судорожно вздохнула и согнулась пополам в приступе тошноты.

– Что с тобой, Лилёк? – тревожно спросил, приблизившись практически вплотную к ней, Степан.

– Токсикоз, Стёпа. Я беременна. И... я хочу этого ребенка.

Степан замер, потом радостно улыбнулся:

– Это... это здорово! Приляжешь? Давай помогу. Чего-нибудь хочешь? Водички или может лучше сока? – засуетился он.

– Я думала, ты не хочешь детей?

Степан закатил глаза.

– Ты говоришь о том, что было десять лет назад. Теперь совсем другое дело. Теперь я тоже хочу. Хочу, чтобы у нас был маленький.

Степан обнял её крепко-крепко. Поцеловал и погладил пока ещё плоский животик.

– Подрастай, мы ждём тебя. Твои папа и мама, – по-детски засюсюкал он.

– Ты такой милый. Просто слов нет!

Лилию снова охватил приступ тошноты, толи от токсикоза, толи от сюсюканья.

– Всё-таки сока! Принеси сока. Малиношного. Только разбавь его, пожалуйста, и добавь немного лимона. Я привезла. Поищи на кухне.

Степан метнулся из комнаты.

– Ну, как у вас тут? Договорились? – спросил он у присутствующих в зале заговорщиков, наливая сок и выдавливая в него половинку лимона. – Лиля попросила, – по-доброму усмехнулся он, комментируя их любопытные взгляды.

– Да. Предварительно. План действий в общих чертах уже вырисовывается. С поместьем Веринцева можно начинать прощупывать почву уже завтра. К зиме магический кедр дол-

жен найти своё постоянное пристанище. Арендовать парк «за рубль...» так это называется? Договор заключается всего на сорок девять лет? – повторила она услышанную информацию, словно пытаясь осознать и принять её окончательно.

– Дальше можно продлить договор. А вообще, у отреставрированной исторической усадьбы намного больше шансов на будущее, чем у любой другой, – подтвердил Иннокентий. – Самого частенько за душу берёт при виде заброшенных парков и дворцов, вышедших из-под рук именитых архитекторов. Когда-то произведений мирового искусства!

– Ну что ж, берём. Реставрацию начнём не медля, – решила Синеока. Ей показались убедительными, восторженные слова по сути уже бывшего директора несуществующего химкомбината о Веринцевском дворце. Появилось жгучее желание действовать. Синеока заёрзала на месте. Давненько не приходилось бывать во дворцах и на высоких приёмах. А раньше, в году так тысяча пятьсот пятом... Тогда ей взбрело в голову заявиться на смотрины и с обидой признать, что царевич совсем не смотрит в её сторону. Он выбрал невесту загодя. Как сказала сваха: почти за год до смотрин царевич путешествовал, увидел её и влюбился.

– Дааа! – сказала вслух Синеока, загадочно улыбнувшись.

– Что «да» Синеока? – поинтересовался Степан. Мечтательный вид Владычицы его заинтересовал.

– Хотела когда-то повторить подвиг девицы Лебедь. Она была дочерью морского Владыки и запросто влюбила в себя

Гвидиона. В молодости я была очень амбициозной, поэтому тоже вознамерилась выйти замуж за принца.

– Ого! Какие подробности всплывают. Потом расскажешь? – попросил он и, поставив высокий бокал с соком на серебряный поднос, протиснулся в дверь.

– Интересно, чем заинтересовал тебя этот принц? – немножко ревнуя, поинтересовался Шмель.

– Ну... у него были шансы стать хорошим царём. Впрочем, он и без меня сделал всё, что мог... – улыбнулась она и встала попрощаться с Иннокентием.

Девять месяцев спустя...

Иннокентий заглушил мотор и помог детям вытащить рюкзаки и сумки из багажника. На лагерный автобус они опоздали, пришлось добираться своим ходом, но это и к лучшему. К жене Иннокентий пока не вернулся и был рад каждой возможности пообщаться с детьми.

– Вот документы. Поторопитесь. Я вас сдам на поруки и побегу дальше. Дел непроворот. Хочется заглянуть к Синюке и взглянуть как у неё идут дела. А потом на завод. Кажется, нам поставили совсем не ту цементную смесь...

– А можно с тобой? Сегодня в Лисий Бор должен был приехать Лавр. Мы договорились встречаться на пляже, но когда это ещё будет! Июнь какой-то морозный... Пляжем и близко не пахнет, – сказал Вовка.

– Если бы нашим пляжем вдруг ещё и запахло... я бы ни за что не зашла в воду! На лицо настоящая экологическая катастрофа!

– Настоящая катастрофа, совсем не на лицо. Если, конечно, оно не твоё после поедания шоколадного мороженого.

– Вещи хотя бы оставьте в домиках. Не с ними же...

Через полчаса они стояли на границе Лисьего Бора.

– Ну и как это работает? – тараша глаза в небо, спросила Оля.

– На границе установлено оповещение. Я предупредил

Синеоку, что зайду.

Они вступили в бор и слышали громкий рёв благородного оленя.

– Это? – улыбнулась Оля. – А почему не бляние козы? Входишь в лес, а тебе на каждом шагу «беее, беее!» – вот было бы весело.

– Или кукареку. Точно кукареку! – развеселился Вовка.

Открылся портал и к ним навстречу выбежали ребята: Виола и Лавр.

– Везёт вам всё-таки! – сказала Оля, вступая в портал. – Ну почему я не берегиня или хотя бы лесавка.

– Что, значит, хотя бы? – возмутилась Кления, встречая их на том конце магического омота. – А мы переезжаем!

– Куда?

– В Веринцевский парк. Шмель сказал, что нам нужно учиться, чтобы потом стать хранителями парка и музейного комплекса. Завтра придет педагог и все лесовики школьного возраста сядут за учебники.

– Фуууу! – В один голос завыли Лавр, Вовка и Оля.

– А нам так очень хочется. Теперь всем придётся жить среди людей.

Иннокентий отправился напрямиком к Синеоке, но опоздал к назначенному времени и не застал её дома. «Не дождалась» – усмехнулся он и увидел на журнальном столике статуэтку дракона, вырезанную Ясенем. Её нашли за бочонком, возле которого Ясень занимался резьбой. Дракон повернул-

ся к Иннокентию и прорычал: «К сведению: Владычица ушла к озеру осмотреть жемчужницы».

Всякий раз в Лисьем бору находился повод схватиться за сердце. Иннокентий присел как подкошенный на диван и налил себе стакан воды из графина.

– Если бы не дела... если бы не дела... – повторял он, направляясь к озеру.

– Сегодня пасмурно, можно покататься на драконе. Go? – предложил Лавр друзьям.

– Я думала дракон, это шутка такая! – удивилась Оля.

– А нет! Дракон реально существует. Он научился мимикрировать. А ещё может скрывать наездника под куполом своей магии.

– Круть! А он нас не схавает?

– Надеюсь, что вы невкусные, – ответила на это Виола.

Ребята побежали вдоль кристального грота к Ярсу. Он всегда был рад им. Только Лавр с Виолой выводили его из тесной маленькой пещерки на простор. Берегини отчего-то его побаивались, как и берегини. Синеока не считала нужным гулять с драконом, в принципе: «Дети завели, пусть и выгуливают», – говорила она Шмелю, покачивая люльку из ивового прута. В конце апреля у неё родилась малышка, и Синеока-мама старалась не отходить от нее. Добровольным помощникам, которых среди берегинь было хоть отбавляй, сейчас работы хватало и в поле. Шмель тоже подолгу не отхо-

дил от своей малышки. А чёрной огнедышащей махины, сторонился, хотя и переживал наблюдая, как дракон крутиться в тесной пещерке, пытаюсь хоть как-то устроиться и недовольно мычит. Лавр появлялся в деревне только на каникулах и в выходные. Поэтому всю заботу о Ярсе взвалила на себя Виола. Было смешно смотреть как маленькая девочка ведёт на поводке громадного зверя и берегини невольно проникались к ней уважением.

Ребят Ярс встретил громким рёвом: «Рууу!»

Дракон произвёл на Олю и Вовку «вау-эффект»: он вырос до размеров африканского слона.

– Мне кажется он больше расти не будет. За год, животное обычно достигает своего максимального размера, – с умным видом сказала Виола, тиская прохладные мягкие уши Ярса.

– Наверное, – находясь под впечатлением, произнес Вовка. – А мы на него поместимся?

– Легко!

Всем своим видом показывая нетерпение, стуча шипастым хвостом по стенам пещеры, дракон выбрался на свежий воздух, расправил крылья и победно закричал: «Рваурррр»

Лавру запрыгнул зверю на спину и подал руку Виоле. Жестом предложил сделать то же самое Ольге и Вовке, но те никак не решались взобраться на Ярса. Три раза подходили и снова делали два шага назад. И вот, когда Оля наконец собралась с духом и подошла вплотную к дракону, тот вдруг сильно задрожал и начал покрываться липкой испари-

ной, всё больше и больше. Спина зверя стала горячей и покраснела. Виола с Лавром испуганно соскользнули на землю.

– Что происходит? Ярсик заболел? Может у него драконий грипп или того хуже?... – обеспокоенно спросил Лавр сестру. А дракон продолжал вести себя более чем странно. Как пёс, устраивающийся на ночлег, Ярс стал подрывать под собой землю и вскоре выкопал в мягком торфяном грунте лунку, свиваясь в ней кольцом. Он крутился, пыхтел, от него шел пар. Он продолжал всё больше покрываться слизью. А через пять минут, оказался уже в плотном, словно загустевшая манная каша, коконе. Со стороны было невозможно понять, где голова, где хвост, где лапы.

Виолка сжалась от страха, закрыв руками уши и глаза:

– Надеюсь он не взорвётся. Надеюсь не взорвётся...

– Зайдите в пещеру. А я за мамой! – сказал Лавр и пулей полетел к озеру.

Когда они с Синеокой вернулись, слизь на драконе уже затвердела, превратившись в камень.

– Вот! Смотри. Теперь он ещё и окаменел, – теряя самообладание, сказал Лавр матери. Синеока осмотрела каменную глыбу и сказала:

– Я не знаю какие изменения претерпевает дракон, но могу уверенно сказать, что он жив. – Приложив ухо к каменной массе, она ещё раз прислушалась. – Вы не замечали раньше... – хотела что-то еще сказать она, но глыба начала слабо светиться. Через несколько секунд она уже напоминала за-

ствающую, но все ещё горячую вулканическую лаву, красную как огонь.

Наблюдать за метаморфозой собралась вся деревня. Никак не привыкнув к присутствию дракона, берегини всегда ждали от него чего-то экстраординарного. Дождались!

Оля с Вовкой периодически выходили из пещеры, снедаемые любопытством. Иннокентий, который подошел вслед за Синеокой, отгаскивал их подальше: «Не дай Бог эта махина прорвёт огнём!» На его долю досталось уже слишком много магических неожиданностей, рисковать, к тому же детьми он не собирался.

Прошло ещё... много томительных минут. Время никто не засекал. Берегини шушукались, Синеока прислушивалась ко всем изменениям внутри кокона, Шмель с дочкой на руках, молча стоял в сторонке, Лавр хмурился и квасился, Виолка шептала: «Бедненький, ну что же с тобой такое происходит...»

Все ждали. Наконец каменная скорлупа пошла трещинами и от неё начали отваливаться куски. Последние отвалились при глубоком судорожном вздохе дракона, и зрители увидели его лежащим в позе эмбриона... словно только родился, он был слабым и сонным, покрытым остатками белой слизи. Ярс потянулся, расправив передние и задние лапы, запрокинул голову и вдоль спины пробежало яркое голубое свечение, подсветившее зеленоватую шкуру дракона. На боку Ярса красовался чуть запёкшийся, но всё ещё свежий

шрам, а под боком лежало другое существо: Ярстик номер два. Гораздо меньшего размера, тёмно-василькового цвета. Малыш был жив: вдоль спины его бегали розовые и сиреневые пульсары.

– Это моё! Моё чудо! – вскрикнула Виола и подбежала к драконам. – Виолетта. Я назову её Виолетта! – добавила она, почему-то сразу сообразив, что это девочка. Драконица перевернулась сбоку на бок, уткнувшись носом в Виолкино пузо, и открыла жёлтые, словно два огранённых топаза, глаза.

– Вот это да! А я-то дурак думал, что мы так и будем вместе на одном драконе летать, – толи разочаровано, толи очарованно признался Лавр.

Никто не заметил как в ворота въехал автомобиль и вскоре около драконов, протиснувшись сквозь толпу берегинь, появились Степан и Лиля, покачивающая на руках младенца в синей шапочке с вышитой белыми нитками надписью: «Светозар». Молодые родители не стали экспериментировать с растительными именами. Ни Лиля ни Синеока. Даринка была для Синеоки как дар любви, а для Лили сыночек, как свет в окошке...

– Лиличка! У нас ещё маленькая! Представляешь? Просто невероятно! – воскликнула Виолка, заметив сестру.

– Магический бэби бум какой-то. Так жалко, что я ничего не видел, – с разочарованием сказал Степан. Кто это? Девочка?

– Да. Моя девочка, – с гордостью подтвердила Виолка.

– Судя по ране в боку и вероятно отсутствием одного ребра... можно сделать вывод...

– Что Ева произошла из ребра Адама? – удивившись больше прежнего, договорил за Синеоку Степан, пока та осматривала Яrsa, считая рёбра на его зелёных боках. Дракон всякий раз вздрагивал, но терпел.

– А может он того... как инфузория туфелька? – предположил Лавр.

– По сути это одно и то же. Воспроизводство путем деления. Только как-то уж больно стремительно, – добавила Лилия. – Дракон не инфузория-туфелька. Это масса!

– По сути мы ничего не знаем о драконах. Мало того, этот дракон будучи в яйце отозвался на зов Лавр и Виолы. Два хозяина одного дракона? Быть не может! Возможно, что в яйце сидели близнецы? Как матрешки: один в другом. Любое другое животное вряд ли б выжило, имея такой довесок, а дракон рос и развивался. А в тот момент, когда второму пора было появиться на свет, он вышел, вспоров бок со стороны отсутствующего ребра, – сделала вывод Синеока. Она подошла к Яrsa и положив руку на рану в боку, помогла регенерации. Наверняка дракон справился бы сам, но берегини для того и нужны чтобы заботиться о всём живом.

Ярс благодарно лизнул ей щеку. Синеока изменилась в лице, но вытерпела. Щека покрылась вязкой слюной...

– Mam, как же быть с малюткой? Можно взять её в дом?

– Виолка, малютка твоя размером с телёнка.

– Ну и что?

– Наш домик, слишком маленький!

– Мам, ты же можешь чуть-чуть увеличить размер спальни...

– Да и разделить её пополам. Я не собираюсь жить в одной комнате с драконом.

– Только две ночки, умоляю...

– Хорошо, но не больше. Слона мы в доме держать точно не станем!

– Покататься на драконе сегодня не получится, – сказал, пожимая плечами, Лавр друзьям.

– Понятно... – с завистью ответил Вовка.

А вот Оля его не слушала. Не в силах отвести глаз от драконицы, она топталась около Виолки.

– Можно погладить? Можно? Какая она хорошенькая.

– Я тоже хочу такую, – скулила Кления, поглаживая блестящую лиловую шею.

– Если честно я им завидую... – сказала Лиля Синеоке, Степану и Шмелю, глядя на детей. – Такое диво-дивное. Сказка оживает прямо на глазах. Оля с Вовкой, не перестанут верить в фей и драконов, а магический народ вновь поверит в людей. А значит у сказки всё-таки есть будущее.

Степан взял Лилю и ребёнка на руки и понёс в дом.

Синеока, глядя на них, просияла. Шмель заметил золо-

тистые искры, опутавшие её сверху донизу, и тоже, счастливый, прижал к щеке щёчку Дарины. В ответ щечка девочки вспыхнула розовыми искрами.

– У неё жар! – испугалась Синеока.

– Нет. Думаю, её следовало назвать Заря. Она вспыхивает розовым.

– Дарина может иметь любой цвет магического пламени. Уверена, потом мы увидим и золотой. И голубоватые и зелёные искры – какие угодно, – кокетливо развернулась Синеока и длинное шёлковое платье взмыло дымным шлейфом... розовым, оставив в воздухе медвяный аромат таволги и душицы.

Иннокентий стоял чуть в стороне. Он ещё не понял безопасно быть рядом с драконом или нет и казался себе брюзжащим стариком, который боится всего нового.

– Пап, не бойся, погладь её. Я тебя люблю, – Оля чмокнула отца в щеку

Иннокентий прослезился. Лисий Бор делал его «соучастником» чуда. После всех событий прошлого года они с детьми стали ближе друг другу. Ему льстило и то, что с матерью секретом этого волшебного места дети так и не поделились. Поэтому при встречах постоянно висели у него на ушах, рассказывая, что новенького узнали от Лавра, с которым постоянно переписывались в соцсетях.

– Каждой семье не хватает хоть маленького, но чуда. Для счастья, – подумал Иннокентий и бочком протиснулся к дра-

кону.